

Введение

Южная Сибирь (Алтай, Минусинская котловина) занимает значительную часть территории Северной Азии. Благоприятные природные условия региона способствовали тому, что, начиная с верхнего палеолита, эта зона интенсивно использовалась человеком. Пожалуй, ни один район Сибири не обладает таким изобилием разнообразных археологических памятников бронзового и железного веков. Поселения, могильники, наскальные рисунки и памятники письма, каменные стелы и изваяния, изделия из бронзы, железа, серебра и золота, оригинальнейшие образцы скифо-сибирского звериного стиля — вот лишь краткий перечень богатейшего исторического материала, изучение которого позволило выявить ключевые моменты древнейшей и древней истории не только Южной Сибири, но и сопредельных районов Азии.

Поразительная оригинальность и самобытность памятников, их сравнительно лёгкая доступность способствовали тому, что южносибирские древности гораздо лучше изучены по сравнению с памятниками других районов Сибири. Это объяснялось тем обстоятельством, что ко второй половине XIX в. об археологических памятниках данного региона сложилось мнение, что они имеют совершенно исключительное значение в познании древней истории многих районов Азии. Они воспринимались как своеобразный ключ к пониманию прошлого населявших её народов.

История изучения памятников Южной Сибири богата интересными научными открытиями. Собраны и хранятся в музеях колоссальные коллекции, разработаны методы полевой и камеральной их обработки и приёмы теоретического обобщения археологических фактов. Исследователи, стремясь наиболее полно восстановить древнюю историю народов Сибири, в ходе обобщающей работы высказали разнообразные, порой взаимоисключающие идеи. Страстная борьба мнений обусловливается разноплановым пониманием археологического материала. Археология Южной Сибири достигла такого уровня развития, когда стало необходимым обращение к её истории, которая уже имеет определённый опыт по анализу деятельности отдельных исследователей и экспедиций, обобщению опыта предшественников.

Попытка подобного рода обзора археологических работ в Южной Сибири была предпринята Н.И. Поповым в 70-е гг. XIX в. Первые опыты научного изучения памятников древности он связывал с указами Петра I. Отмечая «любопытность и потребности Петра знать средства своей страны» [1], Н.И. Попов высоко оценил деятельность академических экспедиций XVIII в. и экспедиции М.А. Кастрена. Вместе с тем он критически отнёсся к сделанным описаниям памятников и предложенным интерпретациям и признал их неудовлетворительными. Объяснялось это, как он считал, ограниченными возможностями экспедиций и их участников, а также невысоким уровнем развития науки о древностях, которая делала первые шаги. Подводя итоги развитию археологических исследований в XVIII — первой половине XIX в., Н.И. Попов отметил недостаточность их научного потенциала, который не позволял делать широких исторических обобщений [2]. Поэтому основной задачей археологов того времени он считает накопление научных фактов, добывать которые следовало бы в ходе систематических раскопок.

В 80-е гг. XIX в. В.В. Радлов, обратившись к научному наследию Д.Г. Мессершмидта, впервые по достоинству оценил археологическую деятельность этого исследователя, указав на то, что тот первым обратил серьёзное внимание на сбор древностей и заставил заняться их изучением целую плеяду ученых-путешественников XVIII в. [3]

В конце XIX — начале XX в. появились статьи, посвящённые Ф.И. Страленбергу. В них рассматривались история его пребывания в Сибири и результаты его путешествия с Д.Г. Мессершмидтом [4]. В это же время И.Т. Савенков в монографии о писаницах среднего Енисея проследил историю изучения наскальных рисунков и пришёл к выводу о необходимости их серьёзного изучения. Поверхностность при раскрытии содержания этих памятников он объяснял тем, что ученым-путешественникам мешал христианский обскурантизм, который не позволял «проникнуть в душу язычника». Предпринятые в XIX в. Г.И. Спасским и Н.И. Поповым попытки разгадать смысл наскальных рисунков И.Т. Савенков считал неудачными и не заслуживающими серьёзного внимания уже потому, что исследования их были основаны на недоброкачественных копиях с памятников, выполненных Л.Ф. Титовым [5].

Высокую оценку научной деятельности И.Т. Савенкова дал Л.Я. Штернберг. Рассматривая его работу о наскальных рисунках Енисея, Л.Я. Штернберг указал на спорность высказанных идей, на их односторонность, отмечая, однако, и особую ценность исследования, которая заключалась, по его мнению, в широком применении

сравнительно-исторического метода, которым Савенков владел в совершенстве [6].

В послеоктябрьский период, в 30-е гг., С.В. Бахрушин, одним из первых обратившись к анализу опыта исторического изучения Сибири, высоко оценил многогранную деятельность Г.Ф. Миллера, который первым увидел в археологических объектах важный исторический источник, способный рассказать о многих сторонах жизни человеческого общества [7].

Значительный вклад в разработку проблем историографии был сделан А.П. Окладниковым [8]. Он указал, что дореволюционные исследования заложили основу для разработки научной классификации древностей и культурно-исторической периодизации древней истории народов Сибири. Подводя итоги развития дореволюционной сибирской археологии, А.П. Окладников отметил значительное её отставание от общерусской. В Сибири работы велись в основном любителями на очень ограниченной территории. И тем не менее во второй половине XIX в. именно сибирские археологи сделали ряд открытий (И.Д. Черский и И.Т. Савенков открыли палеолит), на долгое время определивших направление научных поисков не только в русской, но и в европейской науке [9].

Начальный этап сибирской археологии подверг специальному анализу Л.Р. Кызласов. Он высоко оценил указы Петра I, запрещающие хищнические раскопки памятников и предписывавшие их охрану. Касаясь деятельности Д.Г. Мессершмидта, Л.Р. Кызласов особо подчеркнул открытие путешественником древней енисейской письменности VII-XIII вв. [10]

Деятельность Д.А. Клеменца как археолога всесторонне рассматривается М.А. Дэвлет [11].

В начале 60-х гг. обобщающий обзор экспедиционного изучения сибирских древностей, и в частности Южной Сибири, был сделан А.И. Мартыновым. Бесспорной заслугой автора обзора является то, что он разработал основополагающую периодизацию истории изучения археологических памятников Сибири [12].

Во всех приведенных обзорах история изучения археологических памятников Южной Сибири выступала как часть общего научного процесса. Специальному исследованию она подверглась Э.В. Вадецкой, которая, проследив историю всех экспедиций, побывавших в Минусинской котловине, выявила памятники, подвергавшиеся изучению. Этапы, выделенные А.И. Мартыновым, были конкретизированы Э.В. Вадецкой применительно к истории изучения района среднего Енисея: I этап — XVIII в.; II — первая половина XIX в.; III — вторая половина XIX в. — первые два десятилетия XX в.; IV этап — от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Каждый из перечисленных этапов характеризуется, как показывает Э.В. Вадецкая, своеобразным подходом к изучению памятников, своей методикой раскопок, задачами, которые решали исследователи [13].

Небольшой очерк истории изучения петроглифов Енисея в дореволюционное время написали Т.Н. Николаева и Б.Н. Пяткин. Они довольно подробно описывают открытие различных писаниц среднего Енисея, уделяют внимание формированию методики копирования рисунков [14].

Таким образом, ясен пока только самый общий ход изучения древнейшего прошлого Сибири и последовательного накопления материала в ходе раскопок. Но история археологии предусматривает в большей мере не столько обзоры экспедиционных исследований, сколько рассмотрение эволюции концепций, теорий, гипотез, определяющих общее направление исследовательского поиска. Поэтому так важно обращение к историческому анализу теоретического наследия научных исследований по археологии Сибири. Оно необходимо для дальнейшего развития исследований.

Южная Сибирь — наиболее изученный в археологическом отношении район. Интенсивность исследований с каждым годом возрастает, увеличивается число публикаций, дающих в руки исследователей всё новый и новый материал для изучения. Наряду с этим интерпретации и набор идей зачастую остаются строго традиционными. Наибольшее число работ, посвящённых древностям среднего Енисея и Алтая, приходится на памятники эпохи бронзы и раннего железного века. Именно они вызывают повышенный интерес учёных, и это не удивительно, так как археология Южной Сибири остаётся краеугольным камнем при решении многочисленных её проблем. В такой ситуации рассмотрение старых и новых концепций в их историческом развитии и взаимоотношениях представляет значительный научный интерес. Крайне важным для понимания закономерностей становления научной мысли является анализ начальных периодов археологических исследований в Южной Сибири, когда основная проблематика археологии этого района обретала реальные черты, а многие из идей становились основополагающими.

Значительный объём материалов не позволяет охватить весь двухсотшестидесятилетний период истории изучения археологических памятников. Поэтому в работе анализируется лишь начальный его этап от первых

научных экспедиций (20-е гг. XVIII в.) до выработки научно-достоверной культурно-исторической классификации памятников среднего Енисея (20-е гг. XX в.), которая надолго стала универсальной для всей Южной Сибири. Основное внимание в работе уделяется рассмотрению историографических материалов по археологии Минусинской котловины в указанный период. В основу исследования положена периодизация А.И. Мартынова и Э.Б. Вадецкой.

Первый период, соответственно, охватывает XVIII в., когда проводились первые научные экспедиции в Сибирь. Для него характерны принципы и методы исследований, присущие эпохе просвещения. XIX — начало XX в. (до 1917 г.) объединены в один период на том основании, что именно в это время происходило отмежевание от методики исследований XVIII в. (первая половина XIX в.) и начиналось становление сибирской археологии как самостоятельной отрасли общерусской исторической науки (вторая половина XIX — начало XX в.). Третий период охватывает время от Великой Октябрьской социалистической революции до 1980 г. и подразделяется на три этапа. На первом этапе (20-е гг. XX в.) С.А. Теплоухов осуществляет разработку классификации памятников Южной Сибири, намечает пути дальнейших их исследований, чем завершает длительные поиски исследователей в этом направлении.

-
- [1] Попов Н.И. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири.— ИСОИРГО, Иркутск, 1971, т. 2, вып. 1—2, с. 50.
[2] Там же, с. 57.
[3] Радлов В.В. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. Спб., 1888, с. 5-9.
[4] Кузнецов-Красноярский И.П. Страленберг в Сибири. Сибирский вестник, 1888, № 18, 21, 24; Катанов Н.Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири. ИОАИЭКУ, Казань, 1903, т. 19, с. 170-174.
[5] Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. В кн.: Тр. XIV археолог. съезда в Чернигове, т. 1. М., 1910, с. 15-76.
[6] Штернберг Л.Я. Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914). СМАЭ, Пг., 1916, т. 3, с. X.
[7] Бахрушин С.В. Миллер как историк. В кн.: История Сибири; т. 1. М.-Л., 1937, с. 28-29.
[8] Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1 и 2. МИА, № 18, с. 15-50; Он же. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, с. 5-14; Он же. 300 лет сибирской археологии и ее сегодняшний день. В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 15-22.
[9] Ларичев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. 1. В кн.: Азия и проблема родины человека. (История идей и исследования). Новосибирск, 1969, с. 26-34, 35-37, 109-111, 113-127.
[10] Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии. В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 43-52.
[11] Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог. СА, 1963, № 4, с. 3-9.
[12] Мартынов А.И. История изучения древнейшего прошлого Сибири. В кн.: Материалы по древнейшей истории Сибири. Древняя Сибирь. Улан-Удэ, 1964, с. 9-33; Мартынов А.И., Степанов Н.Н. История изучения древнейшего прошлого Сибири. В кн.: История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 13-34.
[13] Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин. В кн.: Известия лаборатории археологических исследований, вып. 6. Кемерово, 1973, с. 91-159.
[14] Николаева Т.Н., Пяткин Б.Н. К истории изучения иероглифов Енисея (дореволюционный период). В кн.: Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979, с. 134-141.

Глава I. Первые экспедиции в степи Минусинской котловины.

Открытие памятников древности, их исследования и гипотетические оценки.

[Введение.]

Деятельность Петра I в конце XVII — начале XVIII в. позволила России выйти в число передовых европейских государств. Социально-экономическое развитие страны потребовало коренной ломки не только устоявшихся общественных институтов, но и перестройки торговых и дипломатических отношений с соседними государствами. Резко расширился круг проблем, требующих научного подхода, возникли соответствующие учебные заведения, и в первую очередь Петербургская академия наук. Стало насущной потребностью изучение природных ресурсов страны. Российская Академия наук развернула грандиозную экспедиционную деятельность, которой не знала ни одна европейская страна. Наука стала государственным институтом. «Это важное для истории науки явление неразрывно связано с более широким явлением — сложением в начале XVIII в. новой русской культуры европейского образца» [1].

Проблемы, которые ставила перед наукой жизнь, не могли далее решаться путем схоластических мудрствований. Основой научного познания стали разум и опыт, методами — непосредственное наблюдение в экспедиционных и полевых условиях. Соответствующая перестройка требовалась и в организации труда учёных. Одиночки с весьма ограниченными возможностями объединялись в коллективы по политическим, философским и научным интересам. И в этом русская наука не уступала европейской. В науке XVIII в. ведущее место принадлежало естествознанию, в частности механике и связанной с ней математике. Физика, химия, геология находились в зачаточном состоянии. Биология главным образом занималась накоплением и первоначальной систематизацией материала. Метафизический взгляд на природу, согласно которому «природа, каким бы путем она сама не

возникла, раз она уже имеется налицо, оставалась всегда неизменной, пока она существует», господствовал в естествознании [2]. Метафизический взгляд на природу механически переносился и на общество. Методы естествознания считались универсальными, и поэтому ими пользовались при исследовании социальных явлений. Ученый-просветитель в первую очередь собирал факты и систематизировал их, руководствуясь идеями Гоббса, Вольтера, Руссо, Дидро о «естественном состоянии человечества», о «естественном праве», а также принципами энциклопедизма. «Естественное состояние человечества» есть не что иное, как механистический взгляд на исторический процесс, который если и допускал элементы развития, то только под действием внешних факторов — переселения, заимствования. Черты именно таких научных воззрений были характерны для процесса изучения Сибири в XVIII в.

Планомерное научное исследование Сибири началось с указа Петра I 1696 г., который предписывал Семену Ремезову составить географический атлас Сибири [3]. Чтобы управлять и в полной мере использовать для развития страны богатый край, необходимо было знать его природные ресурсы и производительные силы. Поэтому в научных изысканиях России XVIII в. Сибирь занимала особое место. Пробуждается интерес также и к памятникам древности, изучение которых становится в тот период государственной необходимостью [4].

Не имея в достаточной мере своих научных кадров, Россия вынуждена была обратиться за помощью к зарубежным учёным, в основном немецким. В 1717 г. был приглашён на службу в Академию наук Д.Г. Мессершмидт. По контракту он должен был ехать в Сибирь для исследования ее природных богатств. В 1725 г. для занятий сибирской историей в Россию приехал Г.Ф. Миллер. В 1727 г. — И.Г. Гмелин, чтобы исследовать «натуральную историю», а в 1766 г. — П.С. Паллас для составления географического описания страны. С целью всестороннего изучения Сибири правительство осуществило ряд научных предприятий. В 1720-1727 гг. состоялась экспедиция Д.Г. Мессершмидта. Он проехал от Урала до Северной Маньчжурии и от Саян до нижней Оби. Результаты экспедиции были внушительными, но стало ясно, что одному учёному невозможно всесторонне обследовать огромную территорию. Тогда-то и была снаряжена новая академическая экспедиция 1733-1743 гг., цели и задачи которой заключались в комплексном изучении Сибири на всём её протяжении от Урала до Тихого океана. В состав её вошли Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, Я. Линденау и Г.В. Стеллер. Эта экспедиция готовилась более тщательно. Её участники внимательно проштудировали всю имеющуюся литературу по Сибири. Особенное внимание привлекли книга Ф.И. Страленберга и записи Д.Г. Мессершмидта. Исторические изыскания стали теперь обязательным пунктом исследовательской программы. Они вменялись в обязанность Г.Ф. Миллеру. В ходе экспедиции посильную помощь ему оказывали И.Г. Гмелин и другие участники. В 1768-1777 гг. поездку в Оренбургский край и Сибирь совершил П.С. Паллас. Примечательно, что все упомянутые экспедиции уделяли особое внимание изучению сибирских древностей.

Интерес этот был не случаен. В европейском и русском обществах XVIII в. достаточно хорошо представляли ценность материальных остатков человеческой деятельности в далеком прошлом. В Европе изучение памятников древности, а в силу этого и зарождение археологии как науки связано с эпохой Возрождения в Италии. Памятники искусства и литературы Древней Греции и Рима возбудили живейший интерес прежде всего в среде деятелей искусства, что к середине XVIII в. чётко определило отношение к античным древностям как произведениям искусства. Русская же археология XVIII в. шла самобытным путём. Её становление связано с процессом изучения сибирских древностей, которые в значительной мере представляли древнейший (первобытный) этап человеческой истории. Исследование сибирских «куриозных вещей» находилось в руках ученых-естественников (кроме Г.Ф. Миллера), что определённым образом сказалось на их интерпретации. Будучи представителями науки о Земле, они их рассматривали в совокупности с биологическими, географическими и прочими природными явлениями, т.е. в качестве объектов землеописания, способных раскрыть не только и не столько духовную сторону развития человеческих коллективов прошлого, сколько бытовую, обыденную часть их жизни. Это направление в археологии разовьётся и станет одним из определяющих в XIX в.

О сибирских древностях к XVIII в. знали достаточно много. Этому способствовало интенсивное освоение края. Русские служилые люди, путешественники и дипломаты, посетившие Сибирь в XVIII в., оставили в своих записках сведения о самых различных памятниках. Так, например, Н. Спафария, совершавшего путешествие в Китай, более всего поразили рисунки на береговых скалах Енисея южнее г. Красноярска. Во времена царя Алексея Михайловича появляются сведения о «бугровом» золоте и серебре [5]. Большинство известий XVII — начала XVIII в. носят случайный характер. В них упоминаются лишь поразившие воображение путешественника памятники или же изделия из драгоценных металлов. Параллельно предпринимаются попытки осмыслить виденное, объяснить существование в прошлом в «дикой» Сибири неизвестной цивилизации. Но в этом стремлении не было ни грани понимания научной значимости объектов старины. Над суждениями авторов довели старые античные и средневековые представления, почерпнутые из трудов Геродота, Плиния Птолемея, Аммиана Марцеллина, Георгия Акрополита и др. [6]

Интенсивные раскопки бугровщиками в XVIII в. сибирских курганов позволили получить конкретные сведения

не только об определенных вещах из металлов, но и о конструкциях могильных и надмогильных сооружений. Они же способствовали появлению частных коллекций как в Сибири у сибирских губернаторов и воевод, так и в Петербурге у Петра I, и в Европе у Н. Витзена. (Коллекция Н. Витзена известна по гравюрам, опубликованным в его книге. После его смерти она была распродана на аукционе.) [7] Пожалуй, Н. Витзен был первым, кто проявил научный интерес к сибирским древностям. Пытаясь объяснить появление в Сибири высокохудожественных изделий, он предположил китайское их происхождение, свидетельством чего, по его мнению, служили металлические пластины с иероглифами на одной из сторон. В Южную Сибирь они попали с монгольскими завоевателями.

Перелом в отношении к древностям наметился в Петровское время, а закреплён был академическими экспедициями. Формируется понимание ценности археологического памятника как исторического источника. Ряд указов Петра I запрещал хищнические раскопки курганов и предписывал собирать и сохранять не только предметы искусства, но и бытовые вещи, а также предписывали фиксировать на чертежах и планах места находок, сбора и записи о них сведений. В постановке этих задач Пётр I «определил уровень развития современной ему науки о древностях» [8]. Практическая деятельность Петра оказала прогрессивное влияние на исследователей древностей. В 1740 г. появляется инструкция Г.Ф. Миллера, написанная для И. Фишера [9], несколько позднее — В.Н. Татищева [10] и М.В. Ломоносова [11].

Концентрация научных исследований в Сибири, а также преобладание сведений о сибирских экзотических древностях способствовали тому, что в первые две трети XVIII в. в России исследовались в основном только они, в то время как интерес к памятникам Средней России и других ее регионов почти отсутствовал. И только в конце века под влиянием европейской науки появляются сообщения о памятниках Причерноморья [12]. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что вплоть до конца XVIII в. сибирская археология была общерусской археологической наукой и её достижения были достижениями русской археологии. Академические экспедиции XVIII в. положили начало научному изучению сибирских, в основном южносибирских, древностей. Участники этих экспедиций были детьми своего века — века Просвещения, с его апелляцией к разуму и опыту, с отказом от схоластики. Просветительские принципы требовали от исследователя широкого кругозора, что определяло и широкий диапазон научных интересов. Но не во всём преобладали эти принципы, часто уступая место христианскому обскурантизму.

[1] Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 28.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 348-349.

[3] Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г.— Спб., 1882.

[4] Мирзоев В.Г. Историография Сибири.— М., 1970, с. 47.

[5] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г.— ЗИРГО по отделению этнографии, Спб., 1882, т. X, вып. 1, с. 85, 190; Пекарский П.П. Известия времён царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадавших в татарских могилах в Сибири.— ИИРАО, Спб., 1863, т. V, с. 38-40.

[6] Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII-XVIII вв. — Иркутск, 1932, т. 1; Тыжнов И. И. Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVII в.— Сибирский вестник, 1887, с. 134-135.

[7] Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра. Свод археологических источников, вып. Д-3-9.— М.—Л., 1962; Witsen N. Noorden Ost-Tartarye.— Amsterdam, 1705.

[8] Формозов А.А. Очерки по истории..., с. 30.

[9] Радлов В.В. Сибирские древности, вып. 3, т. 1.— Спб., 1894, с. 106-114.

[10] Там же, с. 142-143.

[11] Гурвич Д.М. Ломоносов и археология.— КСИИМК, 1951, вып. ХLI.

[12] Формозов А.А. Очерки по истории..., с. 35.

Экспедиция Д.Г. Мессершмидта.

С 1 января 1718 г. официально началась служба Д.Г. Мессершмидта в России, а 15 ноября 1718 г. появился указ Петра I о направлении его в Сибирь. 1 марта 1719 г. Д.Г. Мессершмидт выехал из Петербурга и 21 декабря того же года прибыл в первый крупный сибирский город — Тобольск. Более года ушло у него здесь на подготовку экспедиции. Указ Петра I не содержал достаточно подробно разработанных инструкций, и поэтому Д.Г. Мессершмидт сам составил программу предстоящих научно-исследовательских работ. Исключительно интересно, что в ней в качестве особой задачи нашли отражение некоторые цели, связанные с изысканиями в области сибирских древностей: «По приказу царского величества велено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискивать потребных трав, и цветов коренья, и всякой птицы, и прочее... Також могильных всяких древних вещей шейтаны медные и железные, и литые образцы человеческие и звериные, и калмыцкие литые зеркала под письмом, и буде кто... древние вещи могильные и все выше объявленное мне чтоб приносили...» [13]

Во время подготовки экспедиции Д.Г. Мессершмидт познакомился в Тобольске с Ф.И. Таббертом (позднее — Страленберг) — пленным шведским офицером, сосланным в Сибирь в 1711 г. После нелёгких и настойчивых переговоров ему удалось добиться разрешения включить в состав экспедиции шведских военнопленных, которые отбывали здесь ссылку. По составу группа Д.Г. Мессершмидта была немногочисленна. В нее входили Ф.И. Страленберг, Каппель, обязанности которого состояли в снабжении экспедиции всем необходимым, художник Карл Шульман, слуга и переводчик Мессершмидта Петер Кратц, повар Андрей Геслер, два денщика и мальчик для сбора трав.

Время, свободное от изматывающих душу посещений местного начальства, Д.Г. Мессершмидт использовал для научных изысканий. Как только представлялась возможность, он выезжал за пределы Тобольска, а потом и Томска, вёл наблюдения за природными явлениями. Здесь в Тобольске и Томске он впервые знакомится с многочисленными древностями, добытыми «бугровщиками», рассказами об удивительных памятниках прошлого. Все это и заставило его включить в программу исследования Сибири пункты, связанные с изучением памятников её древней культуры.

1 марта 1721 г. экспедиция выехала из Тобольска в Томск, откуда 5 июля направилась в Кузнецк. Затем 9 августа Д.Г. Мессершмидт и его спутники направились в верховья Томи, где, перевалив восточные отроги Кузнецкого Алатау, они вышли к Уйбату. Спустившись по нему к р. Абакан, Д.Г. Мессершмидт 12 сентября прибыл в с. Абаканское, где он прожил 5 месяцев. Ф.И. Страленберг же задержался в Томске до 29 октября, выполняя поручения руководителя экспедиции. В силу этого на средний Енисей он прибыл значительно позже, въехав туда с северо-запада. По Кие Ф.И. Страленберг добрался до р. Серть, затем через оз. Барсук-Куль, р. Урюп, оз. Большое вышел к Белому Июсу и у с. Бельк — к Енисею. 22 декабря Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг встретились в Абаканском [14].

Рис. 1. Карта окрестностей Абаканска (Ф.И. Страленберг).

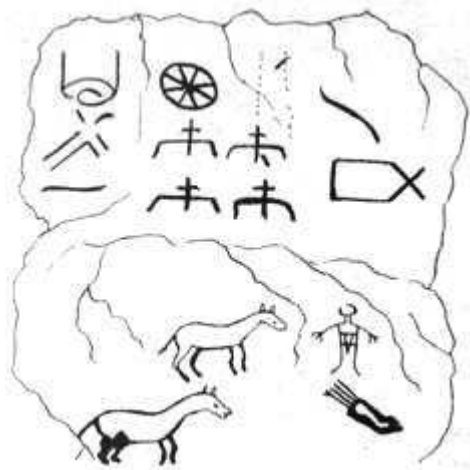
Обилие исторических памятников, которые видели путешественники по пути к Абаканску, заставило Д.Г. Мессершмидта сосредоточить особое внимание на их исследовании. Он самым тщательным образом расспрашивал бугровщиков о местонахождении объектов старины, о конструкциях курганов и погребальных камер, о найденных в них вещах, а также скупал, насколько позволяли средства экспедиции, древности у местных жителей. На всё это не могло, естественно, до конца

удовлетворить его научного интереса, и он предпринял первую в истории археологии Сибири раскопку кургана. Объясняя позже этот свой шаг, Д.Г. Мессершмидт писал, что хотел узнать, как в старину «язычники» сооружали свои могилы [15]. Курган находился в степи в 3-4 верстах от

Абаканского острога недалеко от Енисея (район современной деревни Абакано-Перевозной) и привлёк внимание исследователя монументальностью и эффектностью окружавших его каменных плит, на плоскостях которых были выбиты различные знаки, «фигуры» и «буквы». Предварительное обследование, проведенное 1 января 1722 г., показало, что рисунки на камнях сохранились очень плохо и представляли собой массу каких-то нацарапанных «очертаний» и «букв». Ясно различимые фигуры отсутствовали. Тем не менее К. Шульман пытался скопировать их. Раскопки кургана проводились с 3 по 6 января. Он представлял собой довольно значительный по размерам земляной холм, под насыпью которого находился деревянный сруб с покрытием из бревен и камней. Однако, кроме нескольких человеческих костей, в могиле ничего не оказалось. Несмотря на это, результаты раскопок были документированы — К. Шульман набросал эскиз исследованной могилы [16].

Позднее, 24-25 января, члены экспедиции во главе с Ф.И. Страленбергом провели разведочный маршрут, в ходе которого обследовали долину р. Тесь (рис. 1). Здесь они обнаружили и описали выразительный комплекс памятников. Он представлял собой цепь окруженных четырехугольными оградками с высокими плитами по углам курганов, образующих круг. В центре его находилось каменное изваяние «усатого старика», на спине которого, обращенной к западу, прослеживалось несколько загадочных знаков [17]. К. Шульман сделал рисунок изваяния и скопировал «буквы». Кроме того, там же Ф.И. Страленберг внимательно осмотрел

Рис. 2. Наскальные изображения у д. Новоселово на Енисее.

разграбленные бугровщиками курганы и установил, что выброшенная из могил земля состоит главным образом из жжёной глины. Это свидетельствовало о наличии трупосожжений в древних могилах. Такой вывод подтвердил проводник, который рассказал, что ему неоднократно попадались в могилах металлические вещи, поврежденные огнём. Продолжая разведочный маршрут, члены экспедиции в двух верстах от описанной группы курганов обнаружили несколько поставленных камней, покрытых изображениями и надписями. Однако из-за плохой сохранности ни то, ни другое почти невозможно было разобрать. К. Шульман зарисовал в том месте один из камней, покрытый различными фигурами в виде ромбов.

В то же примерно время в Абаканске Д.Г. Мессершмидт ознакомился со шлифованными изделиями из камня, которые, согласно сообщениям информаторов, располагались в могилах на поясах умерших. Ф.И. Страленбергу удалось собрать сведения о каменном изваянии на р. Уйбат, о пещере на р. Джакуль, на стенах которой якобы сохранились рисунки животных, людей и письма. Кроме этого в ней как будто находились каменные «идолы» [18].

Отмеченным ограничиваются скромные достижения экспедиции Д.Г. Мессершмидта в ознакомлении с памятниками древности окрестностей Абаканска, поскольку уже 16 февраля 1722 г. путешественники направились по Енисею в Красноярск. В ходе этой поездки памятники старины по-прежнему привлекали пристальное внимание членов экспедиции. Так, около д. Новосёлово на так называемой «Городовой стене» они обнаружили и осмотрели наскальные рисунки, выполненные красной краской, которые были скопированы К. Шульманом, как и наскальные изображения, выявленные около д. Бирюса. На обоих писаницах удалось зафиксировать изображения животных и людей, но многие «знаки» так и остались непонятными (рис. 2).

На этом закончился первый этап экспедиции Д.Г. Мессершмидта в Минусинской котловине. Остаток зимы и весну он и его спутники провели в Красноярске, откуда в начале мая вновь (но теперь уже без Ф.И. Страленберга) он отправился в путь. С этого времени начался второй этап работ экспедиции. Ее новый маршрут проходил от Ачинского острога к Урюпу, Большому озеру и

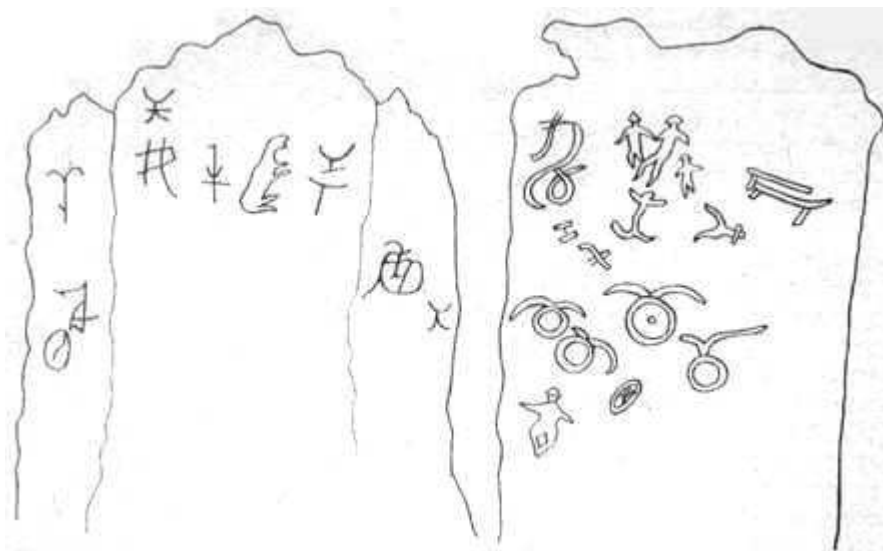

Рис. 3. «Письмена» и рисунки на гранях каменных стел (ср. Енисей).

Чёрному Июсу, затем направлялся к месту слияния Белого и Чёрного Июсов и снова выходил к Чёрному Июсу. Д.Г. Мессершмидта, судя по записям, сделанным в ходе новой поездки, буквально поражало обилие памятников древности новых районов. Сведения о них он скрупулёзно заносил в дневник. Так, в записи за 19 июля специально отмечается, что характерными можно считать могилы, которые содержат от 30-40 и более черепов, перемешанных со жжёным углем. Д.Г. Мессершмидт снова

констатировал наличие под курганными насыпями трупосожжений и коллективных захоронений. Его пристальное внимание и интерес вызвало открытие у «Куртуковских юрт» на Черном Июсе изваяния Козен-кеш. Оно было тщательно обследовано, зарисовано и описано. В частности, Д.Г. Мессершмидт отметил, что скульптура высечена из красного песчаника и представляет собой фигуру мужчины, в правой руке которого находится «урна», похожая на «чайную чашку». Левая рука придерживала полы одежды. По обеим сторонам пояса изваяния висело по мешочку. На голове скульптуры, кем-то отбитой, а затем приставленной вновь, выделялась шапочка, напоминающая «чепец». Из-под головного убора высывались уши. Борода у изваяния была довольно длинной, но редкой [19]. Проезжая далее к р. Бирь у Юс-Сагайских юрт, Д.Г. Мессершмидт осмотрел ещё одну замечательную скульптуру. Камню была придана форма сабли. На южной грани плиты было высечено лицо человека, а на западной начертаны разные «безобразные» знаки, но определенно не буквы [20].

Между реками М. Кицк и Улук-Баса Д.Г. Мессершмидт отметил находящиеся на значительном расстоянии друг от друга две каменные стелы, на гранях которых очень слабо прослеживались какие-то «письмена»

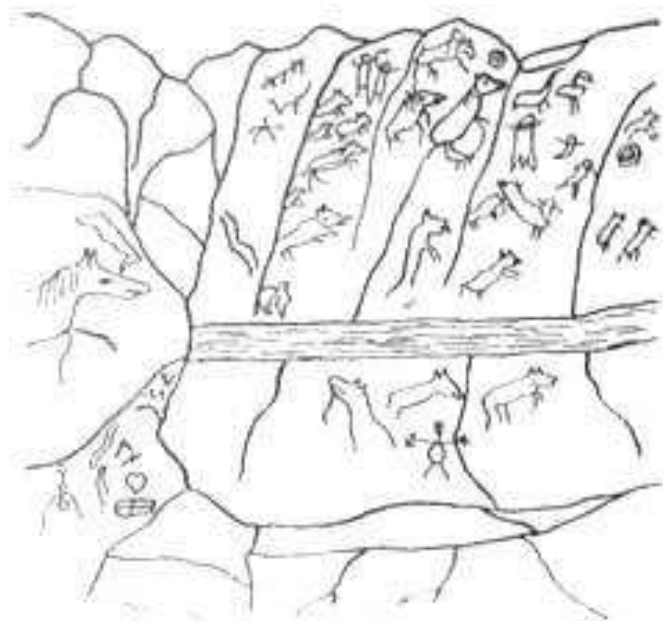

Рис. 4. Рисунки на Томской писанице.

(рис. 3). У «Юс-Бельтырских юрт» его заинтересовали многочисленные курганы, один из которых выделялся своими огромными размерами. С каждой стороны этого могильного холма стояло по пять больших плит, на гранях были вырезаны изображения лошадей, медведей, ланей и других животных, сходные с рисунками, открытыми им ранее на Томской писанице [21] (рис. 4). В ходе очередной поездки особое внимание Д.Г. Мессершмидт уделял поискам памятников письменности. (При копировании фигурам сознательно придавалась форма тех или иных букв.) Поэтому не следует считать случайным интерес его к стелам, покрытым различными изображениями. Так, на реках Аскыз и Мал. Есь он зафиксировал множество плит с резными фигурами, которые интерпретировались им как своеобразные родословные таблицы похороненных в курганах людей (рис. 5). Здесь же находилось изваяние

Куртуяк, высеченное из серого песчаника (рис. 6). На спине изваяния, «как у калмыцких и татарских женщин», рельефно выделялась толстая коса. На расспросы Д.Г. Мессершмидта о том, чьё это изваяние, местные жители ответили, что это изображение знатной женщины, превращённой богами в камень, которой теперь оказываются различные почести [22].

В результате второй поездки Д.Г. Мессершмидт обследовал значительный по протяжённости район, открыл и осмотрел сотни древних памятников. Через его руки за это время прошло множество каменных и бронзовых, железных, серебряных и золотых изделий, добытых при случайных раскопках «вольными добытчиками» курганных сокровищ. Всё это, естественно, не могло не вызвать глубокого интереса и желания хоть как-то объяснить их. Не случайно поэтому страницы дневника Д.Г. Мессершмидта содержали раздумья над малопонятным пока материалом. Д.Г. Мессершмидту представлялся слишком значительный контраст между прошлым, о котором свидетельствовали величественные памятники, и настоящей «жалкой и бедной», по его мнению, жизнью аборигенов, чтобы можно было допустить мысль о преемственности. И тем не менее в конечном счёте он сделал вывод о том, что определенные памятники могли принадлежать предкам отдельных современных сибирских народов. Ему часто приходилось наблюдать почтительное их отношение к писаницам и каменным изваяниям, а это он считал весьма примечательным фактом.

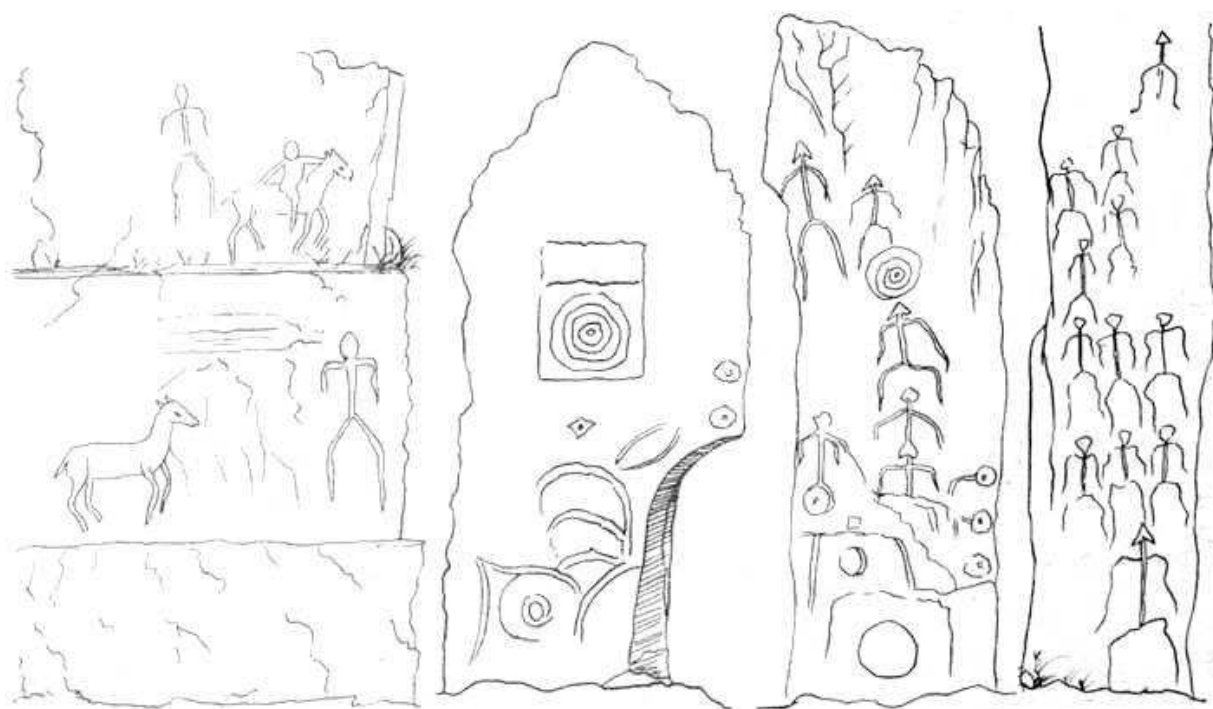

Рис. 5. Рисунки на курганных камнях (ср. Енисей).

Так, изваянию барана с Тубы (рис. 7). Изваяниям Козен-кеш и Куртуяк местные жители оказывали особое почтение: каждый из них, оказавшись в тех местах, три раза объезжал вокруг камня и приносил в жертву часть своего «провианта» [23]. Странной и непонятной казалась Д.Г. Мессершмидту эта связь, выраженная в таком необычном для европейца обряде почитания. С одной стороны, отказ от них как от «своих», с другой — трепетное поклонение. Даже, если они созданы предками современных аборигенов, о чём память ничего, возможно, не сохранила, то отнюдь не самостоятельные «творения» видел он в них. По его мнению, скульптура Козен-кеш, если и не представляла китайца, то, по крайней мере, олицетворяла собой памятник китайского влияния. Такое заключение казалось очевидным: китайский тип одежды, чайная чашка в руке, своеобразное лицо — всё, кажется, свидетельствовало в пользу этого предположения.

Рис. 6. Изваяние Куртуяк.

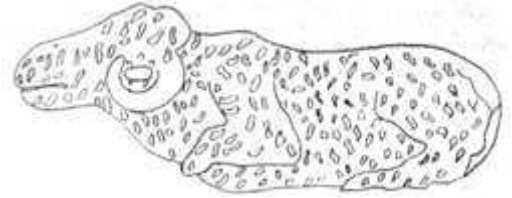

Рис. 7. Изваяние барана с Тубы.

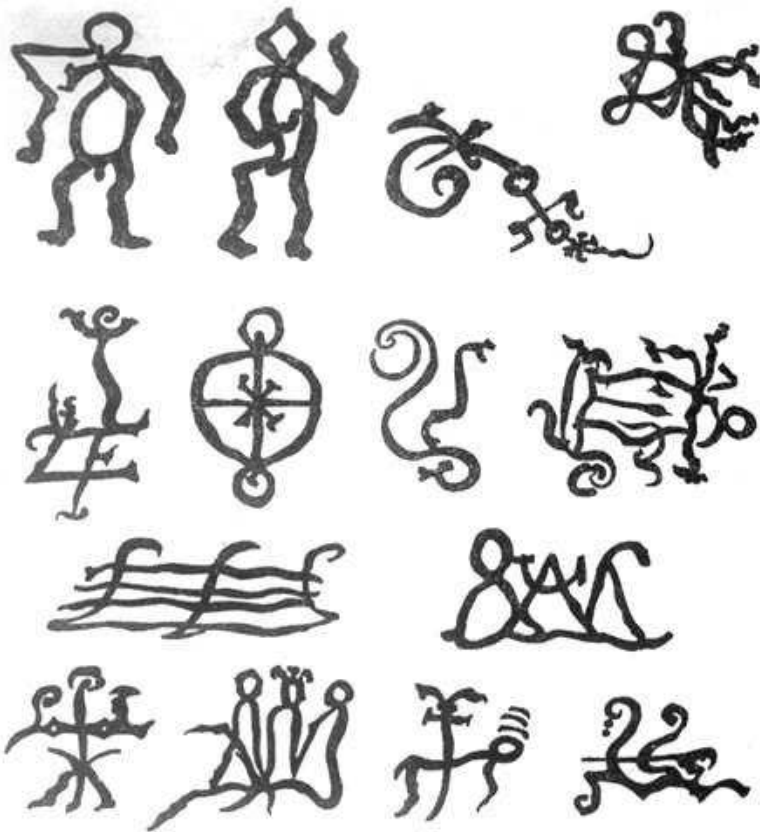
Еще более заманчивую ассоциацию вызвали скульптура Куртуяк и легенда, рассказанная о ней. Легенду он попытался сопоставить с христианским мифом, героиня которого, как и Куртуяк, была превращена в изваяние. Созвучность их, а также часто наблюдаемые на писаницах среднего Енисея крестообразные фигуры, напоминавшие христианский крест, позволили ему предположить присутствие в прошлом в «Великой Татарию» ранних христиан [24]. К этому же решению услужливо подталкивали сведения, полученные из трактатов европейских учёных, усиленно искавших пропавшие «девять колен израилевых». В частности, ещё Н. Витзен поместил ранних христиан в Сибири, и приписал им создание наскальных рисунков. Допуская, таким образом, оправданность мысли о создании изваяний и писаниц в прошлом предками современных ему аборигенов Сибири, Д.Г. Мессершмидт в то же время отказывал им в творческой самостоятельности, усматривая во многом культурное влияние на сибирское население китайцев и других народов.

Что касается конкретной оценки памятников, их культурно-этнической принадлежности, классификации и хронологии, то заслуживают особого внимания часто встречающиеся на страницах дневника Д.Г. Мессершмидта выражения «скифская гробница» и «скифская могила». Как выясняется, такие понятия относятся к совершенно определённому типу археологических объектов — к курганам и найденным в них вещам. В результате изучения конструкций погребальных сооружений Д.Г. Мессершмидт впервые выделил два их типа. К первому типу он относил невысокие курганы в полтора человеческого роста, обставленные по углам 4-10 большими камнями (часто на таких камнях обнаруживается много рисунков). Внутри кургана располагалось деревянное сооружение в виде «ящика» с покрытием из дерева и камня. Ко второму типу — курганы, содержащие трупосожжение. Это коллективные усыпальницы, в которых погребались 30-40 чел. и более. Большая часть предметов в таких могилах сильно повреждена огнём [25]. Время возникновения и существования памятников, как это представлял Д.Г. Мессершмидт, можно установить лишь косвенно. По его мнению, появляются они «в эпоху скифов» и существуют вплоть «до прихода современных народов». Хронологическое разграничение наблюдаемых им памятников осуществлялось им неопределённым образом. Указывалось лишь на то, что не все среди них одинаково древние.

Не меньший интерес с исторической точки зрения представляют взгляды на сибирские древности второго участника экспедиции — Ф.И. Страленберга. Весной 1722 г. он, получив разрешение вернуться на родину, покинул Д.Г. Мессершмидта и выехал в Тобольск, а оттуда в Москву и Петербург. В 1730 г. в Стокгольме вышла в свет его книга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia». Тринадцатая глава этого интереснейшего сочинения посвящена древним памятникам культуры народов Сибири. Для европейских исследователей древностей описание и классификация находок из далёкой и почти совершенно неведомой «Татарии», Северной Азии вызывали большой интерес, поскольку то и другое основывалось на личных наблюдениях автора.

Сибирские древности Ф.И. Страленберг описывал по так называемым «классам»: 1) могилы и могильные холмы; 2) письменные знаки (characteres) (рис. 8), иероглифы и иероглифические изображения; 3) медали; 4) обелиски (рис. 9). Могилы и могильные холмы подразделялись им на три типа: а) большие земляные курганы, расположенные друг от друга так, что издали они напоминали небольшую горную цепь; б) курганы, имеющие четырёхугольные или треугольные каменные оградки; в) курганы с насыпью из камней. В отличие от Д.Г. Мессершмидта Ф.И. Страленберг, разделяя курганы на группы, не учитывал особенностей конструкций могил и обряда захоронений, ограничиваясь часто акцентацией на внешние их признаки. В могилах бугровщики, как отмечал Ф.И. Страленберг, в большом количестве находили самую разнообразную утварь: сосуды глиняные

и металлические, принадлежности конской сбруи, различные предметы, служившие для украшения тела и одежды, «сабли», кинжалы, ножи, небольшие металлические «идолы» и «медали» из золота и серебра, золотые «шахматы» и большие золотые пластины, на которые клали умерших. В могилах «бедных людей», по его мнению, преобладали вещи из красной меди и железа — наконечники стрел, мечи, кинжалы, стремена, полированные металлические зеркала с «письменными знаками» [26].

Ф.И. Страленберг утверждал, что оружие изготовлялось способом отливки, а нековки. К медалям он относил большую группу изделий из металла (бронзы, железа, золота, серебра), имевших плоскую, прямоугольную и овальную форму пластин, украшенных различными изображениями. Как «обелиски» Ф.И. Страленберг описал каменные изваяния и стелы с «надписями» и рисунками.

Рис. 8. Письменные знаки.

Экспедиция Д.Г. Мессершмидта, выполняя программу по ознакомлению и предварительному изучению сибирской старины, особое внимание уделяла поискам и собиранию памятников письменности. Участники экспедиции справедливо

полагали, что такого рода источник может пролить особо яркий свет на древнюю историю «Татарии». Примечательно, что Ф.И. Страленберг в отличие от Д.Г. Мессершмидта относил к памятникам письменности не только непосредственно письмена, но и рисунки на скалах и стелах. Он подразделил их на две группы: 1. «characteres» — письменные знаки и рисунки на скалах, могильных камнях, металлических предметах. Они имели, как считал Ф.И. Страленберг, особенное, тайное значение и употреблялись для различных «суеверных целей»; 2. Иероглифы или иероглифические изображения, к которым Ф.И. Страленберг причислил обнаруженные в Сибири (в том числе и на Енисее) памятники письменности. Одни из них представлялись ему похожими на арабские, другие же напоминали китайские иероглифы, третьи — «тангутские буквы» [27]. И так, по его мнению, на Енисее существовало два рода письма — одно символическое, таинственное по значению, какое употреблялось древнейшими египтянами. Многие из этих таинственных письменных знаков написаны были «нестираемой» красной краской, которой, как отмечал Ф.И. Страленберг, когда-то писали в Исландии на костях. Второй же род письма — светский, понятный, претерпевший в процессе становления и развития различные влияния.

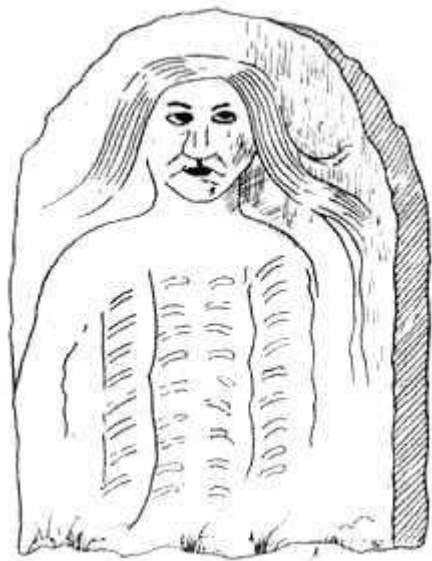

Рис. 9. Изваяние женщины со среднего Енисея.

Ф.И. Страленберг — соратник и помощник Д.Г. Мессершмидта по экспедиции. Бесспорно, что всё, связанное с сибирскими древностями, обсуждалось ими в деталях. Поэтому те мысли и идеи, которые он изложил на страницах книги, можно, в сущности, считать плодом их совместной работы. Всё это весьма созвучно тому, что написано в дневниках экспедиции. И все же, если у Д.Г. Мессершмидта можно увидеть лишь попытки осмысления

археологического материала в основном в общем плане, то Ф.И. Страленберг, используя сравнительный метод, явно продвинулся в конечных результатах исследований значительно дальше. Долгие годы жизни в Сибири позволили ему, в частности, хорошо познакомиться со многими сторонами быта её коренного населения. Поэтому особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что для объяснения некоторых элементов культуры древних обитателей Сибири он попытался использовать свои этнографические наблюдения. Так, чтобы понять назначение и смысл наскальных рисунков и различных знаков, Ф.И. Страленберг обратился к изображениям на шаманских бубнах лопарей и остяков и указал на их сходство. Он же неоднократно отмечал, что скалы с

рисунками и каменные изваяния особо почитались местными народами. Отметив, что у остяков деревянные и металлические «идолы» и пластины с изображениями животных (подобные как раз и рисовались ими на бубнах) есть предметы «сугубого почитания», Ф.И. Страленберг сделал правильное замечание, что к подобным вещам из могил в прошлом могло быть такое же отношение. Все это привело к выводу о культовом назначении скульптур животных и людей из камня и металла, памятников письменности и наскальных рисунков. Он в итоге стал первым из исследователей сибирских древностей, кто увидел в объектах материальной культуры отражение идеологии древнего человека.

Основную массу сибирских памятников Ф.И. Страленберг, как и Д.Г. Мессершмидт, считал скифскими. Последние затем были сменены «древнетатарскими». Этим и завершились попытки хронологического подразделения древностей. Для доказательства принадлежности сибирских памятников «древним азиатским скифам» Ф.И. Страленберг, следуя древней традиции европейской исторической науки, привёл сведения из Геродота. Что касается идеи о том, что часть южносибирских памятников принадлежала древним «татарам», то следует учитывать, что после нашествия монголов на Европу в науке столь же традиционным считалось мнение о заселённости Сибири исключительно «татарами».

Интересными и весьма плодотворными оказались утверждения Ф.И. Страленберга о сходстве некоторых элементов культур среднего Енисея и Европейского Севера (Скандинавии). К ним он отнёс определённые черты религии и погребального культа (поклонение изображениям людей и животных, сопровождение умерших вещами, сооружение курганов с каменными оградками и стелами по углам), а также, чему придавалось большое значение, руническую письменность. Все это, по его мнению, не случайно и объяснялось единым для обоих регионов источником происхождения и культурных заимствований, который находится на юге (район Среднего и Ближнего Востока). В Сибири названные элементы культуры оказались в результате прямых контактов «древних азиатских скифов» и «древних татар» с персами, власть которых, по представлениям европейской исторической науки того времени и, естественно, автора гипотезы, распространялась далеко на север, до «Великой Татарии». В Скандинавию же эти элементы были занесены мифическим Одином и его сторонниками с юга. Далее Ф.И. Страленберг отметил, что возможны и другие источники культурных заимствований древними сибиряками (Китай), но слабая изученность не позволяет с достоверностью их определить.

Итак, если попытаться в нескольких словах отобразить суть исторической концепции Ф.И. Страленберга, то можно было бы, используя современную терминологию, эти мысли путешественника назвать идеей об истоках и генезисе древних сибирских культур. Процесс их формирования представлялся достаточно сложным. Они постоянно испытывали сильное влияние извне и именно поэтому в комплексе памятников старины Сибири предстают перед исследователем столь разнообразными.

На этом можно было бы закончить изложение материалов по древней Сибири, приведённых в книге Ф.И. Страленберга, если бы не любопытная гипотеза, высказанная в начале его сочинения и сыгравшая впоследствии важную роль в сибирской археологии. Давая описание основных народов, живших в Сибири, Ф.И. Страленберг, основываясь на личных наблюдениях, писал, что кроме «татар» здесь живут многие другие народы, которые он подразделил на шесть классов. В основу классификации было положено сопоставление языков этих народов, что позволило установить связь между языковыми группами и свести полученные данные в таблицу. И хотя построения Ф.И. Страленберга представляются теперь весьма несовершенными, он, как это ни странно, пришёл в итоге в общем к правильным выводам — вогульский, мордовский, черемисский, пермяцкий, вотяцкий, остяцкий языки образуют родственную группу языков. Эти народы, теперь живущие в Восточной Европе и частично в Сибири, в древности, как считал Ф.И. Страленберг, составляли один народ и жили в одном районе. К аналогичным выводам впоследствии пришёл также П.С. Паллас, опираясь на значительно более серьёзные лингвистические изыскания [28]. Указания Ф.И. Страленберга на сходство южносибирских и североевропейских культурных комплексов и его лингвистические выводы породили позже стремление искать прародину угро-финских народов в Сибири, в частности на Алтае-Саянском нагорье.

Результаты исследований экспедиции Д.Г. Мессершмидта в Минусинской котловине можно считать для того времени весьма значительными. Участники её открыли и обследовали большую группу разнообразных памятников старины, расположенных между Кузнецким Алатау и Енисеем. Они впервые собрали и подвергли предварительному анализу ценнейший материал, с которым русская и европейская наука познакомилась из опубликованных позже работ впервые. Итоги археологических изысканий были изложены в III т. рукописного сочинения Д.Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata». (Том этот назывался «Philologio-Historico-Monimentario et Antiquariogiosus», в дневниках, а также в книге Ф.И. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia».) В последнем труде впервые описывались и публиковались рисунки конкретных памятников культуры. Программа археологического изучения Сибири, составленная руководителем экспедиции, была в общих чертах выполнена. Анализируя результаты проведенных исследований, необходимо отметить справедливость заключения биографа Д.Г. Мессершмидта М.Г. Новлянской в части, касающейся археологии: он не ограничивался «только простой регистрацией наблюдений и ролью собирателя всякого рода

достопримечательностей. Он считал необходимым не только давать подробное описание наиболее интересных памятников древности» [29], но и попытаться осмыслить увиденное, свести его в общую систему. Вся совокупность обнаруженных древностей была разбита на определённые виды: курганы, каменные изваяния, стелы с рисунками и письменными знаками, изделия из металла, наскальные рисунки, памятники письменности. Курганы, в свою очередь, подразделялись Д.Г. Мессершмидтом на два, а Ф.И. Страленбергом на три типа. Некоторые из них сопровождалась изваяниями и стелами с рисунками и письменами. Они же отметили трупосожжение и коллективные захоронения как характерный признак обряда древних погребений Южной Сибири.

В ходе экспедиции складывались зачатки научной методики изучения памятников старины, ставшей характерной для последующих академических экспедиций. В частности, неперенным стало требование описания и точной фиксации памятников, зарисовки или копирования их. Примечательно, что уже первые научные раскопки курганов проводились с учётом именно этой методики. Приемы работы самого Д.Г. Мессершмидта отличались тщательным изучением и проверкой фактов на месте, сбором всякого рода дополнительных данных, всесторонней характеристикой их. Ф.И. Страленберг по существу впервые применил в своих научных изысканиях сравнительный метод. Пытаясь понять смысл некоторых загадочных элементов древней культуры, он привлёк для аналогии сведения, содержащиеся в трудах европейских учёных, а также этнографические данные, собранные им самим в Сибири. Это была первая в истории сибирской археологии попытка интерпретировать древности с помощью этнографии. Используя такой приём, Ф.И. Страленберг сделал посильные выводы о культовом характере предметов изобразительного творчества, что нельзя не считать довольно серьёзным достижением одного из первых исследователей сибирских древностей.

Подводя краткий итог работ экспедиции Д.Г. Мессершмидта в сфере сибирской археологии, можно констатировать, что исторический процесс в целом на территории Южной Сибири ее ведущие участники представляли в следующем виде: первыми жителями этого края, оставившими в особенности многочисленные памятники старины, были «древние азиатские скифы» и «древние татары», пришедшие на смену им. Затем началась история современных сибирских народов, однако когда они здесь появились — неизвестно. Авторами допускалась в определённой мере мысль о преемственности между древними и современными народами, о чем свидетельствуют неоднократно высказанные членами экспедиции замечания об обрядах поклонения у остяков и «минусинских татар» и «кыргизов» «каменным и металлическим изваяниям», изображениям животных на скалах, которые были исполнены в глубокой древности. Весьма примечательными выглядят, кроме того, попытки широких исторических сопоставлений с указанием возможных связей сибирских древностей с миром «культуры персов», народов Ближнего Востока и даже Европейского Севера. Конечно, аргументация всех этих важных положений выглядит наивной и во многом бездоказательной. Что касается исключительно важного вопроса, связанного с «древним сибирским письмом», то Л.Р. Кызласов совершенно справедливо отметил, что «Д.Г. Мессершмидт — первый исследователь, открывший для науки енисейскую письменность, как впоследствии выяснилось, средневековую письменность хакасов VII-XIII вв.» [30]. Именно он впервые по сходству знаков назвал ее ошибочно «рунической», хотя и правильно полагал, что не все зафиксированные знаки в действительности являются рунами.

Научное осмысление материала участниками экспедиции носило, конечно, ещё зачастую предельно наивный характер. Наряду с достоверными источниками они использовали библейские и мифологические сюжеты, в силу чего высказанные точки зрения больше напоминали домыслы, чем научные гипотезы. Однако надо учитывать время, когда было произведено это обобщение крайне скудных сведений, имевшихся тогда в распоряжении науки.

[13] Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии. В кн.: Историко-археологический сборник, 1962, с. 49.

[14] Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.-Л., 1966, с. 38-39; Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970, с. 29-30.

[15] Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1721-1722. Berlin, 1962, S. 168.

[16] Messerschmidt D.G. Forschungsreise..., S. 272.

[17] Ibid. S. 289.

[18] Ibid. S. 172, 181.

[19] Ibid. S. 172.

[20] Ibid. S. 289.

[21] Ibid. S. 294-296.

[22] Ibid. S. 298-300.

[23] Ibid. S. 99, 224, 300.

[24] Ibid. S. 300.

[25] Ibid. S. 166-167, 174, 272, 274, 295-296, 298, 300.

[26] Stralenberg F.I. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1770, S. 356-357, 359.

[27] Stralenberg F.I. Das Nord..., S. 60-362.

[28] Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб, 1787-1789. Т. 1-2.

[29] Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт, с. 16-17.

[30] Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии..., с. 50-51.

Экспедиция Г.Ф. Миллера.

Вторая академическая экспедиция в Сибирь (1733-1743 гг.) тоже включала в свою программу как особо важный пункт исторические исследования, частью которых было изучение древностей. Г.Ф. Миллер подчёркивал, что главная цель, которую должны поставить перед собой участники экспедиции при изучении древних памятников, должна быть направлена «к разъяснению древней истории обитателей» Сибири. Такая задача могла быть выполнена лишь при одном условии — следовало со всем вниманием изучать «изображения» людей и животных на скалах и письма «древнего происхождения», фиксировать их, если даже они казались исследователю малоинтересными. В последующем «снимки», сделанные с памятников, следовало «сопоставить» и «вывести из них заключения» [31]. Минусинскую котловину как наиболее перспективный в этом плане район Южной Сибири Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин посетили в конце лета и осенью 1739 г. Примечательно, что маршрут их поездки совпал в основном с маршрутом Д.Г. Мессершмидта. Они осматривали в сущности те же группы памятников и не удивительно, что задача при этом ставилась вполне конкретная — уточнение данных, полученных предшественниками, и обследование новых групп памятников. Путь экспедиции проходил сначала из Красноярска в Томск. У р. Соксы они повернули на юг и по р. Серж вышли к оз. Ужур. Здесь 29 августа 1739 г. экспедиция задержалась с намерением произвести раскопки, так как в этом районе было обнаружено большое количество могильных курганов, которые путешественники определили как «татарские». И.Г. Гмелин обратил внимание на главные конструктивные особенности могил. Они, согласно его описанию, представляли собой большие продолговатые четырёхугольники, оконтуренные вертикально поставленными плитами. Порой такие гробницы, отстоявшие друг от друга на расстоянии около или несколько больше 10 м, сопровождался обособленным «большим камнем». Камни такие были характерным образом наклонены на юго-восток, к центру могилы. «К этой стороне света направлены были» и четырёхугольники могильных сооружений [32]. Раскопав несколько таких могил, участники экспедиции направились к месту слияния Белого и Чёрного Июсов, куда Г.Ф. Миллера влекли памятники, описанные Д.Г. Мессершмидтом, в особенности скульптура Козен-кеш. В описание, сделанное первой экспедицией, здесь было внесено несколько уточнений: левая рука у изваяния, как оказалось, придерживала не полы одежды, а «саблю», и выяснилось, то пояс украшали выбитые «четырёхугольные пластины» [33].

Затем, минуя озёра Тусту-куль и Бёле, экспедиция вышла к р. Туим, на место, где ранее стояло небольшое каменное изваяние, вывезенное позже в Красноярск. (После возвращения из поездки Г.Ф. Миллер описал его. Подобно Козен-кеш, оно представляло собой фигуру мужчины с сосудом в правой руке. Левая рука придерживала саблю.) От Туима путь экспедиции лежал к р. Бирь. Недалеко от её впадения в Уйбат Д. Г. Мессершмидт в своё время скопировал со стелы надпись, изданную затем Ф.И. Страленбергом. При сравнении копии с оригиналом Г.Ф. Миллер обнаружил много досадных неточностей и приказал заново зарисовать знаки [34]. Затем началось обследование рек Ниня и Аскыз, а также района, протянувшегося вплоть до Тёи. У реки Ниня (приток Уйбата) был обнаружен особо интересный памятник. В береговой скале находилась небольшая ниша, по-видимому искусственного происхождения. Внутри её помещалась сделанная из красного песчаника фигура медведя, стоявшего на задних лапах. Скульптура была выполнена в той же манере, что и изваяние Козен-кеш [35].

В ходе поисков скульптуры Куртуяк, обнаруженной Д.Г. Мессершмидтом на Аскызе, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин натолкнулись на своеобразный памятник, который они, к сожалению, не зарисовали. Памятник представлял собой небольшую нишу в скале, которая находилась на половине подъёма от подошвы горы. Внутри её стоял плоский камень, который местные «татары» принимали за изображение «старухи». Рядом находилась скульптура меньших размеров («дитя старухи», как уверяли «татары»), изготовленная из серого песчаника. Однако в обоих скульптурах, по мнению путешественников, всё же с трудом можно было признать изображения людей. Они обратили внимание ещё на одну важную особенность памятника: путь от подножия горы к пещере был выстлан множеством речных галек различной формы и окраски, большей части которых будто бы намеренно придавалось сходство с конём или другим животным. И ещё одна деталь: на кустах у пещеры висели лоскутки материи, привязанные «проезжающими татарами» [36].

В междуречье Аскыза и Абакана (район руч. Тёя) Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин обнаружили неизвестные ранее изваяния. На восточной грани одной из скульптур было высечено человеческое лицо, а на южной грани вырезаны письменные знаки и различные фигуры. Изваяние было вкопано в землю вниз головой. К востоку от этого памятника находились курганы, три из которых выделялись своей величиной. На угловых плитах их были видны рисунки всадников и пять «двойных крестов». Недалеко от этих курганов на маленьком холмике стоял небольшой камень с человеческим лицом. Затылок головы изваяния покрывали гравированные полосы длинных волос. Скульптура называлась «Кичик-куртуяк» (маленькая куртуяк). В шести верстах к востоку от неё

путешественники, наконец, вышли на Куртуяк. Вокруг скульптуры лежало множество разного цвета камней. Не было только таких «фигурных» камней, которые наблюдались на Аскызе. Но и здесь, как у пещеры с двумя изваяниями на Аскызе, исследователи обратили внимание на цветные речные «голыши», устилавшие определённое пространство у памятника. Эту деталь никто из археологов после них не отмечал более при раскопках.

После обследования этого района, экспедиция переправилась через р. Абакан пересекла степь в междуречье Абакана и Енисея, посетила Саянский острог, Лугазинский и Ирбинский заводы и с р. Шушь отправилась к Абаканску. В конце сентября из Абаканска Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин совершили несколько экскурсий в долины рек Коксы, Тесь и Бея, где ещё раз были осмотрены памятники, описанные Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. Курган Салбык оказался незадолго до их приезда кем-то нарушенным. На Копёнском могильнике их заинтересовала надгробная плита с рисунками «оленей и лисиц».

Если обратиться теперь к итоговым результатам работ экспедиции, связанных с изучением археологических памятников Минусинской котловины, то к наиболее значительным достижениям по сравнению со сделанным ранее следует, пожалуй, отнести попытку произвести по возможности более дробную классификацию «гробничных сооружений». В этом плане, бесспорно, особо велика заслуга И.Г. Гмелина. Осмотренные и довольно тщательно изученные курганы он подразделил на несколько типов [37]. К первому типу он отнёс «маяки» — величественные курганы, со всех сторон окружённые вертикально стоящими плитами. Стенки могилы укреплялись плитами. В таких курганах обычно встречались погребения одного человека, а иногда двух. Порой рядом с основным костяком лежала горка пепла. По утверждению бугровщиков, кроме основной могилы под насыпью «маяков» располагались одна или две дополнительные камеры с трупосожжением или труположением. Среди инвентаря, положенного с умершими, встречались предметы из золота и серебра: блюда и круглые небольшие сосуды, серьги, браслеты, пояса из кожи с накладными золотыми пластинами. Сосуды всегда ставились у головы. Глиняная посуда подразделялась на два вида: небольшие горшочки с плоским дном и большие с узким горлом. Нередко у черепа, с правой стороны, ставилась лошадиная голова с удилами в зубах. Уздечные ремни и стремяна украшались серебряными бляшками. Иногда вместо лошадиной головы в могилу опускалась баранья, покрытая золотой фольгой. Ко второму типу были отнесены «сланцы» — небольшие курганчики, сплошь покрытые плоскими плитками. Угловые, вертикально стоящие камни у них отсутствовали. Стенки и покрытие могилы сооружались из плит. В могилах находили обычно сожжённые человеческие кости. Нередко в них размещались глиняные сосуды. Под костями и вперемежку с ними лежали «драгоценности». Третий тип — «земляные курганы» — искусственно насыпанные холмы, обставленные по углам, а иногда и боковым сторонам высокими плитами. Под земляной насыпью находится от одной до трех могил. В каждом углу могилы вкапывались деревянные столбы, на которых лежали балки, поддерживавшие перекрытие из бревен, бересты и земли. Умерших хоронили в листовенничных гробах-колодах. Из «драгоценностей» в таких курганах часто встречаются тонкие четырёхугольные золотые пластинки. Как предполагал И. Г. Гмелин, ими обкладывали лицо и тело покойника. Инвентарь в основном изготавливался из бронзы. Из вещей, сопровождавших человека, особое впечатление производили бронзовые позолоченные изображения «степных баранов». Четвёртый тип — «творильные курганы». Небольшое, почти плоское пространство ограждалось плитками, поставленными на ребро. Внутри ограды располагалась одна могила, стенки которой укреплялись плитами. Одиночный костяк сопровождали бронзовые клевцы, наконечники копий и глиняные сосуды. Очень редко встречались также золотые бляшки. Пятый тип — «киргизские могилы» — небольшие холмики, сооруженные над могилой, насыпали из земли и камней. Как показали раскопки, в могилах сохранились только остатки сапог и наконечники стрел.

Классификация курганов, предложенная И.Г. Гмелиным и основанная на противоречивых данных, полученных от «бугровщиков», и личных наблюдениях путешественников, отражала лишь увиденную ими разновидность погребальных комплексов и не могла, конечно, претендовать на достоверное отражение исторической действительности. Первая группа курганов — «маяки» — по многим признакам может быть соотнесена со средневековыми. «Земляные курганы», похоже объединяют в себе черты татарских и таштыкских погребальных комплексов. И все же нельзя не признать, что как очередной опыт эта новая попытка обобщения наблюдений погребальных памятников была шагом вперед в развитии науки о древностях.

Как отмечалось выше, Ф.И. Страленберг для объяснения различия между могилами по содержащемуся в них инвентарю разделил их на «бедные» и «богатые». Г.Ф. Миллер, обращаясь все к той же проблеме обобщения фактов, связанных с могильными памятниками, принял такое подразделение. Для него в этом, как он писал, «состоит особливая естественная разность между оными. Богатые могилы доказывают разность погребённых особ и богатство того народа. Скудным и простым людям никаких драгоценностей в могилу класть было невозможно, и когда в большой стране все могилы скупы, то сие есть доказательством о бедности всего народа» [38]. Г.Ф. Миллер полагал, что от Волги до Забайкалья жили не различные народы, а единое в этническом отношении население, которое, однако, различалось степенью богатства. От Волги до Оби обитали «самые богатые», отчего на Волге, Тоболе, Иртыше и Оби курганы обильны ценными находками; «посредственные», т.е.

не отличающиеся богатством гробницы, как он считал, находятся в бассейне Енисея, а самые бедные — за Байкалом. Такое различие Г.Ф. Миллер объяснял тем обстоятельством, что один и тот же народ сперва был беден, а потом «нарочито разбогател» [39]. Древнее население Южной Сибири «разбогатело» в результате того, что монголы, завоевав Китай и другие страны Азии, захватили там богатства, часть которых осела затем у народов Южной Сибири. Об этом как раз и можно судить по находкам в курганах. Г.Ф. Миллер отметил далее, что даже территориально могилы бедных и богатых подразделялись — бедняков хоронили близ лесов, а богатых — на открытых пространствах у рек и озёр. Излюбленным местом похорон были, по его мнению, степи у Абакана и Енисея. Итак, два этапа — «бедный» и «богатый» — отметил Г.Ф. Миллер в социальном развитии древнего населения Южной Сибири. «Бедный» — домонгольский период и «богатый» — монгольский, связанный с объединением южносибирских народов и их захватническими походами [40]. При сопоставлении этих этапов с классификацией И.Г. Гмелина можно заметить, что первому, «бедному» периоду соответствуют «сланцы» и «творильные курганы», а второму, «богатому», — «маяки» и «земляные курганы».

Анализируя погребальный инвентарь несколько позднее, Г.Ф. Миллер выработал новую и весьма перспективную для своего времени хронологию древней истории Сибири, выделив «периоды медного инвентаря и железного»: «Примеченное при некоторых могилах в верхней стране реки Енисея обстоятельство, делает в том участие. Вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, здесь всё состояло из красной меди, как-то: медные ножи, кинжалы, стрелы и всё то, к чему, впрочем, железо гораздо удобнее. И так народ, похоронивший там своих покойников, может быть еще не знал употребления железа, следовательно, сии могилы гораздо старее прочих» [41].

В решении вопроса о принадлежности памятников древности тому или иному народу Г. Ф. Миллер категоричен — все могилы и каменные изваяния оставлены «древними татарами». Китайские письменные источники скифов не отмечены, писал он, а значит, и говорить о их пребывании в Сибири нет никаких оснований.

Рисунками на скалах Г.Ф. Миллер как будто интересовался в меньшей степени, чем могильниками и изваяниями, но желание заполучить по возможности больше исторического материала, очевидно, одерживало в нём верх, и они исследовались им всё же довольно тщательно. Для него в этом плане прежде всего характерно одно весьма важное обстоятельство: четкое разграничение памятников письменности и наскальных рисунков. «Ничего общего с письмом изображения людей и животных на скалах не имели, — утверждал Г.Ф. Миллер. — Не содержали они также никакого символического, непонятного непосвящённым содержания» [42]. Ф.И. Страленберг, по мнению Г.Ф. Миллера, глубоко заблуждался, утверждая обратное. Все осмотренные рисунки, как считал он, показывают, что в них нет ничего непонятного, магического. Большинство фигур однотипны, часто повторяются без каких-либо связующих элементов, что доказывало бы их принадлежность письменности [43]. Сцены охоты, рисунки диких животных, их однородность и примитивность — всё, по мнению Миллера, свидетельствовало о том, что созданы они современными обитателями Сибири. Это подкреплялось для него тем соображением, что скалам с рисунками поклонялись, им приносили жертвы в те годы, когда он их осматривал. В прошлом Сибири «языческая религия» у всех народов была единой, утверждал Г.Ф. Миллер. Служителями культа выступали, по его мнению, шаманы, которых европейские исследователи сравнивали с «саманеями» Индии, изгнанными когда-то «браминами». Конечно, Г.Ф. Миллер понимал, что между современным шаманизмом и религией «саманеян» было мало общего, но он не исключал того, что шаманизм всё же генетически связан с религией выходцев из Индии, и доказывал это отсутствием в обоих верованиях поклонения верховным божествам, а, наоборот, постоянное обращение к помощи «низших божеств и духов». По Г.Ф. Миллеру, сами «саманеяне» донесли до Сибири не всю мудрость предков своих, да и сами ученики оказались неспособными воспринять все тонкости верования. Поэтому, делал он вывод, и выглядит так примитивно религия современных аборигенов Сибири. Одновременно Г.Ф. Миллер допускал, что рисунки на скалах и шаманских бубнах хранят некий волшебный магический смысл, но это относилось к «сокровенному значению фигур», которое недоступно шаманистам, ибо оно забыто ими, а сами рисунки наносятся «совершенно случайно, как что пришло в голову» так, как этого требовал обычай [44]. Таким образом, Г.Ф. Миллер не только отрицал древность наскальных рисунков, считая их продуктом шаманской идеологии, возникшей под влиянием религии «саманеян», но также весьма скептически оценивал возможность извлечь при изучении их что-либо значительное для характеристики сложного духовного мира древних обитателей Сибири. Не имея возможности из-за языкового барьера достаточно глубоко познать культурные достижения коренного населения севера Азии, Г.Ф. Миллер переносил свои поверхностные впечатления также и на древности азиатской части России. Что касается памятников письменности Южной Сибири, то они, по его убеждению, появились под влиянием уйгуров или, же непосредственно были оставлены ими. Датироваться они должны медным периодом. Как видим, хронологическое разграничение памятников письменности и наскальных рисунков явное. Специально к тому же подчёркивается глубокая древность «рунических» знаков.

В целом экспедиция Г.Ф. Миллера уточнила многие факты, отмеченные предшественниками, и выявила новые группы памятников. Её руководитель стал по сути первым русским историком, который не только обратил внимание на археологические памятники, но и понял их значение. В целом вдумчивое отношение к памятникам

древности позволило Г. Ф. Миллеру осуществить, самое, быть может, значительное — выделить два периода в древней истории края — медный и железный, а также строго разграничить памятники письменности и наскальные рисунки. Вместе с тем нельзя не отметить, что исторический процесс на территории Южной Сибири представлялся Г.Ф. Миллеру менее сложным, чем Д.Г. Мессершмидту и Ф.И. Страленбергу. В частности, он считал, что «древние татары» — первые, по его представлениям, и единственные представители населения, оставившего могильники и каменные изваяния, — прошли в своём развитии лишь два этапа — домонгольский и монгольский. На первом этапе железных инструментов они, по-видимому, не знали, так как в могилах изделия такого рода не встречались. Оценивая результаты экспедиции Г.Ф. Миллера, нельзя не обратить внимания на весьма для своего времени скрупулёзную классификацию самых впечатляющих памятников древности народов Сибири — курганов, осуществлённую И.Г. Гмелиным. Его классификация, хотя и несовершенная, по сути отражавшая лишь внешние признаки памятников, всё же достаточно ясно и определенно характеризовала их своеобразие и поэтому послужила в значительной степени основой для будущих классификаций.

Значительным итогом научного анализа археологических памятников явилась написанная в 1740 г. инструкция для И. Фишера, предписывавшая выяснять число погребений, их ориентацию и глубину, местоположения сопутствующих вещей, наличие погребений коней или других животных и многое другое, что не учитывалось при работе с археологическим памятником даже в начале XX в. Инструкция Г.Ф. Миллера — свидетельство научной зрелости её автора, окончательного перелома в оценке научной ценности археологических памятников.

-
- [31] Радлов В. В. Сибирские древности, т. 1, — Спб., 1894, с. 107-108.
[32] Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von Jahre 1733 bis 1743. — Göttingen, 1751-1752, В. III, S. 237.
[33] Ibid., S. 225-226.
[34] Из Миллерова рукописного описания сибирского путешествия с дополнениями из печатного издания путешествия Гмелина. — В кн.: Радлов В. В. Сибирские древности, с. 33.
[35] Gmelin I. G. Reise durch Sibirien..., S. 280.
[36] Ibid., S. 284-285.
[37] Gmelin I. G. Reise durch Sibirien..., S. 311-319.
[38] Миллер Г.Ф. История Сибири, т. 1 — М.—Л., 1937, с. 522.
[39] Там же.
[40] Из Миллерова рукописного описания..., с. 122.
[41] Миллер Г. Ф. История Сибири..., с. 522.
[42] Там же, с. 526.
[43] Из Миллерова рукописного описания..., с. 69.
[44] Миллер Г. Ф. История Сибири..., с. 537-539.

Экспедиция П.С. Палласа.

Как и его предшественники по изучению Южной Сибири Д.Г. Мессершмидт и Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас был приглашён Петербургской Академией наук на должность академика и профессора в 1766 г. В июле 1767 г. он приехал в Петербург. Согласно контракту, он должен был принять участие во всестороннем изучении территории России. Как уже отмечалось, составление географического описания страны стало задачей, выдвинутой ещё Петром I. М.В. Ломоносов в 1760 г. разработал план такой экспедиции и примерную инструкцию для их участников. В обязанность путешественников по Сибири вменялось не только производить астрономические наблюдения, но также изучать природу во всем её многообразии, экономические особенности и быт населявших её народов. Кроме того, Академия надеялась получить от участников экспедиции сведения обо всём, что может служить «к объяснению общей и к направлению частной географии», описание погоды, трав, древностей, записи старинных легенд и сказаний. Экспедиция, возглавляемая П.С. Палласом, отправилась в путь 21 июля 1768 г. Весной 1771 г. он выехал из Челябинска в Омск.

Особое внимание исследователя привлекали древние рудные разработки, по которым можно было бы определить места залегания медных и железных руд в Южной Сибири. Он самым тщательным образом обследовал в этом отношении Западный Алтай, Кузнецкий Алатау, северные отроги Саян. Ему удалось открыть многочисленные древние медные разработки, выявить особенности и общие черты горно-добывающей отрасли далёкого прошлого.

Многочисленные сведения о богатых медными изделиями могилах среднего Енисея заставили П.С. Палласа побывать здесь дважды — осенью 1771 г. и в конце лета и осенью 1772 г. Первый маршрут начинался в Ачинске и шел к Ужуру, а от него к слиянию Белого и Черного Июсов и далее через улус Коковский к озерам Билу-куль и Иткуль и к р. Б. Сон. Перевалив через горы, П.С. Паллас вышел к р. Ерба. Из с. Ербинского он отправился к селам Копёны, Абакано-Перевозное и Абаканское. Из Абаканского в Красноярск П.С. Паллас вернулся Енисеем, миновав реки Сухая, Ерба, Таштык, Карасук, оз. Ворча, деревни Черновую, Янову, Новоселово. Маршрут 1772 г. проходил по южной части Минусинской котловины и в основном повторял маршрут Г.Ф. Миллера. П.С. Паллас

обследовал долины рек Абакана, Уйбата, Иини, Аскыза, Тёи, Таштыпа. От последней путь его лежал к деревням Монок и Арбаты, через Майнский и Уйский рудники в д. Коптыреву и к г. Минусинску [45].

По пути своего следования П.С. Паллас встречал многочисленные памятники древности, фиксировал их в своих дневниках, подчеркивая своеобразие. В междуречье Июса и Енисея он отметил насыпанные из земли курганы с врытыми около них большими плоскими камнями. Пространство вокруг оградки у некоторых гробниц было «совершенно плоско», у других же оно представляло небольшой холм [46]. В подобных курганах, отмечал П.С. Паллас, находили изделия из меди и железа, главным образом оружие, а также золотые и серебряные украшения. Особое его внимание привлекли найденные в более «бедных могилах» украшения из дерева, обернутые золотой фольгой. В числе изделий, которые ему удалось осмотреть, он упомянул медные лёгкие чеканы, кинжалы, черенки от ножей, костяные и медные наконечники стрел, медные серпы, а из предметов искусства — изображения лосей, оленей, диких коз и овец. В районе с. Абакано-Перевозного П.С. Паллас отметил «неописанное множество древних каменных могил», среди которых встречались сооружения, достигавшие в длину до 400 сажень. Все они имели четырёхугольные оградки, заполненные внутри каменными плитами и землей. Среди них, однако, встречались и захоронения, лишённые холмообразной насыпи. Помимо этого у места переправы через Енисей, на скале, спускающейся к воде, он обнаружил «письменные знаки», написанные черной краской. «Большая часть оных — мунгальские, есть и две татарские», — определил надписи П.С. Паллас [47]. Во второе свое посещение этой писаницы он скопировал ее и передал майору Власову, у которого был переводчик, знавший восточные языки. Однако попытка перевести древние знаки окончилась неудачей, «потому что они ни с монгольским, ни с обыкновенным маньчжурским были не сходны» [48].

Второе путешествие по Минусинским котловинам для исследования древностей было еще более плодотворным. Абаканская степь поразила П.С. Палласа обилием и многообразием древних памятников, которые он оценивал как «чрезвычайной величины и виду». Между курганами с четырёхугольными оградками и плитами по углам он отметил также те, у которых внутреннее пространство оградок выложено было песчаниковыми плитами. Особого внимания, по его мнению, заслуживали каменные стелы с высеченными на них человеческими личинами [49]. Подобные памятники были обнаружены им у с. Бельтырского. Верстах в двух от села, выше по Абакану, стояли две плиты, немного зауженные в верхней части, где прослеживались черты человеческого лица. Первая большая плита (Кыс-таш — сестра) имела на одной грани вырезанные фигурки двугорбых верблюдов, на другой же — «безобразную рожу дитяти». Вторую стелу (Кызы-таш — мужской камень) украшала помимо изображения человеческого лица вырезанная фигура всадника с копьем. Немного выше был высечен натянутый лук со стрелой. На противоположной грани рисунки почти не сохранились. Под ними в самом низу можно было заметить изображение «дитяти». В нескольких сотнях метров к западу от описанных памятников П.С. Паллас обнаружил могильную насыпь, обставленную большими плитами, и окруженную многочисленными курганами. Одна из плит представляла собой изображение человека. Это была знаменитая скульптура Куртуяк, описанная в своё время Д.Г. Мессершмидтом и Г.Ф. Миллером. К характеристике памятника П.С. Паллас добавил, однако, несколько любопытных деталей. Скульптуру он оценил как «чрезвычайной величины женский образ». Рот у женщины был широко раскрыт, а на сильно вздутом животе, свидетельствующем о беременности её, прослеживались «полосы» и «красивые кривые росписи» [50].

В двух верстах вверх по Абакану П.С. Паллас осмотрел на одном из холмов величественный курган, обставленный очень большими плитами. Четыре других, меньших по размеру кургана отстояли от основного на северо-запад и юго-запад и образовывали в плане треугольник. К западу от кургана на расстоянии более 200 шагов на бугорке были поставлены три ровные плиты. У северной плиты, на восточной её грани, П.С. Паллас заметил продолговатую человеческую личину, занимавшую половину площади камня. Плиту вкопали так, что изображение оказалось обращенным вниз головой. (Это изваяние отмечалось предшественниками П.С. Палласа.) Другие два камня были обработаны так, как будто их покрывала чешуя. Недалеко от этих плит стоял еще один огромный камень, южную грань которого покрывали рисунки «кои, может быть, представляют знаки похороненных здесь людей». П.С. Паллас объяснил, почему он сделал такой вывод: «И поныне ещё в Сибири между язычниками, да и в России в простом народе, не знающем грамоты, водится, что выберут себе какую-нибудь фигуру и ею вместо имени подписываются» [51]. Здесь же, у Куртуяк, П.С. Паллас решил раскопать несколько курганов. В одном кроме человеческих костей и черепков глиняной посуды ничего найти не удалось. В другом пол могилы оказался устланным плитками, а на них лежал костяк человека, обращенного лицом на восток. Около головы лежали кости лошади и коровы, а также глиняные черепки. Над головой в насыпи П.С. Паллас обнаружил тонкую золотую бляшку, «набитую на плоскую, всю изоржавленную медную пуговицу» [52]. Изделия из меди привлекали его внимание в значительно большей степени, нежели золото, поскольку такая «мелочь» навела П.С. Палласа на размышления о принадлежности погребений какому-то другому народу, весьма опытному в добыче сырья для выплавки металлов и в последующем изготовлении из него разного рода, изделий — инструментов и украшений. Занимаясь изучением природных богатств, П.С. Паллас обращал пристальное внимание на следы многочисленных древних горных выработок. Он сделал вывод о том, что древние рудокопы Южной Сибири, по-видимому, железа ещё не знали, потому что все их инструменты, оружие и прочие вещи, были изготовлены из литой меди. К ней они для твёрдости примешивали другие металлы [53].

Древние погребальные комплексы П.С. Паллас разделил на две большие группы: «каменные маяки» и «земляные бугры» с плитами около них. Первые представляли собой четырёхугольные площадки, огороженные высокими плитами. На одной из четырёх сторон стояли одна или две особенно большие плиты с обязательным наклоном внутрь ограды. Часто на плитах П.С. Паллас отмечал «знаки», изображения людей и животных, а также «личины». Встречались ему также оградки, разделенные внутри на секции, в которых, по его предположению, хоронили «родственников».

По внешним признакам группы каменных курганов П.С. Паллас подразделил на три вида: с плоским внутри ограды пространством, с холмообразным и с выложенным сплошь по поверхности плитками. Различия эти, по его мнению, не хронологического и не этнического порядка, а социального характера — «для различия пола или чина». «Знатнейшие могилы, — писал П.С. Паллас, — снаружи не иначе как только по величине обставленных плит распознать можно». Стенки могил и покрытие, согласно его описаниям, сооружались обычно из плит. Костяки лежали головой на восток, кости черепа, почти всегда плохо сохранившиеся, — с правой стороны. У головы обычно располагались закопченный глиняный сосуд и остатки деревянной посуды. При раскопках П.С. Палласу попадались кости лошадей.

В могилах ему удалось открыть особые, плиткой выложенные места. Здесь, по его мнению, совершалось сожжение тел умерших. В захоронениях «знатных» встречались серебряные чашки, золото в листах, пуговицы и другие украшения, конская железная сбруя, тщательно украшенная золотой или серебряной насечкой. Изделия из меди были редкой находкой. Особое восхищение П.С. Палласа вызвали найденные в курганах вещи, изготовленные из золота и серебра. Ювелирная тонкость работы оказалась настолько поразительной, что он усомнился — дело ли это рук «сих народов». Для «каменных» курганов, как установил П.С. Паллас, характерны изделия, изготовленные из железа [54].

Земляные курганы характеризовались П.С. Палласом как «холмы» различной величины. Они, как правило, обставлялись большими плитами, из которых обычно одна выделялась своими размерами, на ней порой удавалось обнаружить грубо высеченные личины, не всегда ясные знаки и некие «безобразные» фигуры. Что касается конструкции самого погребального сооружения, то, по описанию П.С. Палласа, под насыпью располагалась четырёхугольная продолговатая гробница из лиственничных брёвен, покрытие которой составляли толстые доски и береста или песчаниковые плитки. Пол погребальной камеры выстилался досками. Часто гробницы внутри разделялись деревянными или земляными простенками на несколько камер. В каждом таком «отсеке», лежало по одному костяку. Иногда, правда, у одной из стен деревянного сруба при раскопках обнаруживалась кучка жжёных костей, поверх которых иногда лежали золотые бляшки. В ногах умершего размещали глиняные и медные котлы и «горшочки», остатки деревянных чашек. У поясицы умершего располагались бляшки, кинжалы. Однажды встретился нож с остатками ножен. На груди находилось самое ценное — золотые пуговицы и застёжки. Иногда удавалось обнаружить кусочки парчи и собольего меха. П.С. Паллас описывал также трудно объяснимые по значению находки. В частности, в одном из курганов было обнаружено скопление лопаток крупных и мелких животных, просверленных насквозь. Они лежали тесной группой, примыкая друг к другу, и, очевидно, составляли некогда целую связку. «Бугровщики» рассказывали П.С. Палласу о том, что кроме перечисленных вещей они находили в таких курганах кованые золотые ожерелья и браслеты, поясные бляшки, оклады для эфесов кинжалов. Особый интерес у П.С. Палласа вызвало сообщение об открытии ими гипсовых масок («тощие человеческие головы»), которые, по рассказам, были покрыты узорами, нанесёнными зеленой и красной краской. П.С. Паллас отметил, что многие инструменты, оружие, а также предметы обихода и украшения, найденные в «земляных курганах», изготавливались из литой меди, т.е., по всей видимости, из бронзы. Изделия из золота в отличие от аналогичных предметов из «каменных курганов» не отличались изяществом и тонкостью отделки. П.С. Паллас прямо называл их «примитивными». Обилие изделий из металла не оставило у него сомнений, что те, кто сооружал «земляные курганы», как раз и оставили в Южной Сибири многочисленные горные выработки. В них они добывали руду, сами ее плавил и делали из металла все необходимое [55].

К сожалению, рисунки и личины на стелах, а также человеческие изваяния не представляли для П.С. Палласа серьёзного научного значения, что же касается различных знаков, которые его предшественники считали письменами, то они оценивались им как совершенно произвольные, не имеющие никакого смысла. Поэтому все эти разновидности сибирских древностей остались вне его внимания, и он не оставил подробного их описания, как и не высказал своих соображений, связанных с возможной интерпретацией такого рода находок.

О времени происхождения древних памятников Южной Сибири П.С. Паллас определённого мнения не имел. Он лишь отметил, что более древними можно считать «каменные» курганы, содержащие железные вещи. Что касается «земляных» сооружений, то, по его мнению, они появились не раньше VIII-X вв. и принадлежали древним народам, которые будто бы пришли с гуннами [56].

Судя по оставшимся памятникам, рассеянным на степных просторах от Енисея до Чёрного моря, народ этот отличался многочисленностью. Первоначальными районами его расселения были долины рек Енисея, Абакана и предгорья Алтая. Затем под натиском завоевателей, или же из-за хозяйственной необходимости он покинул Алтае-Саянское нагорье и двинулся на запад вдоль горных хребтов, содержащих медные руды [57].

П.С. Паллас представлял этот народ кочевым, не знавшим употребления железа, о чём, по его мнению, свидетельствовали многочисленные медные рудники и бронзовые инструменты из курганов, а также отсутствие остатков городов и поселений. Что это за народ — многое в этом вопросе для П.С. Палласа осталось неопределённым. Поскольку большинство исследователей того времени относило сибирские памятники к скифам и «чуди», то и Паллас принимал эту точку зрения, основанную на достоверных античных источниках действительно указывавших на далёкую Азию, как прародину скифов [58].

Гораздо труднее было согласиться с тем, что «чудь» — это древнее угро-финское население Сибири. П.С. Паллас возражал против сопоставления чуди с «монголами или татарами». Этому, по его мнению, противоречило то обстоятельство, что монголы и татары, зная хорошо методы выплавки железа и изготовления из него разного рода изделий, не умели добывать сырьё «высоких металлов» и отливать из него оружие, орудия труда, украшения и отдельные предметы повседневного обихода, в частности котлы и чаши. «Гораздо большее искусство и великолепие», которые столь отчетливо прослеживаются в обнаруженных в курганах бронзовых находках, не позволяло ему сравнивать чуди с монголами или «татарами» [59].

Анализируя древние разработки меди на Енисее, Алтае и в верховьях Иртыша, П.С. Паллас пришёл к выводу об идентичности их венгерским: «Нет никакого сомнения, что образ добывания руд в Венгрии такой же, какой был в употреблении у того народа, коего мы преследовали по описанным монументам даже до Чёрного моря... Наши старинные копи, приписываемые чуди и скифам, так же как и венгерские, принадлежали, без сомнения, тем же самым венгерцам, кои прошед все рудные хребты наших гор, вошли в новую страну, где потомство их осталось. Новейшие историки уже довольно доказали, что угры или гунгары, обитавшие издревле в некоторой части Сибири, называвшейся великой Гунгарией, вышли из Восточной Азии» [60].

Сохранились и промежуточные звенья этого переселения, которыми, как считал П.С. Паллас, были башкиры и вогулы. Таким образом, на основе сходства археологических памятников (рудников и инструментария) и выводов специальных лингвистических исследований, он пришёл к заключению об общности предков, именовавшиеся русскими «чудью» венгров, башкир и вогулов, и о принадлежности определённых памятников (земляных курганов, древних медных копей) именно этому древнему населению.

Маршруты экспедиции П.С. Палласа в степи среднего Енисея повторяли путь его предшественников, поэтому он обследовал в основном те же группы памятников. Конечно, каждый из путешественников вносил что-то своё, отчего представления о ряде известных памятников становились более полными, конкретными и точными, лучше отражавшими действительность. Однако и П.С. Палласу принадлежит честь открытия нескольких новых памятников. В частности, он первым обследовал писаницу у с. Абакано-Перевозное, стелы и изваяния у с. Бельтырского, более детально и правильно описал перевёрнутое вниз головой изваяние на Аскызе. Его заслугой является детальное изучение древних копей, в результате чего было установлено их тождество с алтайскими горными разработками в бассейне верхнего Иртыша. В копиях работали каменными и медными инструментами, и П.С. Паллас впервые обратил внимание исследователей на то, что основная масса вещей из погребений делалась из сплава меди с другими металлами.

Классификация курганов у П.С. Палласа не столь детальна, как у И. Г. Гмелина, но каждая из выделенных им групп настолько обстоятельно представлена, что с некоторыми оговорками их можно соотнести с подразделениями современной классификации. К замечательным достижениям науки о древностях следует отнести тот факт, что П.С. Паллас впервые сообщил о находках в курганах погребальных масок. Не следует забывать и то обстоятельство, что, анализируя данные о «каменных курганах», он определённо высказал мысль о том, что различия в конструкции могил могли быть обусловлены социальным положением погребённых. Вот, очевидно, почему для П.С. Палласа в изучении древностей важными оставались простые вещи, «могущие рассказать больше», чем золотые и серебряные. В этом он оставался верным последователем Г.Ф. Миллера. Что же касается взглядов на смену культурно-исторических эпох, то он по сравнению с Г.Ф. Миллером сделал явный шаг назад. «Каменные курганы», созданные неизвестным народом и содержавшие железные предметы, считались им более древними, чем «земляные», в которых бугровщики находили вещи, изготовленные из меди и бронзы.

Металлургия бронзы, по его мнению, показатель более высокого уровня развития культуры Южной Сибири. Значит, оно стояло на более низкой ступени развития и предшествовало носителям бронзовой культуры! П.С. Паллас на конкретной группе памятников проследил распространение определённой культуры с востока на запад, установил тождество отдельных объектов и пришел к выводу — рудные копи, изваяния, «земляные курганы» оставил один народ, следы которого прослеживались от Енисея до Венгрии. По его мнению, родина

этого народа — Алтае-Саянское нагорье, а имя ему — «чудь». Итак, на новом качественном уровне была, в сущности, повторена гипотеза Ф. И. Страленберга о сибирском происхождении угро-финнов.

Оценка исследований прошлого с позиций современной науки сложна тем, что всегда есть опасность встать на путь одностороннего и предвзятого анализа научных воззрений и практической их деятельности. Такова, на наш взгляд, оценка деятельности Д.Г. Мессершмидта в работе В.Г. Мирзоева «Историография Сибири»: «Сибирские материалы, имеющие отношение к социальным наукам, носят нередко субъективный характер, и к ним следует относиться осторожно. Личные качества Мессершмидта весьма неприглядны; он выступает перед читателем как воинствующий шовинист, презирающий русский народ, как жестокий крепостник и, наконец, мистик» [61].

А вот его оценка деятельности П.С. Палласа: «Освещение современного положения Сибири Палласом напоминает дух «Антидота» Екатерины II, представляющий собой универсальную защиту самодержавного строя» [62]. Конечно, философские взгляды, отношение к окружающей действительности следует учитывать и анализировать, но при этом надо исходить из той конкретно-исторической обстановки, которая сформировала их. «Воинствующими шовинистами и крепостниками» Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа вряд ли можно назвать. Они были истинными представителями века Просвещения, причем немецкого, которое в значительной мере отличалось от французского и других своей ограниченностью, обусловленной наличием большого числа феодальных предрассудков и традиций в Германии того времени. Их взгляды на русскую действительность XVIII в., отсталость общественных отношений, особенно в Сибири, были объективны, критиковались с просвещенческих позиций, возможно, в надежде, да то, что критика будет способствовать улучшению существующих порядков.

Следует учитывать также и психологические факторы. Стоит только представить немецкого учёного, покинувшего провинциальный университетский городок и столкнувшегося с совершенно непредвиденными географическими, историческими и социальными явлениями, явным противодействием местных властей, задержкой денег от Академии (особенно это относится к Д.Г. Мессершмидту), сразу же станут понятными и раздражение, и скепсис, и нежелание проникнуть в душу «идолопоклонников», и гипертрофированно-критическое отношение к русской действительности и русскому народу.

Относясь критически к взглядам и некоторым сведениям учёных-путешественников, следует, однако, признать их большие заслуги в деле изучения Сибири и согласиться с Н.Ф. Катановым, предлагавшим «отдать дань справедливости за то богатство новых и ценных сведений о России и Сибири», которые впервые появились в трудах ученых XVIII в., XVIII век положил начало исследованиям дорусского прошлого Сибири, в том числе и древнейшего. Главной задачей участников упомянутых выше экспедиций был сбор материалов. Принцип всеохватывающего энциклопедизма наиболее ярко проявился уже при составлении исследовательских программ, не только общих, но и исторических, где предписывалось собирать всё, что могло пролить свет на историю края. Не удивительно поэтому, что собраны были исторические, археологические, лингвистические, этнографические данные, мифы и легенды коренных народов Сибири. Однако сведениям предшествующих столетий об археологических памятниках Сибири был присущ эмпирический характер, при котором очень трудно отделялось достоверное от легендарного и фантастического. Сведения излагались без особой последовательности, исторической или логической взаимосвязи. Участники экспедиций естественно в первую очередь обращали внимание на памятники, имевшие ярко выраженные внешние признаки.

Присутствие в «дикой» Сибири памятников искусства, письменности наталкивало их на мысль о существовании здесь в прошлом неизвестной высокой культуры. Это явление надо было объяснить. Поэтому материалы, полученные экспедициями, отличались не только объёмом, но и качеством. Они характеризовались большой научной достоверностью, описание их велось без домыслов, и только при интерпретации исследователи вынуждены были поневоле прибегать к сюжетам легендарного и мифологического плана, ибо слишком был ещё мал объём знаний о древнем прошлом Сибири, а между тем желание сразу ответить на возникавшие вопросы было велико.

Данные, полученные в результате исследований, систематизировались Ф.И. Страленбергом в виде энциклопедического словаря, а затем обобщались. Сами исследуемые объекты классифицировались. Так, впервые подверглись такой, по-своему обобщающей, обработке курганы (Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас), металлические вещи и писаницы. В этом отношении сибирская археология опередила не только русскую, но и, пожалуй, европейскую науку (если иметь в виду изучение памятников первобытных культур).

Логически стройной, развёрнутой концепции древней истории Южной Сибири в трудах участников экспедиций, конечно, не найти. Тем не менее, налицо попытки осмысления собранного материала, позволяющие выявить некоторые элементы мировоззрения исследователей, полностью укладывающиеся в рамки метафизических

представлений XVIII в. Идея развития, поступательного хода этого процесса им не была чужда, и это не удивительно, ибо познакомились они в Сибири с необычайно разнообразным по характеру историческим материалом, охватывавшим период человеческой истории от каменного до XVIII в. П.С. Паллас, например, показателем высокого уровня развития общества считал наличие рудных разработок и умение делать сплавы металлов. Учёные-путешественники признавали смену культур, которая, по их мнению, происходила не в результате внутренних процессов саморазвития, а под воздействием внешних обстоятельств (переселение народов, культурные заимствования). Примечательно то, что Г.Ф. Миллер сумел выделить два крупных культурно-исторических этапа в древней истории Южной Сибири — медный и железный, причём более древним отмечался первый. Несмотря на это, ни в XVIII в., ни в первой половине XIX в. сибирские древности не описывались в соответствии с этой схемой развития культур. У того же Г.Ф. Миллера вся совокупность памятников Южной Сибири отражала домонгольский и монгольский этапы сибирской истории. Рассуждениями о «бедных» и «богатых» могилах Г.Ф. Миллер констатировал наличие в прошлом двух соответствующих этапов в развитии общества, отражавших развитие внутренней социальной дифференциации в древнем обществе.

Сбор этнографического и археологического материала способствовал появлению сравнительного метода. Там же, где для объяснения исторических явлений такого сопоставления было недостаточно, они прибегали к данным письменных источников. Это позволило им показать, во-первых, что многие вещи связаны с религиозными представлениями, а, во-вторых, по возможности полнее (для того уровня развития науки) восстановить историческую картину прошлого. В некоторых моментах чувствовалось влияние античных и средневековых источников.

Важно подчеркнуть, что в работах учёных-путешественников, посвящённых сибирским древностям, отчётливо прослеживается понимание связи древностей с историей. Особенно чётко это выражено у Г.Ф. Миллера в его инструкции для Фишера. Археология начала по сути дела впервые выступать как особая отрасль исторической науки, хотя до подлинной самостоятельности было еще далеко. Их обзоры по древней истории основывались главным образом на использовании археологического материала.

В ходе полевых исследований экспедиций XVIII в. участники их высказали идеи, в какой-то мере предвосхитившие современные взгляды. (Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг выдвинули гипотезу о принадлежности ряда памятников скифскому ареалу культур. Не менее примечательно и то, что П.С. Паллас и Ф.И. Страленберг — авторы гипотезы алтае-саянского происхождения угро-финских народов, ставшей в XIX в. основополагающей в археологических, этнографических и лингвистических исследованиях Сибири.)

Итак, XVIII век положил начало не только сохранению археологических памятников, но и научному их изучению. Впервые были собраны коллекции древних вещей, проведены первые раскопки, зарисованы и скопированы наскальные рисунки. Появляются научные методы раскопок и интерпретации памятников. Исторические выводы делаются на конкретном материале, определяются интересные пути решения проблем происхождения народов Сибири и культур, намечаются возможные элементы периодизации древнего прошлого севера Азии.

[45] Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинской котловины. — Изв. лаб. археолог. исслед., Кемерово, 1973, вып. VI, с. 100-101.

[46] Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства, т. 2, ч. 2. — Спб., 1786, с. 451-452.

[47] Там же, с. 453, 473-474.

[48] Паллас П.С. Путешествие по разным местам..., т. 4. — Спб., 1788, с. 567.

[49] Там же, с. 500.

[50] Там же, с. 502.

[51] Там же, с. 502-504.

[52] Там же, с. 505-507.

[53] Там же, с. 572.

[54] Паллас П.С. Путешествие по разным местам..., т. 3. — Спб., 1788, с. 505-507, 537-538; Он же. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и их подобии с Венгерскими, различествующими от Римских. — Академические известия, Спб., 1780, ч. 5, с. 315-317.

[55] Паллас П.С. Путешествие по разным местам..., т. 3, с. 538-541; Он же. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири..., с. 317-320.

[56] Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири..., с. 315, 332.

[57] Там же, с. 326-327.

[58] Там же, с. 313.

[59] Паллас П.С. Путешествие по разным местам..., т. 2, ч. 2, с. 355-356.

[60] Паллас П.С. Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири..., с. 332-334.

[61] Мирзоев В.Г. Историография Сибири..., с. 18.

[62] Там же, с. 32.

Глава II. Археологические исследования в первой половине XIX в.

В XIX в. Сибирь оставалась одним из значительных объектов научного изучения, в котором преобладало естественно-географическое направление, обусловленное интенсивным освоением края, связанным с развитием капиталистических отношений в России. Социально-экономические процессы, происходившие в Сибири в этот период, особенно в последней трети XIX в., неизбежно вели к изменениям в культурной жизни края. Зарождается сибирская литература и печать, открываются университет и другие учебные заведения, растет и укрепляется местная интеллигенция, активно включившаяся в научное изучение края.

Исторические исследования, направление которым было дано ещё Г.Ф. Миллером, развиваются с ярко выраженной тенденцией выделения различных отраслей исторического знания — истории, этнографии, археологии. Наиболее значительных результатов в этом направлении добилась этнография. Достаточно указать на исследования К.М. Дитмара и Л.И. Шренка, Г.Н. Потанина, М.Н. Ханганова и Н.Ф. Катанова, Д.Н. Анучина и В.Г. Богораза и других. Археология Сибири развивалась медленнее, успехи её менее значительны по сравнению с этнографией. Археология как наука в России в первой половине XIX в. была очень слабой, находилась в зачаточном состоянии. Только в 30-е гг. начинают проводиться систематические раскопки, а Археологическая комиссия, призванная координировать археологические исследования в стране, создаётся только в 1851 г. Существенное влияние на развитие сибирской археологии оказало то, что уже с конца XVIII в. сибирские древности постепенно перестают вызывать тот интерес, который они вызывали на протяжении XVIII в., уступая место памятникам Северного Причерноморья, в основном античным. Явление это не было случайным, т.е. объективно отражало ход развития науки. В Европе археология формировалась и развивалась как наука об античных памятниках. Вполне естественным выглядит влияние этого процесса на зарождающуюся археологию в России, если его рассматривать в контексте влияния европейской культуры на русскую.

В начале XIX в. складывается классическое направление в русской археологии, существовавшее до 30-х гг. XX в. Представители этого направления основной своей задачей считали сбор и скрупулезное изучение памятников античной культуры, чтобы лучше представить бытовой фон, на котором развивалось высокое античное искусство. Незрелость археологии как науки, слабость её методологической основы, недостаточность фактологической базы побуждали исследователей классического направления к более глубокому изучению различных источников — исторических, филологических, литературных. При этом археологическим фактам отводилась лишь иллюстративная роль.

Монопольное господство классического направления в русской археологии продолжалось недолго. Отечественная война 1812 г. способствовала необыкновенному подъёму национального самосознания, пробудившего большой интерес к отечественной культуре и истории. Складывается второе направление в науке, предметом изучения которого становятся средневековые памятники России. Средневековая археология, развиваясь параллельно с классической, на первом этапе не избежала отрицательных последствий взаимодействия. Русскую историю пытались подогнать под античные каноны, что неизбежно приводило к извращению исторического процесса. Второй крайностью была попытка, предпринятая в николаевскую эпоху, доказать изначальность самодержавия в России с помощью археологических источников. В итоге всё-таки победило объективное направление в развитии науки о древностях.

Если попытаться вычленив в русской археологии первой половины XIX в. явления, работавшие на будущее формирующейся науки, то в первую очередь следует отметить следующие. Среди русских учёных растёт понимание необходимости перехода от случайных сборов и раскопок к планомерному изучению археологических памятников и восстановлению на его основе древнего прошлого страны. Настроения этой части исследователей отлично выразил К.М. Бэр: «Если Россия не займётся изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи как образованного государства. Дело это уже перестало быть народным — оно делается общечеловеческим». Формируются также требования к археологическим исследованиям, которые были сформулированы И.А. Стемповским. Он предлагал создать научное общество, которое взяло бы на себя охрану памятников, их топографическую фиксацию, раскопки, регистрацию случайных находок, публикацию археологических материалов. З. Ходаковский же видел в археологическом памятнике важный исторический источник, способный вместе с литературными, фольклорными, топонимическими и другими данными раскрыть содержание древней истории. Для З. Ходаковского, а затем А.С. Уварова и В.С. Пассек характерными были планирование своих работ, научная постановка проблем, понимание исторических задач археологии.

В целом русская археология делала ещё пока первые шаги. На этом этапе собирались и изучались не только собственно археологические памятники, но и этнографические, фольклорные, лингвистические, литературные и другие источники, т.е. все то, что могло способствовать накоплению знаний о прошлом человеческого общества. В условиях, когда этих сведений не хватало, привлекались данные естественных наук — геологии, антропологии, естествознания. Таким образом, с самого начала формируется комплексный подход в изучении археологических памятников. И тем не менее археология оставалась пока (это было характерным для всего XIX в.) наукой чисто эмпирической, изучающей вещи как таковые, их формы и очень редко их развитие. Всё это вне исторического

процесса. Понимание связи вещей с деятельностью человеческих коллективов, конечно, было, но все это носило умозрительный характер и усугублялось господством идеалистических представлений в понимании исторического процесса [1].

В первой половине XIX в. центром археологических исследований в Сибири по-прежнему оставалась Минусинская котловина. Памятники других районов, будучи по своим внешним признакам не столь выразительными, мало привлекали внимание исследователей. Интерес ограничивался сбором коллекций металлических вещей, в основном предметов искусства. Прекрасную коллекцию художественных произведений Алтая составил алтайский инженер П.К. Фролов. Среди них наиболее замечательными были хорошо сохранившиеся резные изделия из дерева, которые, как оказалось впоследствии, принадлежали скифо-сибирскому искусству.

Научное наследие XVIII в. оказалось не столь уж и значительным. Исследователи XIX в. получили в основном описательный материал, рисунки памятников, зачатки научного осмысления фактов, идеи прогресса и поступательного развития общества, некоторые интересные гипотезы и наброски путей их решения. В работах Г.Ф. Миллера и П.С. Палласа впервые предлагалось рассматривать археологический материал в качестве ценного исторического источника. Все эти достижения нужно было воспринять и развить дальше, поставив исследования на более высокий научный уровень. Поэтому перед исследователями стояли сложные задачи. Для получения научно достоверных данных необходимо было продолжать сбор материалов, предпочтительно, конечно, в ходе раскопок. Разработку принципов классификации памятников вести в направлении, позволившем бы выделить памятники бронзовой и раннежелезной эпох и этапы их развития. Не менее сложной являлась задача по формированию научной методики полевых исследований, а также анализа конкретно-исторического материала, его теоретического осмысления. Решение последних двух проблем возможно было лишь в связи с их разработкой в целом в археологической науке.

Исследование Южной Сибири в первой половине XIX в. характеризуется процессом накопления археологического материала, к сожалению не связанного с раскопками памятников. Изучение ведется в основном, как и в XVIII в., учёными-путешественниками, периодически приезжавшими для сбора материалов.

В их деятельности (особенно это характерно для Г.И. Спасского) ярко выражен комплексный подход к сбору исторических источников. Именно в этом проявляется их связь с общерусской археологией. Постепенно получают дальнейшее развитие буржуазные взгляды на исторический процесс как закономерный, обусловленный внутренними причинами развития. Новые представления заставляли учёных накапливать материал и искать соответствующие пути решения проблем [2].

В первой половине XIX в. над памятниками южносибирских древностей работала небольшая группа исследователей. Наиболее впечатляющей была деятельность Г.И. Спасского. Посетив степи Среднего Енисея в 1810 или 1811 г. (точно не известно), он ограничился лишь осмотром отмеченных П.С. Палласом памятников, сделав, по-видимому, самые незначительные сборы, так как при публикации пользовался в основном описаниями памятников и рисунками, заимствованными у П.С. Палласа. Большая же часть материалов ему была прислана из Сибири различными лицами. Г.И. Спасский стремился ко всеобъемлющему охвату исторических источников, полагая, что XIX в. должен стать веком «сохранения достопамятностей, рассеянных по обширной России и Сибири» [3]. Главная заслуга источниковеда заключалась в том, чтобы все собранные им материалы были опубликованы, став, таким образом, достоянием науки. Несмотря на обширнейшую деятельность, на широчайшие научные интересы (он и этнограф, и археолог, и историк), Г.И. Спасский всё-таки не смог выйти за рамки представлений XVIII в. в объяснении общих причин исторического развития, которыми являлись миграции, географическая среда, способ правления, взаимодействие с более развитыми соседями.

Своеобразной была деятельность М.А. Кастрена в Сибири. При всей её многогранности (лингвистика, этнография, фольклористика, археология) она отличалась тщательностью и скрупулёзностью в изучении исторических фактов, что позволило собрать материал, не потерявший своего значения и сегодня. М.А. Кастрен раскопал более десяти курганов, сам копировал наскальные рисунки и надписи, зарисовывал изваяния. По совершенству методики полевых исследований М.А. Кастрен стоял выше не только Г.И. Спасского и Э.И. Эйхвальда, но и многих исследователей второй половины XIX в.

Из местной сибирской интеллигенции определённый вклад в изучение древностей был сделан губернатором Енисейской губернии А.П. Степановым, чиновником особых поручений при главном управлении Восточной Сибири Л.Ф. Титовым и енисейским окружным начальником Н.А. Костровым. Наиболее плодотворной по сбору материала была деятельность Л.Ф. Титова, который для Г.И. Спасского скопировал Майдашинскую, Тепсейскую, Оглахтинскую и Потрошиловскую писаницы. Вещи, полученные в результате раскопок и купленные Л.Ф. Титовым, легли в основу археологической коллекции Сибирского отдела Русского Географического

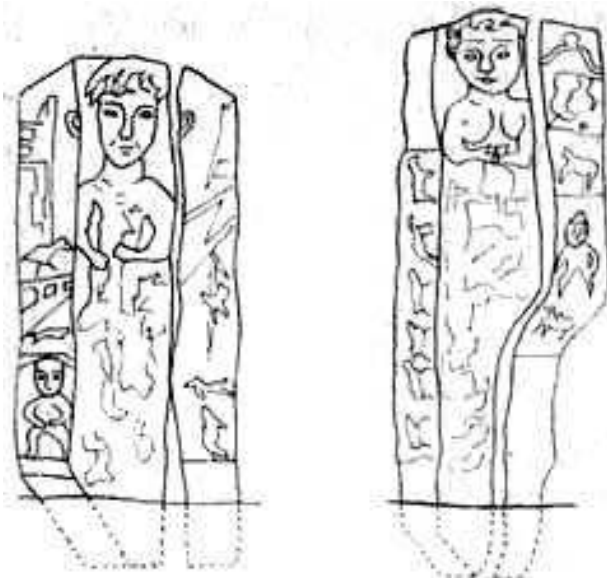
общества. Известно, что Л.Ф. Титов копировал многие другие писаницы Среднего Енисея, но материалы погибли во время иркутского пожара.

В отличие от упомянутых выше исследователей Э.И. Эйхвальд ограничился изучением древних рудников и каменных изваяний тюркского происхождения. Ничего нового по сравнению с П.С. Палласом и Г.И. Спасским у Э.И. Эйхвальда мы не найдём. Научные конструкции последнего носили ещё более произвольный характер, чем у исследователей XVIII и первой половины XIX в. Это объяснялось не только субъективными качествами исследователя, но и объективным состоянием археологии как науки, делавшей первые самостоятельные шаги в попытках объяснения исторического процесса.

Путешествуя в начале XIX в. по Сибири, Г.И. Спасский проявил живейший интерес к памятникам духовной и материальной культуры древних аборигенов этого края. Он был подготовлен к восприятию многочисленных и разнообразных древностей, тщательно изучил записи и публикации учёных-путешественников XVIII в., особенно П.С. Палласа. Соответствующим образом был организован и маршрут. Г.И. Спасский изучил писаницы Енисея, «рунические» надписи, изваяния, места скопления курганов — все те памятники, которые были зафиксированы его предшественниками. Поэтому Г.И. Спасский не сделал новых открытий, к тому же описание уже известных памятников зачастую до деталей совпадало с характеристиками, данными П.С. Палласом. Копированием и зарисовкой древностей исследователь сам не занимался, а при публикации материалов пользовался рисунками и копиями П.С. Палласа и Л.Ф. Титова. Классификация памятников Минусинской котловины также не отличается оригинальностью. Г.И. Спасский выделил несколько групп древностей: 1) курганы с поставленными на них каменными изваяниями; 2) рудные разработки; 3) городища и остатки неопределённых сооружений; 4) рисунки предметов и «буквенные начертания»; 5) «изображенные краской надписи, значение которых, по-видимому, должно скорее, чем последних обнаружиться» [4]. Заслугой Г.И. Спасского является то, что он впервые констатирует наличие укрепленных поселений. Классифицируя курганы, он безоговорочно последовал за П.С. Палласом, выделив «чудские» и «киргизские» группы памятников. Первые отличаются большими размерами насыпей и обставлены камнями; на некоторых из них установлены каменные изваяния. В «чудских» могилах встречаются медные котлы, чаши, топоры, ножи, кинжалы, молоты, золотые и серебряные сосуды и украшения, изображения животных и птиц. Многие из украшений, принадлежавшие конской сбруе, свидетельствовали, по мнению Г.И. Спасского, о кочевой жизни древних обитателей и о занятии их скотоводством и охотой. В «киргизских» же могилах, не имевших внешних отличительных признаков, находили в основном, медные и железные сосуды, мечи, ножи, стрелы, удила, наконечники стрел [5]. Проследивая распространение памятников первого типа, Г.И. Спасский установил,

Рис. 10. Изваяния со среднего Енисея (Г.И. Спасский).

что чем далее на запад от Енисея, тем реже встречаются такие существенные признаки надмогильных сооружений, как ограждение их камнями и установка на них изваяний людей. Последние появляются вновь лишь в Приазовских и Причерноморских степях, но в ограниченном количестве и более совершенной отделки (рис. 10). По мнению Г.И. Спасского, наличие земляных насыпей и каменных статуй на курганах свидетельствовало о близости древнего населения среднего Енисея и Северного Причерноморья (рис. 11). Этому совершенно не противоречил, считал он, тот факт, что в причерноморских курганах не встречалось вещей подобных сибирским. В данном случае для Г.И. Спасского важным было не сходство вещей, а идентичность их функционального назначения. «Все же вещи эти имели такое же значение и зарытие их с покойниками было следствием, вероятно, одинакового обыкновения», — писал Г.И. Спасский. Однотипность сибирских и причерноморских изваяний с курганов являлась, по мнению исследователя, серьезным аргументом в пользу предположения родственности народов этих отдаленных друг от друга районов Евразии. Древние «сибиряки», переселившись на запад, продолжали устанавливать изваяния, не только для того, чтобы можно было отличать свои курганы от скифских, но и, по-видимому, в силу каких-то иных «побудительных» мотивов.

Г.И. Спасский не ограничивается простой констатацией внешнего сходства сибирских и причерноморских статуй, а пытается выявить, фиксируя отличительные особенности, наиболее общие элементы, присущие обоим типам изваяний. Для сравнения он берёт группу памятников среднего Енисея — статую с р. Аскыз, перевернутое вниз головой изваяние с р. Нини (все они в своё время были описаны его предшественниками) и несколько статуй приазовских степей [6]. Для Г.И. Спасского существенным отличительным признаком сибирских изваяний являлось то, что они представляли в основном сидящих людей и на плоскостях своих несли

разнообразные выбитые изображения людей, животных и предметов. Так, правую грань статуи с Нини покрывали рисунки животных, а левую — небольшая головка человека с едва намеченными руками и другими частями тела. Немного ниже (один под другим) — рисунки коня и «младенца» в островерхой шапке и в самом низу — рисунок верблюда. Изваяние с Аскыза также снабжено дополнительными рисунками. На правой грани, если смотреть сверху вниз, можно видеть изображение копья, скобки, птицы и треугольника, заштрихованного поперечными линиями, ниже — непонятное животное, под которым сидит «младенец» с чашкой в руках. На левой грани рисунки почти не сохранились, и только в самом низу едва просматривается рисунок неопределённого животного, перед которым изображен человек с луком, направленным в сторону сидящего на непонятном предмете человека с копьём, обращённым в сторону первого [7]. Все эти изображения Г.И. Спасский считал второстепенными деталями, не способными повлиять на основной вывод о сходстве южносибирских и причерноморских изваяний. Общим являлось наличие чаши в руках и шапочки на головах изваянных людей. Пожалуй, главным, в чём Г.И. Спасский абсолютно не сомневался, было общее функциональное назначение изваяний этих районов. В определении функции памятников он позволяет себе не согласиться с П.С. Палласом, утверждавшим в своё время, что памятники эти являлись следствием буддийского влияния на древних аборигенов Сибири: «Цель изваяния этих статуй столько же загадочна, сколько сомнительна связь их с буддизмом»

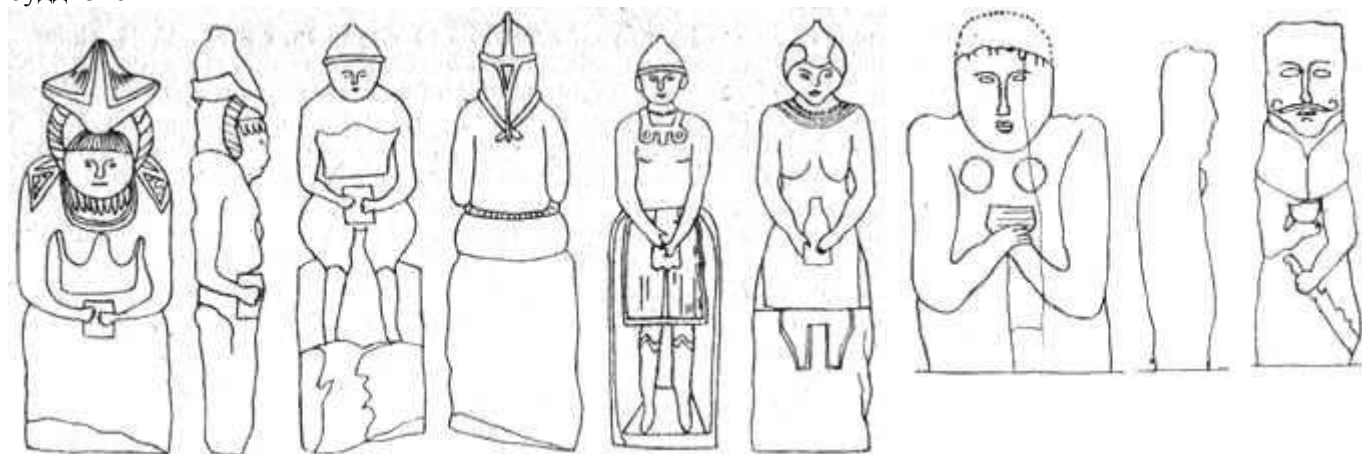

Рис. 11. Изваяния восточноевропейских степей (средневековые по современной хронологии) (Г.И. Спасский).

Единственным аргументом в пользу их связи с буддизмом может служить, считал Г.И. Спасский, чаша, которой наделялось каждое изваяние. Но у буддистов чашами могли владеть лишь добрые божества, у которых они служили для приёма жертвенных даров. Здесь же, в Сибири и Северном Причерноморье, каждое изваяние имело чашу. Эта деталь могла, по мнению Г.И. Спасского, привести к неправильному выводу о том, что статуи евразийских степей, так же как и у буддистов, олицетворяли добрых божеств. Но это не так, ибо, несмотря на внешнее сходство памятников Сибири и юга России, они не представляли в стилистическом отношении канонического единства, как это замечено у буддийских изваяний, и, в силу этого, не могут быть отнесены к памятникам буддийского влияния.

Далее Г.И. Спасский намечает возможные направления в решении проблемы. Он не отрицает связи изваяний с религией их создателей — шаманизмом — наиболее древней религиозной системой сибирских народов, заимствованной ими извне. Как и все прочие религии, шаманизм имел своих богов и подчинённых духов, в нем существовал обряд жертвоприношений. Вполне возможно, предполагает далее Г.И. Спасский, что статуи и есть изображения шаманов с сосудами в руках для приёма жертвенной пищи. С другой стороны, изваяния могут оказаться простыми надгробными памятниками выдающимся людям, аналогичные египетским, греческим и римским [9].

Наиболее интересным типом памятников Г.И. Спасский считал рисунки и надписи на скалах и могильных камнях, которые «высечены не для забавы, а дабы через сии знаки передать потомству о каких-либо достопамятных событиях» [10]. Таким образом, вслед за Ф.И. Страленбергом всё многообразие знаков и рисунков он относит к памятникам письменности, отражавшим разные ступени развития письма. «Древние обитатели тех мест по незнакомству ещё их с легчайшим способом посредством буквенных знаков изъяснения мыслей и понятий» вынуждены были прибегать к рисуночному письму. «В таком случае начертания эти представляют собой живые олицетворения летописи» [11]. Но «летопись» эта не так-то просто поддавалась расшифровке. Чтобы правильно «прочитать» и понять своеобразные древние тексты, необходимо, считал Г.И. Спасский, рассматривать памятник в единстве всех частей его композиций и рисунков. Никким образом нельзя вырывать отдельные рисунки или знаки из «контекста» и пытаться проникнуть в содержание изображённого. Несмотря на кажущуюся разобщённость рисунков на скале, все они объединены внутренним содержанием в единую систему. Не должна также смущать исследователя и стилистическая однородность изображений людей, животных и предметов. Скудость изобразительных средств компенсируется своеобразной

компоновкой, своеобразием действий, производимых персонажами, их положением в общей композиции. Изучение оригиналов и копий, полученных от Л.Ф. Титова, позволили Г.И. Спасскому выявить закономерное разделение писаницы на два, иногда три отдела-«яруса» — верхний, нижний и средний, каждый из которых, вполне возможно, обладал самостоятельным содержанием. Учитывая все это, полагал он, можно довольно легко понять смысл «написанного», ибо рисунки всё-таки представляют изображения людей, разных животных и предметов «суть следствия умопроизведения простого необразованного народа, сходного в обыкновениях жизни с настоящими сего края кочевыми обитателями» [12].

Как видим, для понимания изображённого исследователю необходимо было хорошее знание быта современных аборигенов Сибири. Это при условии, что «написанное» отражает повседневную, обычную жизнь создателей памятника. Если же, писал Г.И. Спасский, все эти группы рисунков несут в себе тайный аллегорический смысл, то из-за ограниченности знаний о древних обитателях среднего Енисея понимание изображённого невозможно [13]. Немаловажное значение для правильного понимания содержания писаниц, по мнению исследователя, имеет точность выполненных копий, ибо, в противном случае, можно получить неправильные выводы. (Именно это и случилось с Г.И. Спасским, так как копии Л.Ф. Титова были, как оказалось впоследствии, выполнены произвольно и неточно). Ошибочность предложенных интерпретаций некоторых писаниц заключалась не только в анализе недоброкачественных копий, но и в слишком упрощённом понимании изображённого, основанном на неправильном представлении о рисунках как об идеальном отражении реальной жизни. И тем не менее опыт Г.И. Спасского для того времени был положительным, так как он первым попытался представить писаницу памятником комплексным, в котором не только рисунки, но и скала, естественные разломы и блоки использовались для деления на ярусы и композиции, подчинены были одной цели — наиболее полной передаче определённых событий из жизни народа. Подобного подхода при решении проблемы не знала сибирская археология вплоть до последнего времени.

Вот несколько примеров интерпретации Г.И. Спасским наскальных рисунков Минусинской котловины. Майдашинская писаница (правый берег Енисея, недалеко от г. Минусинска) разделена им на два яруса — верхний и нижний. Первый имел три композиции, второй — четыре (рис. 12). Верхний ярус: в первой композиции можно видеть сцену перекочевки домашних животных — лошадей, коз, верблюдов, оленей, идущих в одном направлении с телегой, запряженной лошадьми. Немного выше этой группы животных изображен человек, убивающий хищника. Перед человеком стоят два верблюда и лошадь. Вторая и третья композиции дают представление об охоте на диких животных — дикого барана, коз, волка, соболя, лису и птицу, напоминающую гуся. Нижний ярус, по мнению Г.И. Спасского, занят изображениями сцен жертвоприношений и молитв каким-то божествам, которые отличаются от окружающих их людей размерами и статичностью поз. Так, в четвёртой композиции изображены стоящий на одной ноге человек, рядом с ним сидящая фигурка человека с поднятыми вверх

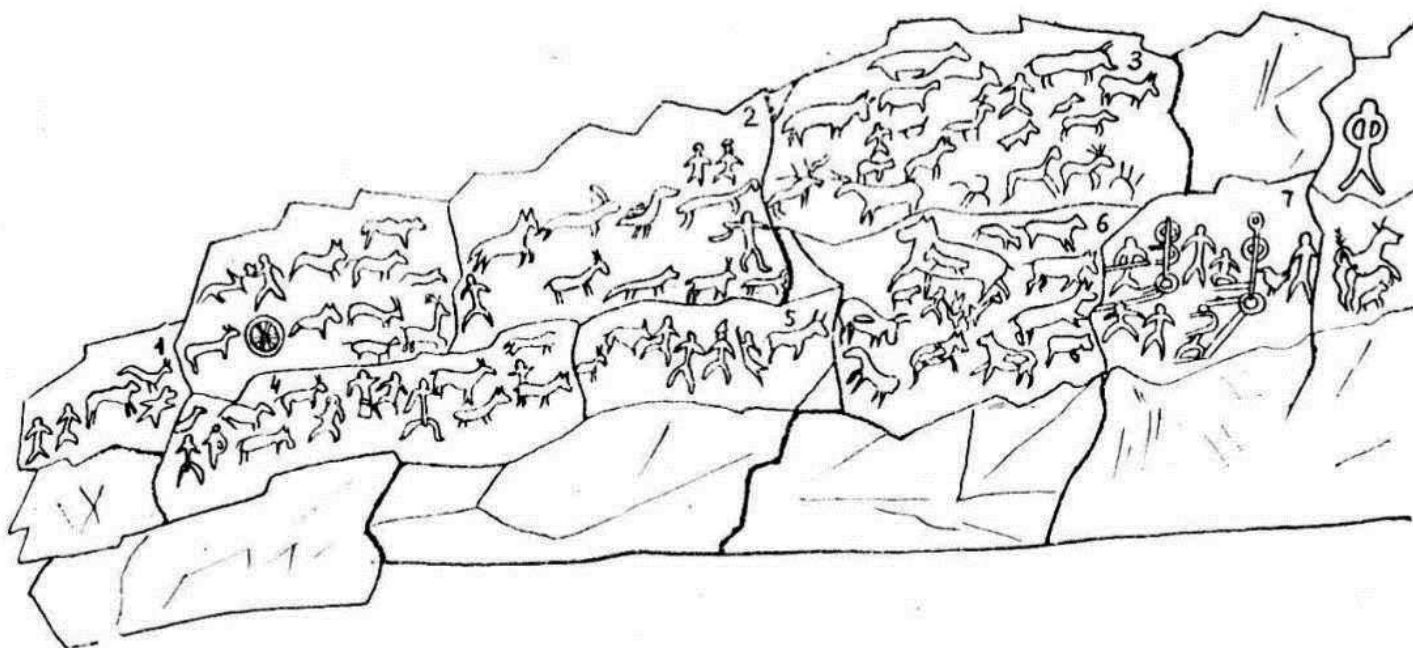

Рис. 12. Майдашинская писаница (Г. И. Спасский).

1, 2, 3 — композиции верхнего яруса; 4, 5, 6, 7 — композиции нижнего яруса.

руками и чуть поодаль ещё две фигурки пляшущих человечков. В пятой композиции наибольшего внимания заслуживает рисунок коленопреклонённого человека с поднятой вверх правой рукой, перед ним — рисунки ещё трёх человек, один из которых выделяется колпакообразным головным убором. Вправо от пятой располагается шестая композиция, содержащая рисунок группы животных с зародышами внутри. Эти две композиции по содержанию своему могут означать, по мнению Г.И. Спасского, обращение людей к божествам о ниспослании им своего благословения (пятая композиция), которое посылается в виде животных с полным чревом (шестая композиция) [14]. В седьмой композиции изображено, по-видимому, божество в окружении людей и символических знаков [15]. Три другие группы писаниц (на горе Тепсей, Оглахтинскую и Потрошиловскую) Г.И. Спасский рассматривал в том же ключе, что и майдашинскую (рис. 13-15). Как видим, попытка такого прочтения с точки зрения современной науки наивна и не выдерживает критики. Идея принадлежности писаниц памятникам письменности разрабатывалась во второй половине XIX в. И.И. Поповым и И.Т. Савенковым. Предположение о комплексном, сложном характере писаниц, содержание которых становится понятным только при сравнении с бытом, религией и мифологией аборигенов Сибири, нашло дальнейшее своё развитие только во второй половине XX в.

Решение проблемы этнической принадлежности памятников оставалось по-прежнему делом сложным, так как слишком незначительными были еще знания по древней истории народов Азии. В силу этого ничего принципиально нового Г.И. Спасский в решение этого вопроса внести не мог. Он заимствовал у П.С. Палласа не только детальное описание памятников, их классификацию, но и гипотезу о переселении народов с востока на запад, которую он пытался обосновать рассуждениями о сходстве изваяний Сибири и Причерноморья. Если П.С. Паллас отождествил древнюю «чудь» с предками угро-финнов, в частности венгров, то Г.И. Спасский, сохранив за курганами название «чудских», но вкладывал в это понятие того смысла, который был близок П.С. Палласу. Для Г.И. Спасского древними обитателями южносибирских просторов были предки гуннов (хунну), переселившиеся затем в приазовские и приднепровские степи, чем и объяснялось поразительное, на его взгляд, сходство памятников, разделенных огромным пространством. «Сей рудоискательный народ» вытеснен был из Сибири монголами и обосновался в Восточной Европе [16].

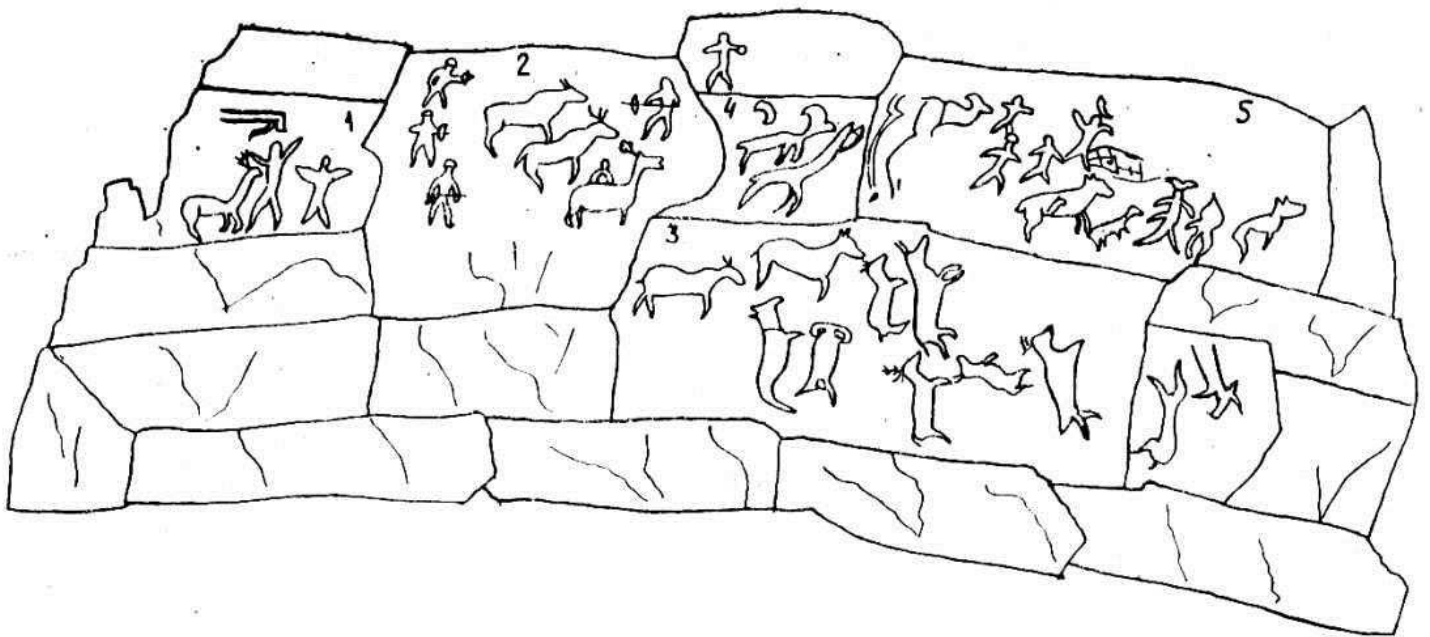

Рис. 13. Потрошиловская писаница (Г. И. Спасский).

1—5 — композиции.

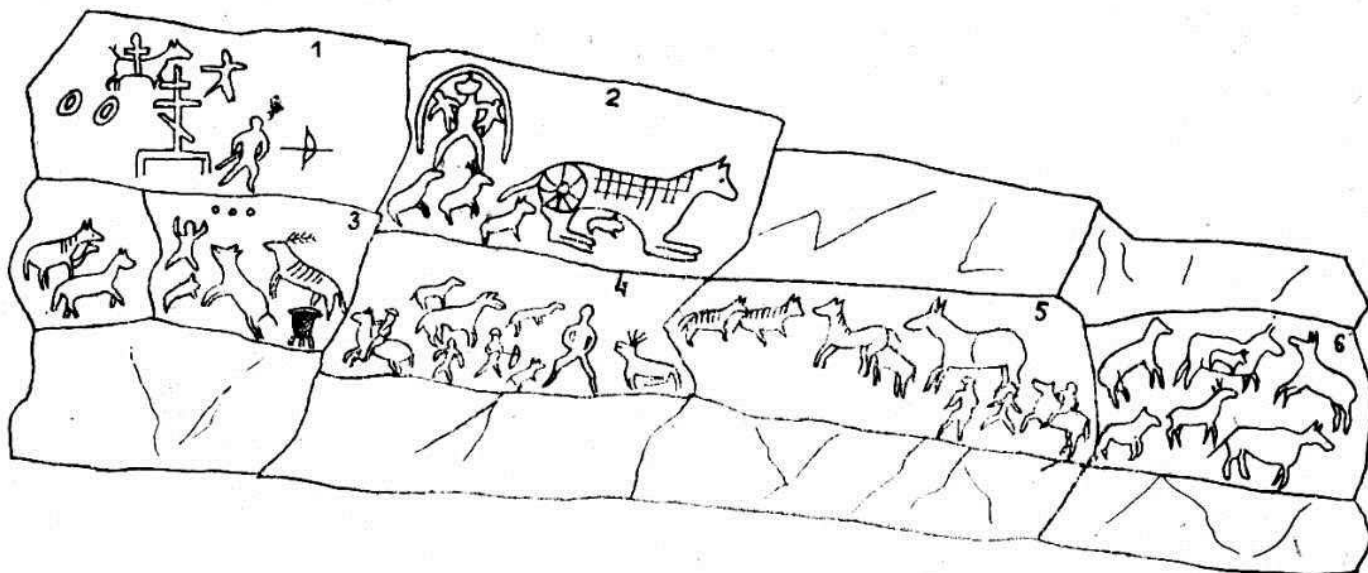

Рис. 14. Оглахтинская писаница (Г. И. Спасский).

1, 2 — композиции верхнего яруса; 3, 4, 5, 6 — композиции нижнего яруса.

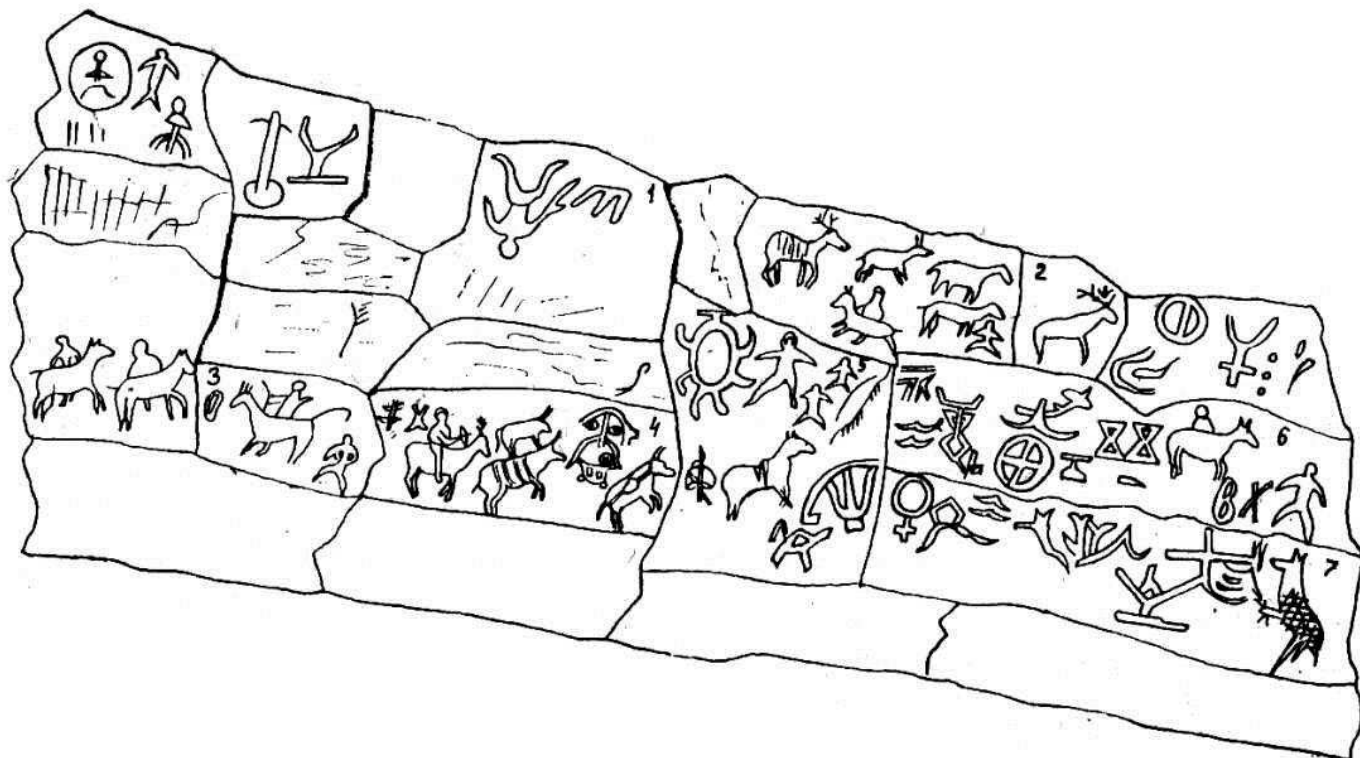

Рис. 15. Тепсейская писаница (Г. И. Спасский).

1 — 7 — композиции двух ярусов.

При окончательном решении проблемы этнической принадлежности Г.И. Спасский считал необходимым исследовать вещи из могил, и в первую очередь человеческие кости. «Если действительно курганы обязаны своим существованием народу монгольского племени, то кому не известны отличительные признаки головы и лица этого народа: узкий и почти четырехугольный лоб, малый и продолговатый прорез для глаз, выдающиеся скуловые кости и остроконечный подбородок» [17].

Если при сопоставлении черепов из могил и внешнего облика каменных изваяний, у которых «почти всегда заметны в лицах монгольские черты», окажется, что они по антропологическому типу одинаковы, то можно определённо делать вывод о принадлежности памятников гуннам. Так, пока гипотетически, Г.И. Спасский решает проблему этнической принадлежности «чуждских курганов» и изваяний. Гораздо сложнее для Г.И. Спасского обстояло дело с выявлением этнической принадлежности наскальных рисунков. Решить его он мог только с помощью логических рассуждений, которые сводились к следующему. Поскольку древними обитателями Южной Сибири были предки гуннов, значит и наскальные рисунки оставлены ими. Это не

противоречило, по мнению исследователя, сообщениям европейских источников о нашествии на Европу гуннов, в которых указано, что в этот период своей истории гунны еще не знали письменности. Поэтому у себя на родине (в Сибири) они пользовались «вещественным» или «олицетворительным способом письма» [18].

Следует отметить, что Г.И. Спасского приводило в некоторое замешательство сходство наскальных рисунков Сибири и Скандинавии. Объяснить это проникновением на север Европы какой-то части гуннских племён было нельзя — слишком невероятным было бы это предположение. После некоторых размышлений он вынужден был обратиться к «чуди» (древние угро-финны) как к наиболее возможному носителю южносибирских традиций в изобразительном творчестве и «рунической письменности», а в силу этого и вполне возможному участнику исторических событий на среднем Енисее.

Вклад Г.И. Спасского в изучение сибирских древностей по тому времени был значительным. Он ввёл в научный оборот массу археологических памятников. Впервые опубликовал Майдашинскую, Тепсейскую, Оглахтинскую и Потрошиловскую писаницы. Непосредственная работа над историческим источником позволила ему выработать ряд методических приёмов, не потерявших своего значения и в наши дни. Первым из исследователей он указал на такой важный исторический источник, как антропологический материал. Г.И. Спасский придерживался прогрессивных для того времени взглядов. Ему не была чужда идея исторического развития, прогресса. Правда, понималась она метафизически, в духе XVIII в. Для него бесспорным было «единство человеческого рода», проявлявшееся в поразительном сходстве памятников материальной и духовной культуры, разделённых порой непреодолимыми преградами (наскальные рисунки Сибири, Северной Америки и Северной Европы). Объяснялось все это, по мнению Г.И. Спасского, сходными природными условиями существования человеческих коллективов, несмотря на резкое отличие нравственных и физических способностей народов [19], «одинаковой степени образованности» и постоянными культурными связями [20].

Из высшего сибирского чиновничества научный интерес к памятникам древности проявил известный в своё время писатель, губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, книга которого «Енисейская губерния» вышла в 1835 г. Многие страницы её были посвящены описанию археологических объектов, в основном среднего Енисея. Достоверность сведений в книге не вызывает сомнений, так как, будучи губернатором, автор много ездил по губернии, видел зафиксированные им памятники, сам не только наблюдал, но и вёл раскопки, хотя научная ценность этих работ очень низка. Однако следует отметить, что сведения А.П. Степанова о памятниках не только не отличаются новизной и оригинальностью, но и во многом уступают тем, что были даны путешественниками в XVIII в. Из всего многообразия курганов он отметил только небольшие плоские курганчики с примыкающими друг к другу оградками из плитняка, а из курганов с вертикально стоящими по углам плитами — плоские и с высокой насыпью [21]. Ценным, так как А.П. Степанов в XIX в. из сибирских археологов первым говорит об этом, является его замечание по поводу того, что памятники, содержащие медный инвентарь, можно считать наиболее древними. К среднему, переходному, периоду он относил курганы со смешанным медным и железным инвентарём. Наличие в могилах только железных изделий, по его мнению, свидетельствовало о самом позднем времени создания памятника [22].

Интересно отношение А.П. Степанова к каменным изваяниям. Он их не считал памятниками, связанными с погребальным культом и с каким-либо из типов курганов, так как созданы они были, по его мнению, современными ему «татарами-идолопоклонниками» для совершения религиозных обрядов охотничьего или скотоводческого культа [23]. Он считал, что на территории среднего Енисея в древности жили, по меньшей мере, два народа. На правом берегу Енисея — киргизы, а на левом — «чудь». Для проверки истинности своих убеждений он предлагал сравнить вещи из могил от Енисея до Балтийского моря, причём из этого процесса должны быть исключены бытовые вещи и предметы военного ремесла, так как у большинства народов на одной и той же стадии развития существовали очень сходные формы. Оригинальными, по его мнению, были предметы религиозного культа. Их идентичность и предлагал определить А.П. Степанов для решения вопроса о древней «чуде» Енисея, оставившей многочисленные курганы и переселившейся впоследствии на запад [24].

В рассуждениях А.П. Степанова довольно отчетливо проступают его методологические и общеисторические принципы. А.П. Степанов видел в археологическом материале ценный исторический источник, способный пролить свет на решение проблем этногенеза. Странник поступательного, стадийного процесса развития общества (медный, медно-железный и железный периоды), А.П. Степанов последовательно отстаивает мысль о том, что одинаковая стадия культурного развития влечёт за собой тождественность форм орудий труда, инструментов, украшений, оружия. В то же время он видит, что народов с абсолютно похожими культурами не существует, каждый из них индивидуален, обладает своими особенностями не только в частных моментах, но и в исторических судьбах. Что-то должно определять эту индивидуальность. И вот этим определяющим, по мнению исследователя, является религиозная практика, делающая народы столь непохожими друг на друга. Идеалистическое мировоззрение мешало А.П. Степанову понять роль материального производства, определявшего поступательное развитие народов, формировавшего не только удивительно похожие вещи в

самых отдаленных районах континента, но и индивидуальный облик, культурные особенности каждого из народов.

Своеобразный вклад в изучение минусинских древностей был сделан М.А. Кастреном, побывавшим в 1847 г. на среднем Енисее и в Саянах. Его экспедиция по своей форме и организации напоминала экспедиции XVIII в. Но по содержанию, т.е. по поставленным задачам и методам их решения, она отличалась от них. Учёный не занимался сбором и обработкой всего, что встречалось ему на пути (от трав до древностей). Будучи узким специалистом, лингвистом и этнографом, он решал проблемы этих наук, и совершенно естествен его интерес только к лингвистическим, фольклорным и этнографическим явлениям севера Евразии. Что касается археологических раскопок, то ими он занимался только на территории Минусинской котловины и то потому, что ему это было предписано, ибо «удовольствие» это, как он писал в одном из писем, для него было слишком дорогим [25].

Путешествуя по Южной Сибири, М.А. Кастрен обследовал долину р. Абакан до рч. Таштып, затем пересёк междуречье Абакана и Енисея, выйдя к последнему у с. Означенного, посетил Саянский острог, откуда направился к селам Шушь и Лугавское, а также в г. Минусинск. В Саяны путешественник проник вдоль р. Тубы. Вернувшись снова в Минусинск, М.А. Кастрен совершил поездку в Уйбатскую степь. На р. Ои раскопал курган, привлёкший его внимание четырёхугольной формой ограды и стоявшей рядом стелой с непонятными знаками. Всего учёный раскопал 14 курганов. Раскопки фиксировались чертежами и описанием.

В ходе раскопок были сделаны интересные наблюдения о детских захоронениях, выявлено их расположение относительно взрослых, впервые определена категория впускных могил. В конце августа 1847 г. М.А. Кастрен вновь возвращается в Минусинск, откуда совершает поездку к горе Оглахты для осмотра писаниц. По пути в г. Красноярск копирует и описывает писаницы у деревень Абакано-Перевозной, Тесь, Улазы, Красный камень, на реках Сисим и Бирюса. Есть упоминания о писаницах у д. Майдаши [26]. Впервые в сибирской археологии надписи и рисунки он копировал выработанным им самим методом — сначала обводил по внутреннему контуру каждый рисунок или знак черной краской, а остальную часть камня покрывал белой, перенося рисунки на прозрачную бумагу [27]. Такой метод позволял получать довольно точные копии с древних рисунков.

М.А. Кастрен, исследуя археологические памятники, в первую очередь пытался выявить связь минусинских древностей с финскими народами. Для этого он использует всю совокупность научных данных, полученных в ходе работ в Сибири, и приходит к неожиданным для того времени выводам, в которых ставит под сомнение не только принадлежность древних памятников «чуди», тождество мифической «чуди» с финскими народами, но и само её существование на среднем Енисее. За время своего путешествия по самым различным районам Евразии, населённым родственными финнам и уграм народами, ему, как пишет М.А. Кастрен, нигде не удалось зафиксировать памятников подобных минусинским. Наоборот, памятники среднего Енисея несут в себе массу чуждых финским народам элементов — четырёхугольная форма оград курганов и могил, сооружение могил из плит в виде каменного ящика, возведение «колоссальных», вверху заострённых могильных камней, напоминавших по форме «изображения божеств сибирских инородцев» [28]. Все эти признаки скорее свидетельствовали о том, что многие древние памятники котловины «большой частью монгольского, киргизского и татарского происхождения... Притом так называемые чудские могилы отнюдь не финского происхождения» [29]. Несмотря на это заключение, М.А. Кастрен не отрицал присутствия в этом районе Сибири протофинских племён. Некоторые археологические данные (череп в одной из раскопанных М.А. Кастреном могил оказался по своему строению европеоидным), топонимы, легенды и сказания указывали, по мнению учёного, на то, что протофинны в определенное время проходили через енисейские степи, оставив после себя совсем незначительное количество памятников, и что прародину их необходимо искать не на Алтае-Саянском нагорье и в прилегающих к нему степях, а гораздо южнее.

В целом работа М.А. Кастрена в Сибири имела выдающееся значение. Гипотеза Ф.И. Страленберга и П.С. Палласа об этногоническом родстве финно-угорских, самодийских, монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов была поставлена на научную основу и превращена в действительно научную теорию.

Выводы М.А. Кастрена, казалось бы, должны были положить конец археологическим исканиям, начало которым было дано П.С. Палласом и А.П. Степановым, но этого не произошло. Мысль исследователей продолжала работать в заданном направлении, и своё окончательное оформление алтае-саянская теория происхождения угро-финских народов получила в исследованиях Э.И. Эйхвальда.

Генезис древнейших чудских (угро-финских) племён происходил, по мнению Э.И. Эйхвальда, на хребтах Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа, откуда они постепенно расселились в соседние районы — Алтай, Саяны и прилегающие к ним степи. Именно здесь окончательно завершилось их формирование, позволившее им затем занять огромные пространства от Енисея на востоке и до Карпат, Черного и Балтийского морей на западе и

северо-западе. «Чудь», т.е. протоугрофинские племена, есть то древнейшее население, оставившее многочисленные памятники в этой части Евразии [30].

Для доказательства своих умозаключений Э.И. Эйхвальд, так же как и П.С. Паллас, взял всего три типа памятников — рудные копи, могилы и «надгробные статуи», считая их, по-видимому, способными дать исчерпывающие данные для решения глобальных этногенетических проблем. И он сумел извлечь из этого материала «необходимые» ему данные. Основное внимание он уделил исследованию древних медных разработок, которые оказались на всей этой огромной территории идентичными, а раз так, значит непременно должны были принадлежать одному народу, которым бесспорно являлась «чудь». Меднолитейное производство, как считал Э.И. Эйхвальд, было основным занятием этого народа и показателем степени его развитости. Народы, не умеющие плавить медь, стояли, по его мнению, на более низкой ступени развития. Как видим, и в этом Э.И. Эйхвальд последовательно идет за П.С. Палласом. Вторым, не вызывавшим у Э.И. Эйхвальда сомнений аргументом в пользу присутствия «чуди» на просторах Евразии являлись каменные изваяния, бывшие, по мнению исследователя, «надгробными статуями». Так же как П.С. Паллас и Г.И. Спасский, Э.И. Эйхвальд считал основным признаком, позволявшим идентифицировать изваяния евразийских степей, наличие сосуда в руках изображённых людей. Он утверждал, что подобного рода сосуды наиболее употребимы были у «чудских народов», так как помимо горного промысла они разводили в большой массе лошадей и делали из кобыльего молока кумыс, который распивался из посуды, аналогичной изображенной на изваяниях. Эти чаши являлись непременным атрибутом любого представителя «чуди», без неё он не мыслил своего существования и снабжал ею даже каменную статую [31].

Погребальные комплексы Э.И. Эйхвальд не рассматривал, считая, по-видимому, вполне достаточными приведённые выше аргументы.

Хронология памятников у него предельно проста. Рудные копи, инструменты из них, каменные изваяния составляют наиболее древний пласт археологических памятников. Могильники же несколько моложе, ибо в них наряду с медными находят и железные предметы (это он повторяет за П.С. Палласом).

Утверждения Э.И. Эйхвальда о широком расселении «чудских» (протофинских) племен явно противоречили известным науке историческим фактам, утверждавшим, что на этой территории в разное время жили многочисленные племена и народы. Зная и понимая сложную ситуацию, в которую он поставил себя, Э.И. Эйхвальд находит очень своеобразный выход из создавшегося положения. По его мнению, упоминаемые Геродотом скифские и сарматские племена, жившие между Дунаем и Уралом, необходимо отождествить: первые с древней «чудью», а вторые с древними славянами. Понятие «скиф», без всякого сомнения, должно быть тождественно понятию «чудь», ибо название скиф было собирательным для многих народов древности. Прошли века, рассуждает далее Э.И. Эйхвальд, единое племя «чуди-скифов» разделилось на многочисленные дочерние племена, каждое со своим самоназванием, имя «чудь» было забыто и сохранилось лишь на севере России [32]. Гунны, населявшие степи и предгорья Сибири, также тождественны, по его мнению, древней «чудии», что легко доказывается наличием на территории их расселения каменных статуй [33]. Э.И. Эйхвальд в конце настолько увлекается, что протофинскими племенами он называет и усунь Средней Азии [34].

Научные построения Э.И. Эйхвальда завершают первый этап развития сибирской археологии в XIX в. Он был последним из исследователей, пытавшихся на предельно незначительном археологическом материале решать действительно глобальные исторические проблемы, и потерпел поражение. Малочисленность исторических фактов создала иллюзию лёгкости решения научных задач, и он не устоял перед искушением решить проблему происхождения угро-финнов, тем более, что примеры широкого охвата исторического материала ему были известны (П.С. Паллас, Г.И. Спасский). В этом плане исследования Э.И. Эйхвальда для 50-х гг. XIX в. были шагом назад, вчерашним днем сибирской археологии, так как наука уже знала примеры поистине скрупулёзных полевых исследований и столь же серьёзного научного анализа добытых данных (М.А. Кастрен). Со всей очевидностью стало ясно, что основной упор необходимо делать на сбор фактического материала, что возможно лишь при широких полевых работах, при систематических и многоплановых раскопках.

(/159)

[1] Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии.— М., 1961, с. 40-41, 42, 44, 48-53, 61-63, 63-70, 76; Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии.— Киев, 1982, с. 57-66.

[2] Мирзоев В.Г. Историография Сибири.— М., 1970, с. 135.

[3] См.: Мирзоев В.Г. Историография Сибири..., с. 133.

[4] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими.— ЗИРГО, 1857, кн. XII, с. 114.

[5] Там же, с. 118. Спасский Г.И. О сибирских древних курганах.— Сибирский вестник, Спб., 1818, ч. 1, с. 31-34.

[6] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках сибирских древностей..., с. 118, 122-123.

[7] Там же, с. 124-125.

- [8] Там же, с. 127.
- [9] Там же.
- [10] Спасский Г.И. О древних сибирских начертаниях и надписях. — Сибирский вестник, Спб., 1818, ч. 1, с. 5-6.
- [11] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских..., с. 135.
- [12] Спасский Г.И. О древних сибирских начертаниях..., с. 5-6.
- [13] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских..., с. 146.
- [14] Эта идея, заключающая в себе мысль о том, что на многих рисунках люди представлены в молитвенных позах, обращённых к верховным божествам с определенной просьбой, и что божество обязательно отвечает на эту просьбу, найдёт своё законченное развитие в исследованиях И.Т. Савенкова.
- [15] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских..., (159/160)с. 147.
- [16] Там же, с. 121-122.
- [17] Там же, с. 128.
- [18] Там же, с. 153-154.
- [19] Спасский Г.И. Древности Сибири. — Сибирский вестник, Спб., 1818, ч. 1, с. 1-2.
- [20] Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских..., с. 155.
- [21] Степанов А.П. Енисейская губерния, ч. 2. — Спб., 1835, с. 124, 128, 132.
- [22] Там же, с. 130.
- [23] Там же, с. 129.
- [24] Там же, с. 125-126.
- [25] Путешествие М.А. Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844—1848). — В кн.: Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. Магазин земледелия и путешествий. Географический сборник. М., 1860, т. III, с. 412.
- [26] Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 104-107.
- [27] Путешествие М.А. Кастрена..., с. 406.
- [28] Там же, с. 374.
- [29] Там же, с. 415-416.
- [30] Эйхвальд Э.И. О чудских конях. — Тр. ВОИРАО, Спб., 1858, ч. 3, с. 1-4.
- [31] Там же, с. 4, 12, 32, 37-38.
- [32] Там же, с. 34-35.
- [33] Там же, с. 30-31.
- [34] Там же, с. 100.

Глава III. Археология Южной Сибири второй половины XIX в. — начала XX в.

В середине и во второй половине XIX в. археологические исследования в России оживляются. Растет число раскопанных памятников и их публикаций, появляются обобщающие работы. Основными направлениями в русской археологии остаются классическое и средневековое. Но постепенно зарождается интерес к памятникам первобытной истории. Ведущая роль в этом процессе принадлежит К.М. Бэру, выступившему в октябре 1859 г. в Русском Географическом обществе с докладом «О древнейших обитателях Европы», где он постарался познакомить научную общественность с основными достижениями первобытной археологии в Европе, а также предложил программу исследований каменного и бронзового веков в России. Но практическая сторона дела развивалась медленно. Вплоть до конца XIX в. раскопки памятников этих эпох носили эпизодический характер. Центральные научные учреждения — Археологическая комиссия и Археологическое общество — были равнодушны к первобытным древностям. Официальная русская археология и зарождающаяся первобытная имели слишком глубокие идеологические и политические расхождения. Сказывалось чисто естественноведческое направление поисков, а также то, что первобытная археология в основе своей складывалась в годы демократического движения 60-х гг. и ею занимались в основном последователи Д.И. Писарева, считавшие естествознание и его эволюционное учение лучшим инструментом в борьбе материализма с обскурантизмом. На первых порах в их деятельности ярко прослеживается тенденция отрыва первобытной археологии от истории, в которой преобладали идеалистические концепции исторического развития. [1]

В конце XIX — начале XX в. намечаются некоторые позитивные сдвиги в отношениях между основными направлениями в русской археологии, с одной стороны, и между историей и археологией — с другой. Начало этому было положено ещё А.С. Уваровым, объединившим изучение первобытных, античных и средневековых древностей. Определённый синтез прослеживался в работах Д.Я. Самоквасова, И.Е. Забелина, А.А. Спицына и В.А. Городцова. К этому же времени окончательно оформляются взгляды исследователей на задачи археологии. Они сводились к описанию памятников, установлению их хронологии и происхождения, прослеживанию судеб носителей культуры, которая рассматривалась как совокупность типологически сходных памятников, рассредоточенных на определённой территории.

Методологической основой исследований в области археологии становится эволюционизм. Прогрессивное по тому времени направление в научных поисках, оно было впервые использовано в объяснении развития человеческого общества Э. Тейлором и Л. Морганом. Основополагающие идеи эволюционизма о единстве и закономерности развития органического мира от низших форм к высшим были перенесены на общественные процессы. Доминирующей становится идея непрерывного прогрессивного развития человечества от первобытного состояния до современности. Будучи стихийными материалистами, эволюционисты не всегда были последовательны в объяснении движущих сил развития общества. Признавая в развитии культуры элементы саморазвития, обусловленные внутренними тенденциями, они в общем стояли на идеалистических позициях: структурные подразделения общества развивались под влиянием «идей» семьи, брака, родства и т.п. Сказываются, конечно, не только стихийность материалистического в общем мировоззрения, но и механицизм в перенесении основных идей эволюционизма на исторический процесс.

Археологи-эволюционисты выработали ряд прогрессивных положений о развитии культуры. В первую очередь, необходимо упомянуть идею возможности конвергентного возникновения и дальнейшего развития культурных явлений. Признание человека в качестве компонента окружающей его природы и её истории толкало археологов на связь с естественными науками — геологией, географией, палеозоологией, палеоботаникой и антропологией, что естественно приводило к заимствованию методов исследования. Так появляются в археологии типологический метод классификации по формальным признакам, систематика, стратиграфия.

Основные теоретические разработки, связанные с эволюционизмом в русской археологии, были сделаны В.А. Городцовым. По его представлениям, археология — наука с определённо заданной системой взаимосвязанных компонентов. Её источники точно отражают закономерности общественного развития, свидетельствующие о тенденциях прогресса и ускорения темпов. В.А. Городцов указывал на необходимость выявления генетической преемственности к развитию культур, а также признавал для поздних этапов человеческого общества неравномерность темпов развития культур в различных регионах.

В области решения конкретных задач русской археологии бесценным для того времени является вклад В.А. Городцова в разработку вопросов хронологической классификации каменного и бронзового веков, в основу которой была положена идея вертикальной хронологической схемы развития культур, взаимоотношения между которыми жёстко детерминированы. Ярким тому примером служит схема развития бронзовых культур: ямной, катакомбной и срубной. [2] Процессы, происходившие в русской археологии во второй половине XIX — начале XX в., неизбежно отразились и в сибирской.

Во второй половине XIX в. в сибирской археологии происходят существенные сдвиги. В это время культурная и общественная жизнь Сибири претерпевает значительные изменения, которые, прежде всего, связаны были с притоком массы политических ссыльных, состоявшей из революционных демократов и народников, активно включившихся в общественную и в основном научную жизнь края. Это способствовало более интенсивному внедрению прогрессивных для того времени мировоззренческих идей, связанных с эволюционизмом, что обусловило развитие сибирской археологии в одном направлении с общерусской.

На смену учёным-путешественникам приходят люди различных наклонностей и общеобразовательной подготовки, но без должных профессиональных навыков, что, естественно, накладывало отпечаток на характер и результаты исследований. Археология становится уделом любителей, одни из которых (Д.А. Клеменц и И.Т. Савенков) смогли сформироваться в подлинных учёных, другие же (А.В. Адрианов, И.П. Кузнецов-Красноярский и др.) так и остались любителями, ведущими исследования на уровне краеведов. Наряду с любителями-археологами в Южной Сибири работали и учёные-профессионалы (В.В. Радлов и И.Р. Аспелин), деятельность которых, особенно И.Р. Аспелина, отличалась высоким уровнем профессионализма. Значение исследований как тех, так и других было велико, ибо в их процессе росло понимание необходимости осуществления планомерных систематических раскопок, позволявших получать аутентичный исторический материал и соответствующим образом решать стоящие перед наукой задачи. Следует отметить, что основная масса

учёных понимала всю важность стоящих перед ними задач и свою деятельность пыталась организовать так, чтобы она носила конкретный, целенаправленный характер.

Основной задачей исследований в этот период остается задача хронологической классификации памятников, размещения их в генетически последовательный ряд развития культур на территории Южной Сибири. Следует сразу сказать, что проблема эта и на данном этапе развития археологии не будет решена. В русской археологии соответствующая схема развития культур была создана в начале XX в. В.А. Городцовым, идеи которого оказали решающее влияние на решение проблемы лишь в 20-е гг.

В 60-е гг. XIX в. в сибирской археологии на смену произвольным умозрительным историческим построениям приходит трезвое понимание необходимости сбора и накопления археологических фактов, их анализа, пусть скромного и не так далеко идущего, но непременно связанного с конкретными группами памятников. Начало нового этапа в археологии Сибири связано с деятельностью В.В. Радлова, который не только произвёл первые массовые раскопки в Южной Сибири, но и сделал широкие теоретические обобщения археологического материала в сопоставлении с лингвистическими и этнографическими данными. Это позволило ему вслед за Г.Ф. Миллером и А.П. Степановым, но уже основываясь на конкретном материале, выделить основные этапы в развитии древних народов Сибири в бронзовый и железный периоды их истории. Этим он указал пути дальнейшего изучения прошлого края, накопления и теоретического осмысления материала.

Деятельность В.В. Радлова не ограничивалась раскопками и лингвистическим и этнографическим изучением тюркских народов. По заданию Археологической комиссии он осуществляет издание «Сибирских древностей», в которых нашли отражение результаты не только его собственных работ в Южной Сибири, но и учёных XVIII в. В основу каталога древностей легли коллекция, собранная на среднем Енисее И.А. Лопатиным, и археологическая карта, составленная Д.А. Клеменцом. Будучи учёным широкого научного диапазона, В.В. Радлов был, тем не менее, представителем официальной историографии, для которого прошлое Сибири характеризовалось прогрессирующим упадком культуры её народов, происшедшим вследствие постоянного «брожения» племён, истреблявших друг друга в беспрерывных войнах. Объединение различных племён и народностей под эгидой царской России сыграло, по его мнению, положительную роль и явилось «огромным шагом вперёд». [3]

Исключительная заслуга в изучении Минусинской котловины принадлежит Н.М. Мартьянову и основанному им в 1877 г. музею, который в дореволюционное время стал действительной археологической сокровищницей края с общерусской и международной известностью. Сам Н.М. Мартьянов раскопками не занимался, но сумел создать в глухой провинции идеальные по тому времени условия для сбора археологической коллекции и, самое, пожалуй, главное, сумел сплотить вокруг музея плеяду талантливых любителей-археологов, деятельность которых принесла музею мировую славу (Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов, И.П. Кузнецов-Красноярский, И.С. Боголюбский, И.А. Лопатин, И.Т. Савенков).

Помимо археологов, занимавшихся исследованиями котловины постоянно на протяжении нескольких десятилетий, были археологи-любители, работавшие небольшой промежуток времени, но тем не менее оставившие заметный след в изучении памятников среднего Енисея. В этой связи следует отметить И.А. Лопатина и И.С. Боголюбского.

И.А. Лопатин в 1870 г. вышел в отставку и поселился в Красноярске. На свои деньги вёл раскопки курганов на Абакане и Тубе и собирал коллекцию, которая легла в основу каталога сибирских древностей В.В. Радлова. В 1906 г. И.А. Лопатин передал её безвозмездно историческому музею. [4]

И.С. Боголюбский, будучи горным инженером, много ездил по Минусинской котловине и свою археологическую деятельность начал со сбора коллекции древних вещей. В 1881-1887 гг. он вёл раскопки курганов. По его заданию художник Станкевич копировал надписи со стел, хранившихся в Минусинском музее. Но заслуга И.С. Боголюбского как любителя-археолога заключается не в этом. Совершая многочисленные поездки по котловине по служебным делам, он видел процесс варварского уничтожения памятников, в особенности изваяний и наскальных рисунков. Его неоднократные и

красноречивые описания разрушений в конце концов возымели действие. [5] Археологическая комиссия и столичные археологические общества стали субсидировать работы на среднем Енисее. Комиссия взяла под свой контроль раскопки курганов (Д.А. Клеменц и А.В. Адрианов), а Московское археологическое общество — копирование изваяний и рисунков с курганных камней и скал (А.В. Адрианов). В результате деятельности учёных-профессионалов и археологов-любителей сибирская археология получила значительный массовый материал, сделала некоторые теоретические обобщения, наметила связи с этнографией, лингвистикой и историей.

В 1863 г. в Южной Сибири работала академическая экспедиция, возглавляемая В.В. Радловым. Он был первым в Сибири археологом, который производил массовые раскопки памятников, понимая, что без этого решение стоящих перед наукой задач является делом безнадёжным. Занятия лингвистикой и этнографией тюркских народов подготовили В.В. Радлова к работе с археологическим материалом, в котором он намеревался найти ответы на вопросы, связанные с происхождением тюркских народов. Понимая ограниченные пока возможности археологии как науки, В.В. Радлов поставил перед своей экспедицией скромные задачи — исследование курганов и инвентаря для выявления специфики южносибирских памятников и границ их распространения с тем, чтобы сопоставить их впоследствии с границами расселения тех или иных народов.

Совершив путешествие по Алтаю, учёный проник в Минусинскую котловину по р. Абакану, в системе которого раскопал более ста курганов. После этого он проделал по Енисею маршрут до г. Красноярска, откуда через г. Ачинск вернулся в котловину в районе оз. Большого. В месте слияния Белого и Чёрного Июсов раскопал 20 курганов бронзовой и железной эпох. Помимо раскопок В.В. Радлов осматривал писаницы, изваяния, копировал рунические надписи. В ходе проделанных работ, он пришел к выводу, что ареал распространения памятников минусинского типа невелик — севернее района слияния Июсов их нет, на западе естественной границей являются отроги Кузнецкого Алатау, на юге — рч. Тёя.

На Алтае В.В. Радлов вёл археологические работы. В 1865 г. были произведены раскопки двух больших курганов: один — в Катанде, другой — в бассейне верхнего течения р. Бухтармы, па Берели. Это были первые научные раскопки в горах Алтая. В курганах были обнаружены наряду с бытовыми предметами различные украшения, вырезанные из дерева и известные уже по сборам И.К. Фролова.

В.В. Радлов первым из исследователей сибирских древностей, после Г.Ф. Миллера, пытается определить, основываясь на данных, полученных в результате раскопок, культурно-исторические этапы в развитии материальной культуры древних аборигенов Сибири. Он выделил четыре хронологические эпохи, увязав их с определенными типами памятников и географическими районами Сибири. К первому, медному или бронзовому, этапу он отнёс все погребальные комплексы долины Енисея и Алтая; ко второму, древнейшему железному, периоду, по его мнению, принадлежали курганы с насыпями из камней в Уйменской степи, на Бухтарме. Маленькие курганчики в Абаканской степи, «киргизские могилы», принадлежали новому железному периоду, и самыми поздними в Сибири, по мнению В.В. Радлова, были курганы в Чердате. [6]

Учёный не ограничился выделением этапов в древней истории Южной Сибири. Он попытался дать, насколько это было возможно, исчерпывающую характеристику бронзовой эпохе, начав с элементарного — с классификации памятников и их характеристики. Всю совокупность курганов он разбил на шесть типов: 1. Небольшие курганы с плоской холмообразной насыпью из земли и квадратной оградкой из плит с небольшими камнями по углам. Этот тип памятников характерен для района устья р. Аскыз. 2. Курганы с более высокой земляной насыпью и прямоугольной оградой из камней значительных размеров. 3. Памятники с прямоугольной оградой из 10 каменных плит, расположенных четыре по углам, по одному на коротких сторонах и по две на длинных. Многие из этих курганов у восточной длинной стороны, несколько поодаль от неё, имеют по два вертикально стоящих камня. Встречаются курганы, имеющие подобное сооружение с западной стороны. Эти сооружения из двух камней, по мнению В.В. Радлова, служили местом жертвоприношений. 4. Могилы с прямоугольными оградками, примыкающими друг к другу и не имеющими внутри их насыпи, расположены группами от 10 до 25, иногда по 3 в ряд. 5. Круглые плоские курганы с оградой из плит,

поставленных по кругу. 6. Курганы с круглой каменной насыпью, сгруппированные попарно так, что каждая пара составила продолговатую насыпь. [7]

Как видим, классификация В.В. Радлова основана на чисто внешних признаках надмогильных сооружений и не отражает последовательности в развитии этих сооружений. Он и не ставил перед собой задачи по выявлению преемственности в развитии курганов, так как представлял бронзовую эпоху на Енисее единой и хронологически нерасчленённой, для которой характерна сложившаяся высокоразвитая материальная культура. Многообразие же памятников отражало какие-то иные особенности культуры, но только не этапы её развития. Это представление о культуре бронзовой эпохи Минусинской котловины утвердилось в сибирской археологии после В.В. Радлова и просуществовало до С.А. Теплоухова.

В.В. Радлов не ограничивается простой констатацией типов курганов, он приводит также некоторые свои интересные наблюдения о конструкции могил и их расположении под курганной насыпью. Так, под насыпями курганов третьего типа средние камни длинных сторон приходятся как раз на края могильной ямы, длинные стороны которой постоянно соотносятся с короткими сторонами внешней ограды. Могила перекрывалась или слоем дерева, или несколькими плитами; дно же утрамбовывалось или устилалось плитками. Костяки в основном лежали головой на восток. Под насыпью курганов второго типа обычно находилась одна могила с количеством погребённых от 1 до 5 человек. Сведения, казалось бы, на первый взгляд незначительные, но достоверные, и в этом их ценность, так как получены они в ходе раскопок, а не из уст «бугровщиков». Постепенно эти данные будут пополняться новыми раскопками, пока, наконец, не сложатся в полную картину конструкции погребальных комплексов.

Характеристику инвентаря исследователь дал в совокупности и по функциональной принадлежности: оружие, орудия труда, посуда, предметы роскоши, атрибуты конской сбруи. К оружию он отнёс кинжалы, наконечника копий и стрел. Среди последних преобладали костяные. Наконечники копий он разделил на два типа — сердцевидные и ланцетовидные. К орудиям труда он отнёс ножи, молоты, резцы, серны, топоры, шилья, иглы. Кельты же, по его мнению, были предметами двойного назначения — они могли использоваться и как инструмент, и как оружие. Широко распространённым инструментом были молоты (клевцы и чеканы по современной терминологии), которые также могли использоваться в военном деле, а миниатюрные их формы служили предметами роскоши. Посуда представлена медными котлами и глиняными сосудами, орнаментированными только в верхней части параллельными линиями, треугольниками. К предметам роскоши, по мнению В.В. Радлова, относились «серьги», зеркала, пуговицы, пряжки, изображения животных из бронзы, браслеты, а к атрибутам конской сбруи — стремяна и псалии. Металлические изделия имели разнообразную орнаментацию, основными элементами которой являлись «зубья», фестоны, сетка, геометрические фигуры, спирали, а также изображения животных. [8]

Следует отметить, что классифицированные, описанные и отнесенные к бронзовой эпохе В.В. Радловым памятники, по современным представлениям, характеризуют финальный этап бронзового века (карасукская культура) и железный век (тагарская и таштыкская культуры). Причем в его типологических рядах вещей ранние памятники (карасукские) оказываются более поздними, по сравнению с тагарскими. Подобного рода ошибки в то время были неизбежны, так как предметы классифицировались по принципу от простого к сложному. Карасукские вещи имели более сложные и разнообразные орнаментальные мотивы, в том числе и звериную пластику, что позволило В.В. Радлову отнести их к позднему этапу бронзовой культуры среднего Енисея.

Заслуживающими внимания исследователей оказались В.В. Радлову наскальные рисунки, смысл изображений которых не поддавался расшифровке. Но для него было ясно — не для «праздной забавы» высекались они на скале. Ученому удалось установить, что основная масса рисунков выбита ударами острого и твёрдого орудия с применением однообразной техники, что позволило ему отнести их к бронзовой эпохе. [9]

В.В. Радлову удалось в общих чертах восстановить структуру хозяйства населения бронзовой эпохи, в основе которого лежала металлургия меди. Она же в конечном итоге определяла и степень развитости всего общества. Бронзолитейное производство было, по мнению В.В. Радлова, на высоком уровне, о

чем свидетельствовали многочисленные находки металлического инвентаря и анализ бронз, проведенный Фалленбергом. [10] Повсеместные находки серпов и лишь крайне редко встречавшиеся принадлежности конской сбруи указывали на преимущественное развитие земледелия, к тому же орошаемого. Лошади, овцы, козы, по-видимому, были известны, разведение же крупного рогатого скота, считал В.В. Радлов, доказать пока трудно. Подспорьем служила охота. [11] Подводя итоги размышлениям об уровне развития населения бронзовой эпохи Южной Сибири и его материального производства, В.В. Радлов отметил высокий уровень, обусловленный географическим положением котловины, имевшей все условия для успешного самостоятельного развития культуры, которая проникла сюда, по-видимому, с юга. В комплексе материальная культура носит единый характер, позволяющий говорить об одном её носителе и создателе, испытывавшем, правда, в разное время влияние китайцев, иранцев, финских народов Урала. На первой стадии своей работы с материалом В.В. Радлов склонялся к мысли, что носителем этой культуры могла быть какая-то угро-финская или угро-самодийская группа племён. [12] Затем он отказался от этого предположения, так как в китайских источниках ему не удалось обнаружить и намёка на существование в прошлом в Южной Сибири подобных народов. В летописях он нашёл подходящий народ, который, как ему казалось, мог бы населять Минусинскую котловину в эпоху бронзы. Таким народом были «била» (челочи), занимавшиеся земледелием, разведением лошадей, но верхом на них не ездившие, жившие в бревенчатых домах, носившие берестяные головные уборы и имевшие голубые глаза и рыжие волосы. Такие выводы подтверждались рисунками людей и их поселков на скалах. Но всё это не совсем удовлетворяло В.В. Радлова, так как «била» был народом всё-таки легендарным. Необходимо, считал он, знать реально существовавшие племена. И В.В. Радлов останавливает свой выбор на «древних енисейцах», немногочисленные остатки которых сохранялись еще во второй половине XIX в. на среднем Енисее, — ассаны, арины, сагайцы, котты, язык которых не принадлежал к урало-алтайской семье. Как известно было из летописей, у «била» язык также не был похож на языки соседних народов, что позволило В.В. Радлову отождествить их с «древними енисейцами» и таким образом, хотя бы гипотетично решить вопрос о носителях бронзовой культуры среднего Енисея. [13]

В начале 70-х гг. минусинскими древностями заинтересовался учитель Иркутской гимназии Н.И. Попов, который по заданию Географического общества должен был заняться исследованием наскальных рисунков. Он тщательно подготовился к экспедициям, прочитав всё, что было написано о сибирских древностях. Но экспедиция не состоялась из-за отсутствия средств. Известно лишь, что Н.И. Попов всё-таки совершил поездку в Минусинскую котловину и раскопал там несколько могил. Проработка же литературы дала ему возможность написать несколько очерков об археологических памятниках среднего Енисея, анализ которых позволил сделать ряд интересных замечаний. Так, говоря о курганных насыпях, Н.И. Попов указал на их культовое назначение. Будучи монументальным памятником умершим, насыпи, с одной стороны, имели непосредственную связь с погребальным культом и, по-видимому, с культом предков. С другой стороны, по предположению Н.И. Попова, они могли служить местом отправления разного рода обрядов, доказательством чего служат сохранившиеся обычаи совершать «моления» на курганах или специально сооруженных для этого насыпях с зарытыми под ними священными амулетами. Всё это ведет своё начало из глубокой древности Азии, являвшейся колыбелью религиозных культов её народов. [14]

В отличие от В.В. Радлова Н.И. Попов не считал курганы бронзовой эпохи одновременными. «Каменные могилы» (курганы с преобладанием в насыпи камней), по его мнению, более ранние, чем могилы с земляной насыпью, так как в первых встречаются исключительно медный и бронзовый инвентарь и кости крайне плохой сохранности. Незначительные же остатки украшений конской сбруи из железа с серебряной или золотой насечкой свидетельствуют о заимствованиях этих изделий у более развитых народов. В «земляных курганах» также преобладают бронзовые инструменты и оружие, но встречающиеся среди них железные, повторяющие форму бронзовых, остатки деревянной посуды и срубов вдоль стенок могилы — всё это доказывает более позднее происхождение этого типа курганов.

Трупосожжение, зафиксированное в свое время И.Г. Гмелиным в «каменных курганах», а П.С. Палласом в «земляных», как отметил Н.И. Попов, существовало в обоих типах курганов. Неточность в сведениях своих предшественников он объяснял тем, что создатели «каменных курганов» часто простое захоронение заменяли сожжением трупа, а в «земляных курганах» трупосожжение применялось в исключительных случаях, о чём свидетельствовало довольно редкое его применение.

Н.И. Попов предостерегал от преждевременных выводов, но считал, что каждый случай обнаружения трупосожжения необходимо тщательно проверять, ибо его легко можно принять за сожжение жертвенной пищи, так как обычай этот присущ был многим древним народам. [15]

Заинтересовало Н.И. Попова и сообщение П.С. Палласа о находках «бугровщиками» раскрашенных человеческих черепов (гипсовые маски). Н.И. Попов располагал уже данными о раскопках Армстронгом курганов у Семипалатинска, где были обнаружены череп быка с тёмно-фиолетовым рисунком и череп человека с крестообразным рисунком из четырёх удлинённых древесных листьев, раскрашенных белой, зелёной, жёлтой и алой красками. Сопоставив всё это с сообщением П.С. Палласа, Н.И. Попов решил, что эти находки свидетельствуют о существовании в Южной Сибири буддизма, ряд обрядов которого связан с использованием черепов животных и человека. [16]

Интересными оказались мысли Н.И. Попова относительно курганных камней с рисунками, которые, по его определению, были составной частью погребального комплекса, являясь памятником умершему. Рисунки указывали на определённые достоинства похороненных людей и важные события в их жизни. Скульптуры же животных есть не что иное, как воплощение божеств-покровителей скотоводства. Наличие подобных памятников, указывал Н.И. Попов, свидетельствовало о господстве фетишизма в религии древних обитателей котловины. Бесспорным доказательством этого являются свидетельства эпических сказаний «минусинских татар», в которых сохранились представления о камне как вещи, наделённой душой и способной говорить и превращаться в живые существа и при содействии верховного божества оказывать помощь людям. Этими же представлениями обусловлено было почитание определённых скал и нанесение на них рисунков. [17]

Ссылаясь на работу Тейлора («Доисторический быт человечества»), где говорится, что у многих народов изображение перевёрнутой вниз головой фигуры человека, животного, птицы выражает идею смерти, Н.И. Попов утверждает, что вкопанное вниз головой изваяние в устье р. Есь не случайно так стоит, ибо является воплощением той самой идеи смерти и обязательно должно быть связано с погребальным комплексом. [18]

Как уже отмечалось, Н.И. Попов серьёзно готовился к работе с наскальными рисунками. Он изучил копии с писаниц, сделанные Л.Ф. Титовым в сороковые годы. Часть из них — Майдашинская, Тепсейская, Оглахтинская, Потрошиловская — были изданы Г.И. Спасским; другие же — Печищенская (ул. Ст. Печище на Чёрном Ююсе), Караульная (Караульный острог), Трифоновская (д. Трифоново), Сисимская (р. Сисим), Копёнская, Изыхская, Арбатская — впервые введены были в научный оборот Н.И. Поповым. Не все из них, как он считал, были созданы одним народом. Так, Печищенская (Сулекская) по сравнению с другими более молода, на что, по его мнению, указывают более совершенный рисунок и хорошая сохранность выбивки. Рисунки же верблюдов и тигров свидетельствовали о южном происхождении её создателей. Изображения, выполненные красной краской, созданы, по мнению Н.И. Попова, современными сибирскими народами (точка зрения, близкая к воззрениям Г.Ф. Миллера). [19]

В оценке функционального назначения наскальных рисунков Н.И. Попов являлся последователем Ф.И. Страленберга и Г.И. Спасского. Он считал их памятниками письма, отражавшими поступательное его развитие. Письменность, по его представлениям, на среднем Енисее развивались по общим законам, присущим её развитию вообще в истории человечества, и прошла основные стадии фигурного (изобразительного), символического (иероглифического) и фонетического (рунического) письма. Фигурное письмо представлено большинством писаниц среднего Енисея. Ему было свойственно натуралистическое изображение предметов и животных. Этот тип письма был неудобен тем, что был доступен ограниченному кругу людей. Путем стилизации рисунков и добавления знаков, указывающих на взаимосвязь изображённых вещей и персонажей, постепенно формируется иероглифическое письмо (Копёнская, Изыхская, Арбатская писаницы), из которого затем сформировалось фонетическое. [20] И хотя енисейская письменность прошла все основные стадии развития письма, как полагал Н.И. Попов, в ней отсутствуют промежуточные стадии развития, указывающие на генетическую преемственность между фигурной, иероглифической и фонетической системами. Объяснялось это, по мнению исследователя, или влиянием более развитых соседних азиатских народов, или же неумением исследователей правильно понимать сохранившиеся памятники письменности. Н.И. Попов прав в том,

что между различными типами наскальных рисунков связь действительно не улавливается, ибо не были они всё-таки остатками древней письменности.

Как уже указывалось, наиболее древней системой письма на Енисее Н.И. Попов считал фигурное, составные части которого в отдельности более или менее понятны для восприятия, но в совокупности, в комплексе понимание и прочтение их почти невозможны в силу сложности сопоставлений изображённых сцен с бытом современных аборигенов. Но даже, если бы, рассуждает далее Н.И. Попов, быт тех и других был похожим, одного сопоставления совершенно недостаточно. Необходимо знание символического смысла изображений животных и предметов. Например, у хакасов мышь, корова, тигр, заяц, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья олицетворяли определённые месяцы. Так и в древности то или иное животное или предмет вполне определенно могли быть наделены магическими свойствами, а их рисунки имели символическое значение. Познание всего этого сопряжено с огромными трудностями, так как остатки подобных представлений слишком фрагментарны, чтобы можно было быстро, собрав всё, восстановить утраченное. И Н.И. Попов вслед за Г.И. Спасским предлагает пока простое «прочтение» памятника, беря в комплексе все его элементы. Для примера он взял два изваяния с р. Аскыз. Первое, на плоскостях которого выбиты рисунки верблюдов, лошади, ребёнка или мужчины, олицетворяло, по его мнению, княжну или княгиню, владевшую стадами лошадей и верблюдов, умершую в год лошади и оставившую мужа или сына.

Подобным же образом Н.И. Попов предлагает понять мужское изваяние, на котором есть рисунки древка со значком, лука со стрелой, всадника со знаменем, пешего с огромным луком и птицей, похожей на курицу. Статуя мужчины является памятником отличному воину, на что указывают знамя и лук со стрелой, который погиб от стрелы противника в год курицы. [21] В данном случае Н.И. Попов лишь повторяет попытки Г.И. Спасского понять «сокровенный смысл» изображённого, не пытаясь дать более глубокий и тщательный анализ археологических и этнографических данных. Последние необходимо было ещё найти, нужно выбрать и только тогда пытаться интерпретировать. Но методика исторического сравнения ещё только зарождалась, и поэтому выводы исследователя страдали необоснованностью и поверхностностью. Попытка Н.И. Попова, так же как и Г.И. Спасского, рассматривать памятник в единстве всех его элементов с привлечением данных этнографии плодотворна и, к сожалению, далеко не в каждом археологе нашла она своего последователя не только во второй половине XIX в., но и в XX в.

В научной литературе середины XIX в. исследователи пытались объяснить удивительное сходство сибирских наскальных рисунков с подобными же североамериканскими, а также чисто внешнее сходство первых двух систем енисейского письма с древнеегипетским. В ходе обсуждения сложилось следующее мнение: подобное явление — результат родственных связей народов Старого и Нового Света. Америка сначала была заселена переселенцами из Северной Азии, часть которых впоследствии вернулась через Атлантиду, поселившись в Северной Африке, создав древнеегипетскую цивилизацию. Н.И. Попов предложил более близкое к истине решение проблемы: «...сходство здешних (ср. Енисей) иероглифов с египетскими в одной системе письма, в идее только, а не в отдельных знаках, не в деталях, — сходство, обусловливаемое одинаковой степенью (уровнем. — Ю.Б.) развития и одинаковыми его законами у всех народов. Не отрицаем, что два народа, живущие на разных концах земли и употребляющие независимо друг от друга одинаковое письмо, бывают современниками: случайное совпадение существования их по времени, возможно, и бывает; утверждаем только, что этого одного сходства нельзя принимать за основание при определении времени происхождения и употребления этих письмен». [22] Очень ценно в методическом отношении замечание Н.И. Попова, предостерегавшего исследователей от необдуманных сравнений и в силу этого ненаучных последующих выводов.

В силу этого неправомерным, по мнению Н.И. Попова, будет стремление сблизить во времени «енисейскую письменность» с другими аналогичными системами письма древних народов, ибо независимо друг от друга они могли писать в разное время подобными знаками, так как определяющими в формировании идентичных явлений являлись не переселения и заимствования у более развитых народов, а одинаковая степень развития, условия жизни, одинаковые человеческие потребности. [23] Надо отдать должное Н.И. Попову в том, что в период господства в археологии

теории переселений и заимствований он сумел противостоять ее натиску и высказать самостоятельные суждения о внутренних процессах, определявших развитие общества.

Разносторонне яркой и плодотворной была деятельность Д.А. Клеменца по исследованию Минусинской котловины. Оказавшись в январе 1882 г. в Минусинске в качестве политического ссыльного, он с присущей ему напористостью отдаёт всего себя научному изучению края. Следует отметить, что он оставил заметный след в исследованиях по геологии, минералогии, этнографии и археологии края. С первых месяцев своего пребывания в Минусинске Д.А. Клеменц начинает сотрудничать с Н.М. Мартьяновым, взяв на себя работу по описанию коллекций Минусинского музея. С 1885 г. эта работа носит целенаправленный характер и выливается в итоге в каталог древностей Минусинской котловины. [24] Но его постоянно влечет практическая полевая работа. В 1883 г. он присоединяется к экспедиции А.В. Адрианова, направлявшейся по заданию Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества в неисследованные районы верховьев рек Абакана и Томи. И хотя задачи экспедиции были чисто геологические, тем не менее Д.А. Клеменц успевал уделять внимание встречаемым на пути древностям. В 1884 г. по поручению Западно-Сибирского отдела Географического общества Д.А. Клеменц проникает в те районы Верхнего Абакана, где ему удалось побывать в 1883 г. В мае — июне 1885 г. состоялась его поездка в Западные Саяны, где он сумел побывать вторично в 1887 г. В 1886 г. Д.А. Клеменц освобождается от полицейского надзора и переезжает в Томск, а оттуда в 1888 г. — в Иркутск. Археология по-прежнему остаётся его основной страстью. Разведки его не удовлетворяли, а на проведение раскопок ни у него, ни у Минусинского музея средств не было. Наконец в 1888 г. Археологическая комиссия выделяет специально для него деньги, которые он немедленно употребляет на археологические работы. В этом же году он проводит интенсивную разведку от Урюпа до Чёрного Июса, зафиксировав археологические объекты у деревень Парная, Костино, оз. Большого, улуса Отколь. Раскопал 3 тагарских кургана у д. Чебаки, 6 тагарских же курганов в районе г. Минусинска, 1 тагарский и 1 таштыкский курган на Тагарском острове. Кроме всего прочего совершил поездку по Ачинскому и Канскому округам. В 1889 г. раскопал большой земляной курган у д. Назарово, а в 1889 г. — курганы на Уйбатском чаатасе. [25]

Многочисленные поездки Д.А. Клеменца по Минусинской котловине позволили ему критически отнестись к классификациям курганов Г.И. Гмелина и П.С. Палласа и выработать свою типологию этих памятников, в основу которой были положены внешние признаки. Вся совокупность курганов разделена им на два больших класса: плоские и курганы с насыпями.

Плоские курганы. 1. Курганы с четырёхугольной каменной оградой и плитами по углам. Рисунки на них встречаются нечасто, но зато в долине р. Аскыза можно встретить плиты, напоминающие силуэты людей или животных. 2. Курганы с прямоугольной оградой и десятью плоскими плитами по углам и сторонам. 3. Могилы без насыпи с прямоугольной оградой без угловых камней. Оградки примыкают друг к другу так, что создают на поверхности сетку. 4. Подобны третьему типу, но с обязательным покрытием поверхности внутри оградок небольшими плитками. 5. Плоские курганы с одним или двумя кругами камней на поверхности. 6. Плоские же сооружения с четырёхугольной оградой и угловыми невысокими плитами. К одной из сторон обязательно примыкают одна или две оградки.

Надмогильные сооружения с насыпями. 1. Курганы с высокой земляной насыпью, обставленной каменными плитами, образующими четырёхугольник. На плитах высечены рисунки. Нередко на некотором расстоянии от кургана стоял довольно высокий камень. 2. Земляная насыпь у этого типа сооружений также окружена плотно прилегающими друг к другу плитами. 3. Курганы типа чаатас, имеющие небольшую каменную насыпь, обставленную высокими (до 5 м) плитами с изображениями животных и людей. 4. Небольших размеров надмогильное сооружение из земли без камней. 5. Могилы с небольшой каменной насыпью. 6. Высокие земляные курганы без камней. [26] Впоследствии Д.А. Клеменц выделил ещё один тип курганов с насыпью из камней. На некотором расстоянии стояли камни в два ряда. Таким образом, Д.А. Клеменц выделил 13 типов курганов, первые из которых идентичны 1, 3 и 4 типам классификации В.В. Радлова, а 4 и 5 — «творильным» могилам и «сланцам» Г.И. Гмелина. В типологии Д.А. Клеменца нет несуществующих типов памятников, она не претендовала на отражение хронологической последовательности в развитии погребальных сооружений, так как Д.А. Клеменц так же, как и В.В. Радлов, рассматривал культуру бронзовой эпохи Минусинской котловины как нечто единое, не подлежащее расчленению.

При характеристике инвентаря Д.А. Клеменц сознательно избегал понятий «каменный», «бронзовый», «железный» век, так как, по его мнению, очень трудно пока провести чёткую грань между этими периодами, потому что в бронзовую эпоху постоянно использовались, наряду с бронзовыми, каменные инструменты, а в железную — бронзовые. В этой ситуации очень легко было ошибиться и неправильно определить время существования того или иного памятника. [27] Поэтому при составлении каталога он использовал только бронзовые предметы, чтобы в даваемую им характеристику бронзового инвентаря не закрались ошибки, которые исказили бы представления о бронзовой культуре Минусинской котловины. Основными типами вещей являлись наконечники стрел, кельты, ножи и кинжалы. Металлические наконечники стрел, считал он, применялись при охоте на крупных диких животных — лося, медведя; костяные же и каменные — на соболя, белку, дичь. Кельты являлись прямыми наследниками каменных топоров и были основным рубящим орудием обеих эпох. Ножи изготовлялись двух типов — «кривые» и «прямые». Причем «кривые ножи» из-за грубости обработки и массивности являются более древними, чем «прямые». Кинжалы в основном однотипны, имеют массивную рукоятку, простой или орнаментированный эфес и на некотором расстоянии от эфеса несколько расширенное лезвие. [28] Внимательное изучение бронзового инвентаря и горных медных разработок позволило Д.А. Клеменцу сделать вывод о существовании в эпоху бронзы на Алтае-Саянском нагорье североазиатского центра бронзолитейного производства, влияние которого распространялось далеко на запад (Западная Сибирь, Урал, Ананьино). [29]

Основная масса бронзовых и керамических изделий была орнаментирована разнообразными комбинациями выпуклых и врезанных прямых, ломаных и волнистых линий, геометрическими фигурками. Спиралевидные элементы орнамента, характерные для бронзовых культур Западной Европы, на среднем Енисее не использовались. Наиболее распространёнными украшениями бронзового инвентаря были изображения различных диких животных — горного барана, дикого козла, оленя и очень редко лошади. Рукоятки многих кинжалов украшены головками птиц и змей. Изображений домашних животных на бронзовых вещах нет. Д.А. Клеменц, так же как и В.В. Радлов, на этом основании делает вывод о том, что скотоводство не играло значительной роли в жизни населения бронзовой эпохи. [30]

Важным историческим источником Д.А. Клеменц считал рисунки на скалах и могильных камнях, которые способны рассказать о многих сторонах жизни древнего человека. Он сожалел, что систематическим исследованиям они не подвергались, а путь исследования, основанный на отождествлении их с письмом, Д.А. Клеменц считал неправильным, так как рисунки, в чем он был совершенно уверен, не являлись памятниками письменности. В то же время он допускал, что писаницы есть очень своеобразная форма запечатления важных событий из жизни человека. Исследователь полагал, что по содержанию наскальные рисунки можно подразделить на две категории: писаницы охотников с изображениями диких животных и сцен охоты и писаницы скотоводов со сценами пастушеской жизни и стадами домашних животных. Первые более древние. Также выбитые рисунки древнее нарисованных красной краской. [31] Для понимания смысла изображенных сцен Д.А. Клеменц предлагал обратиться к изучению шаманизма, используя в качестве сравнительного материала рисунки с шаманских бубнов.

Из всех исследований археологов, которые так или иначе затрагивали в своих работах вопрос о каменных изваяниях, достижения Д.А. Клеменца были наиболее внушительными. Все изваяния он разделил на три группы. Первая, самая поздняя, представлена статуями людей (в основном мужчин) со сложенными на груди руками, в одной из них обязателен сосуд. Вторая группа состояла из плоских плит, на одной из узких граней которых высечено человеческое лицо с явно выделенными головным убором, ртом, носом, глазами. К наиболее древней группе он отнёс курганные камни, которые в результате грубой оббивки оформлялись под фигуру человека или животного. Но существовали, по мнению Д.А. Клеменца, и переходные типы изваяний. Таковыми являлись камни с выбитыми на них рисунками — это наиболее древняя форма изваяний. Затем они трансформировались в плиты, плоскость которых полностью покрывалась рельефным изображением. Самым же ранним типом статуй были простые, вертикально поставленные каменные плиты, с чего, по мнению Д.А. Клеменца, и началось развитие изобразительного творчества. [32]

Попыток в определении этнической принадлежности памятников до Д.А. Клеменца предпринимались немало, и вполне естественным было поэтому его стремление внести свой вклад в решение этой проблемы. Китайские летописи, по его мнению, не могут быть использованы в качестве источника, так как сведения о народах Южной Сибири не восходят ко временам древнее II в. до н.э. Его привлекала, конечно, идея отождествления носителей культуры среднего Енисея со скифами, к тому же и в антропологическом отношении, как к тому времени стало известно, скифы и древнее население Южной Сибири были сходны, но, тем не менее, Д.А. Клеменц отказался от этой мысли, потому что скифские памятники Северного Причерноморья, содержавшие бронзовые и железные наконечники стрел и относившиеся к VI в. до н.э., являлись переходными от бронзовой эпохи к железной, в силу этого они оказывались более молодыми по сравнению с минусинскими бронзовой культуры, что исключало возможность их идентификации. Хотя, считал Д.А. Клеменц, скифо-сибирская проблема заслуживала самого серьёзного исследования. В итоге своих рассуждений он склоняется к идее В.В. Радлова о существовании особой группы племён, отличной от соседних, каковой могли быть, по мнению Д.А. Клеменца, древние енисейские остяки (кеты, по современной терминологии), немногочисленные остатки которых сохранились в степях среднего Енисея (сагайцы). Сам он, но его утверждению, неоднократно встречал среди сагайцев людей, похожих на «северных финнов». Работая в верховьях Томи, он постоянно сталкивался с топонимами, корни которых были «енисейско-остяцкого» происхождения. [33] «Древние енисейские остяки», если они действительно жили в степях Среднего Енисея, создали высокоразвитую культуру, основанную на горнометаллургическом производстве, земледелии и скотоводстве, знали письменность и развитое искусство. «Внутренняя сила и динамичность» позволили им распространить своё влияние на «дикий» Запад, вплоть до Волги, и принять активное участие в формировании культур эпохи железа. Сохранившиеся остатки городищ и оросительных сооружений свидетельствуют о наличии сильной единоличной власти или прочного союза племён и родов, так как подобная коллективная работа под силу обществу с развитой системой управления. [34]

Идею распространения культурных традиций с востока на запад активно поддерживали в 80-90-е гг. XIX в. И.Р. Аспелин, Н.М. Ядринцев и П. Райнеке. Н.М. Ядринцев вслед за Д.А. Клеменцем обратил внимание на сходство ряда вещей со среднего Енисея и Северного Причерноморья и пришёл к выводу, что сходство это объясняется влиянием минусинского культурного очага. [35] П. Райнеке смотрел на эту проблему несколько иначе. По его представлениям, Сибирь являлась лишь передаточным звеном в цепи взаимодействия культур Китая и Северного Причерноморья, где первый являлся родиной многих категорий вещей, в том числе и звериного стиля. [36]

В Минусинске Д.А. Клеменц сформировался как учёный, способный вести серьёзные научные исследования, о чём свидетельствуют работы в Орхонской экспедиции, Монголии и Якутии. Революционно-демократическое мировоззрение наложило отпечаток на формирование научно-теоретических взглядов, в основе которых лежала прогрессивная для своего времени эволюционная теория развития первобытных народов и их культур. Но он не был слепым последователем этой теории. Идея борьбы за существование как движущей силы развития человечества и его коллективов была ему чужда. В основе прогресса, считал он, лежало развитие материальной культуры. Он был также противником теории миграций и заимствований, отказывавшей народам в самостоятельном поступательном развитии. Так, переход от бронзовой культуры в Минусинской котловине к культуре эпохи железа Д.А. Клеменц объяснял внутренними процессами, заключавшимися в постепенной замене бронзолитейного производства железоделательным, доказательством чего служили переходные формы орудий труда и оружия (вещи, сделанные из двух металлов — бронзы и железа). Будучи эволюционистом, Д.А. Клеменц на задачи археологии как науки смотрел шире и глубже, чем апологеты этой теории. Предметом исследования он считал первобытное общество и его материальную культуру, а не отдельного человека или его коллективы. [37]

А.В. Адрианов первый из археологов-любителей XIX в. проводил в Южной Сибири систематическую работу на протяжении многих лет. Его научная деятельность началась в 1881 г., когда он совершил путешествие на Алтай и в Саяны, которое повторил в 1883 г. [38] Это были простые поездки по краю, в ходе которых он знакомился с памятниками, наметив наиболее перспективные из них для будущих раскопок. В 1882 г. поездка была повторена. Первые раскопки он произвёл в 1883 г., затем — в 1890 г. После трёхлетнего перерыва, начиная с 1894 и по 1899 г., работы велись ежегодно. Раскопки велись в

основном на Тагарском острове и одноимённом озере, на реках Уйбат, Туба, Ташеба, у гор Самохвал и Оглахты. В целом им раскопано более 150 курганов. Подобные масштабы работ в дореволюционное время были не доступны ни одному из сибирских археологов. Раскопки А.В. Адриановым велись на высоком методическом уровне: его дневниками, записями и публикациями археологи пользуются до сих пор, извлекая оттуда ценные научные данные. [39] В результате такого рода археологических работ наука впервые получила чёткие, научно документированные данные о тагарских и таштыкских (по современной терминологии) памятниках. А.В. Адрианов первым открыл погребальные гипсовые и глиняные маски в комплексе с другими вещами и впервые также констатировал наличие многократных погребений в таштыкских склепах.

Помимо раскопок А.В. Адрианов вёл интенсивные исследования рисунков на скалах и могильных камнях. И эта его работа отличалась тщательностью — писаницы не только эстампировались, но и фотографировались. Выявив абсолютную неудовлетворительность копий Л.Ф. Титова, А.В. Адрианов заново скопировал Майдашинскую, Потрошиловскую, Оглахтинскую писаницы, а также впервые были скопированы Лънищенская (открыта им), Боярская и на горах Суханиха, Бычиха, Туран. [40] В 1907 г. он вёл копирование на горах Оглахты и Куня (открыта А.В. Адриановым). Здесь же обнаружил следы предварительной прорисовки рисунков перед выбивкой. Затем копировал писаницы на горе Кокая (р. Есь), у сёл Кавказское, Ильинка, Тесинское на р. Тубе. [41] В 1909 г. исследованы были писаницы Сулекская, у улусов Орак и Ошколь (гора Арга), открыты писаницы Аспат и в устье р. Техтерек на Белом Июсе. На Чёрном Июсе были обнаружены рисунки у улуса Ключик. Все эти годы продолжал копирование Шалоболинской и Копёнской писаниц.

В 1911 г. А.В. Адрианов на Алтае, на р. Майэмире, раскопал два кургана, три из них были раскопаны близ с. Алтайского и четыре на Бухтарме у д. Черновой. В курганах под насыпью из земли и камня были обнаружены срубы с остатками разграбленных погребений, а рядом со срубами — скелеты одной или двух лошадей. Помимо курганов на р. Майэмире А.В. Адрианов раскопал кольцевую выкладку из валунов. Под одним из них он обнаружил части бронзовой уздечки и семь золотых пластин с изображением свернувшегося хищника (впоследствии всё это было датировано VI в. до н.э.).

Хотя А.В. Адрианов ставил перед собой довольно скромные задачи «принести посильный труд на умножение научного материала» и собрать «возможно тщательнее и подробнее, а также определить задачи последующей работы» [42] и не намеревался, как видим, обобщать собранные данные, он тем не менее написал небольшой очерк по древней истории этого края. Минусинская котловина, по его представлениям, была заселена первобытным человеком раньше других районов Сибири и стала в силу этого своеобразным центром, своеобразным плацдармом дальнейшего его расселения по Сибири. Предпочтение этому району первобытный человек отдал благодаря наличию благоприятных естественно-географических условий, способных сравнительно легко удовлетворить хозяйственные потребности. Наиболее древние курганы сооружены были около трёх тысяч лет назад. Наивысшего расцвета культура достигла в бронзовую эпоху, когда без каких-либо внешних воздействий здесь формировался центр бронзолитейного производства. Кроме металлургии другими основными занятиями населения были скотоводство, земледелие, охота. Культура его постепенно распространила свое влияние на запад. [43] По сути дела А.В. Адрианов повторил основные выводы В.В. Радлова и Д.А. Клеменца, хотя он располагал фактами, которые бы позволили ему сделать более оригинальные и конкретные выводы, если бы он подверг их историческому анализу.

И.П. Кузнецов-Красноярский, так же как Д.А. Клеменц и А.В. Адрианов, отдавал предпочтение полевой археологии. Раскопки велись на должном научном уровне — производились графическая фиксация и обмер раскапываемых памятников, послойно снимаемая земля тщательно просеивалась. Описание памятников было сделано настолько точно и детально, что по ним можно было определять их культурную принадлежность. Раскопки курганов И.П. Кузнецов производил в основном в 80-е гг., всё же последующее время, до 1915 г., он занимался разведкой, причем в разные годы предпочтение отдавал тому или иному виду памятников. Так, с 1911 по 1915 г. более тщательно обследовалось левобережье Среднего Енисея с целью выявления каменных изваяний и камней с надписями. В 1912 г. велись поиски остатков старинных укреплений в долинах рек Немир, Б. Сыда, Камышта, Чёрный Июс. Но неизменным вниманием пользовались могильники, отчёты об исследовании которых он сопровождал фотографиями, рисунками и детальным описанием. [44]

Типологической характеристике И.П. Кузнецов подверг только те курганы, которые исследовал непосредственно сам. К первой группе были отнесены курганы с земляной насыпью и четырёхугольной оградой с вертикально стоявшими плитами. Часто к западу от кургана можно было наблюдать ещё 2-5 плит. Некоторой разновидностью сооружений этого типа были курганы с шестью — десятью плитами по углам и боковыми сторонами. Вторую группу составляли курганы с земляной насыпью, но без вертикальных плит по углам. К третьей группе принадлежали, по его мнению, «каменные курганы», насыпи которых сложены из камней разной величины. Четвёртый тип представлен у него плоскими или с незначительной насыпью курганами, имевшими ограду из вертикально поставленных по кругу плит. Пятую группу И.П. Кузнецов определил как «гробницы» (карасукские, по современной типологии), представлявшие собой сооружение в виде каменного ящика, вкопанного в землю. Подобные сооружения имели едва заметную земляную насыпь. Внутри ящика помещался один костяк, лежавший на левом боку головой на запад. Перед лицом стояли один или два глиняных сосуда. От одежды сохранились незначительные медные украшения. Обычным атрибутом таких могил являлись кости домашних животных — овцы или коровы. К востоку от «гробницы» иногда сооружался жертвенный ящик, в который ставили сосуд или клали различные украшения. Постоянные находки украшений при раскопках «гробниц» позволили И.П. Кузнецову-Красноярскому высказать предположение о принадлежности их к женскому типу погребений. Шестой тип — это так называемые «киргизские могилы», представлявшие собой невысокие каменные холмики, под которыми находилась неглубокая могила с деревянной обкладкой вдоль стен. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Сосуд помещался у головы, на поясе обычно находили остатки железного ножа и пряжки, бронзовое кольцо. Седьмую группу составляли сооружения, напоминавшие «киргизские курганы», но отличавшиеся от них незначительными размерами. Четырёхугольная ограда сложена из грубых каменных глыб, внутреннее пространство её засыпано более мелкими камнями и образует невысокое прямоугольное возвышение. [45]

Подъемные находки И.П. Кузнецов-Красноярский разделил по эпохам на четыре основные группы: древности медно-бронзового периода, затем переходного бронзово-железного, древности тюрко-монголо-китайские и древнерусские (времена заселения котловины русскими). К первой группе принадлежат, по его мнению, все бронзовые кинжалы, ножи, наконечники стрел и копий. Ко второй — вещи из бронзы и железа, а также чисто железные. Бронзовым ножам и кинжалам он видел аналогии в материалах Ананьино и южнорусских степей. [46]

Рисунки на скалах и могильных камнях И.П. Кузнецов-Красноярский предлагал хронологически разделить хотя бы на две группы: рисунки, созданные в эпоху бронзы и раннего железа, и «новейшие», которые принадлежали современным ему народам Сибири. Древние рисунки отличала более высокая степень художественного мастерства и манера выбивки, в то время как «новейшие» были просто выцарапаны на камне и отличались своеобразной стилистикой рисунка. [47]

В отличие от Д.А. Клеменца И.П. Кузнецов-Красноярский отрицал связь изваяний и стел с рисунками и погребальными комплексами. Они, по его мнению, имели иное значение, которое пока невозможно определить. [48] Не разделял он взглядов и на глубокую древность различных оросительных сооружений, ибо, как он считал, в бронзовую эпоху природные условия позволяли вести хозяйство, не прибегая к искусственному орошению, к тому же население занималось в основном скотоводством и вело кочевой образ жизни. [49]

Изолированность Минусинской котловины от очагов азиатских цивилизаций способствовала тому, что переход от бронзовой культуры к культуре раннего железа был постепенным, о чем свидетельствовало наличие большой массы вещей переходных форм, когда железные вещи повторяли форму бронзовых или для изготовления кинжалов использовались, например, бронза и железо одновременно. Самостоятельность, без признаков заимствований в формировании культуры эпохи железа на базе бронзовой культуры легко объяснима тем, что Минусинская котловина богата медными и железными рудами, хотя это не исключало, по мнению И.П. Кузнецова-Красноярского, возможности первого знакомства с железными изделиями в ходе обмена с более развитыми соседями. Китай и тюрки в то время не могли оказать влияния на ход исторического развития на среднем Енисее потому, что первый не предпринимал экспансии так далеко на север, а вторые не создали ещё сильных племенных

объединений, способных вести активную внешнюю политику. Хакасы или киргизы также не могли принести в котловину культуру железа, а тем более культуру бронзы, так как, судя по сообщениям китайских летописей, в эпоху раннего железа они жили южнее Саян и перешли их довольно поздно, когда в Минусинской котловине процесс формирования железной культуры завершился. [50]

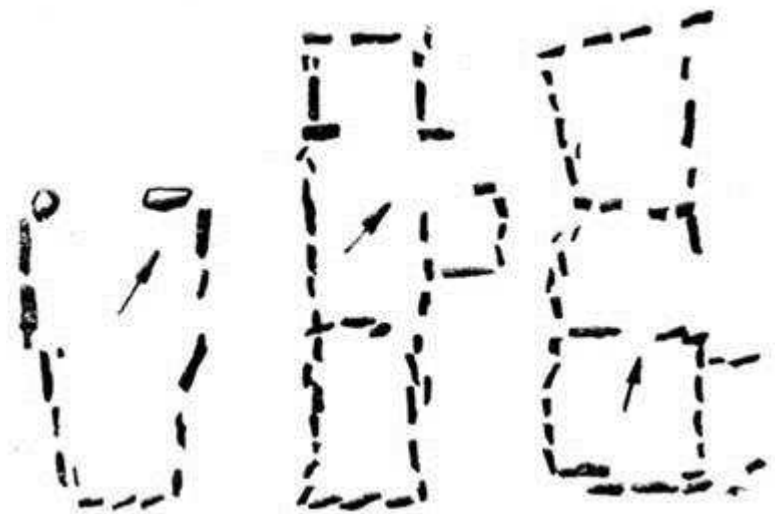
В 80-е гг. XIX в. финские учёные вновь проявили живейший интерес к древностям Минусинской котловины, Алтая, Тувы и Монголии. Причины этому следует искать в буржуазно-националистическом мировоззрении части финской творческой интеллигенции, к которой принадлежал и И.Р. Аспелин, занимавшийся изучением истории финских народов. Письменные источники позволяли ему проникнуть в глубь веков не далее средневековья, вопросы же древней истории и происхождения оставались, таким образом, вне поля зрения исследователя, что заставило его обратиться к археологическим памятникам. В 1871 г. он прерывает свои научные изыскания и совершает поездку по русским и прибалтийским музеям, где тщательно изучает коллекции. Он внимательно изучает материалы и записи М.А. Кастрена и В.В. Радлова. В итоге у И.Р. Аспелина сложилось твёрдое убеждение в том, что многочисленные археологические памятники среднего Енисея, Алтая и Тувы должны принадлежать бронзовой эпохе и оставлены древними финнами до их переселения на Запад. В Сибири культура этого народа не могла широко распространиться, так как этому препятствовали монголы и тюрки. Поэтому, вытесненные с Алтае-Саянского нагорья, древние финны двинулись за Урал. Многочисленные памятники Восточной Европы подтверждают это переселение. Чтобы доказать истинность этих предположений, необходимы были систематические исследования памятников в Сибири, четырёхлетний план которых финский историк наметил в 1876 г. Под руководством И.Р. Аспелина Петербургская археологическая комиссия должна была организовать многолетние раскопки на среднем Енисее и Алтае. Сотрудничества с комиссией не получилось, по-видимому, из-за отсутствия денежных средств. В марте 1887 г. И.Р. Аспелин выступил с научным обоснованием необходимости экспедиции в Сибирь в финском Обществе древностей, а 1 апреля в газете «Uusi Suometal» было опубликовано его обращение к финнам о пожертвовании средств на нужды экспедиции. К лету деньги были собраны, и 13 июня 1887 г. экспедиция покинула Хельсингфорс.

Рис. 16.

Планы надмогильных сооружений курганов у улуса Орак.

Исследования в Сибири И.Р. Аспелин рассчитывал провести в три этапа. Основной задачей трёхлетних работ было изучение «рунических» надписей — получение надёжных копий с уже известных, поиски, копирование и фотографирование новых, раскопки курганов, на которых стояли стелы с надписями. В ходе первого путешествия все эти задачи должны были решаться исключительно в Минусинской котловине.

Спутником И.Р. Аспелина по первой экспедиции был Я. Апельгрэн, на долю которого выпало ведение дневников и выполнение обязанностей художника. В Томске путешественники были уже 8 июля. Здесь изучали археологические коллекции музея при университете, познакомились с А.В. Адриановым и осмотрели раскопки томского могильника, относившиеся, по мнению И.Р. Аспелина, к концу бронзового века и началу железного.

Работы экспедиции в котловине начались от д. Парной (оз. Большое). Особым вниманием исследователей пользовались курганы с каменными оградами и стелами, на которых были рисунки и надписи. В районе озёр Большого и Малого и улуса Орак были осмотрены многочисленные могильники. Следует отметить, что ни одна экспедиция, ни один археолог не только до них, но и после не вёл археологические разведки с такой тщательностью. Местность, где располагались памятники, зарисовывалась и детально описывалась, учитывалось количество курганов, снимался план могильников и отдельных курганов, на которых были стелы с рисунками, надписями или какими-либо другими отличительными признаками, с указанием их местоположения (рис. 10). Заин-

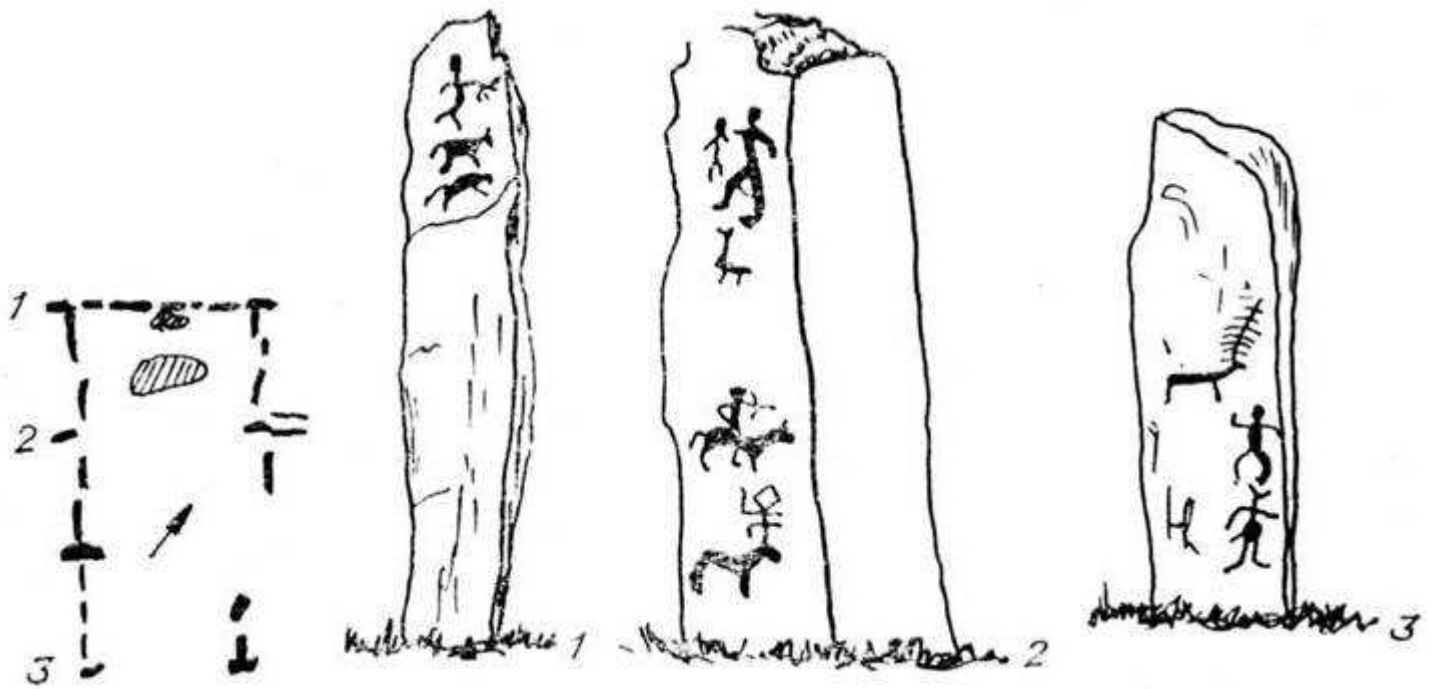

Рис. 17. План кургана с указанием местоположения камней с рисунками.

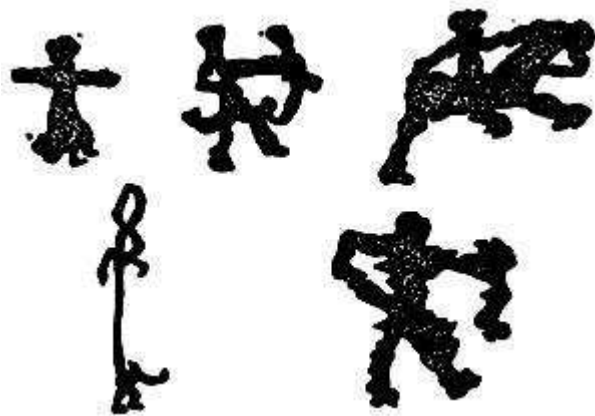
Рис. 18. Сулек. «Писаная гора». Рисунки I группы (по И.Р. Аспелину).

тересовавший исследователей курганный камень зарисовывался отдельно, на нём указывалось общее расположение изображений, которые тщательно копировались (рис. 17). Впервые в сибирской археологии был применён метод эстампирования, позволявший получать точные копии. Всё это подвергалось также детальному описанию. Поистине бесценный для современной археологии дар представляют материалы экспедиции, так как некоторые из памятников, в особенности изваяния и стелы, уничтожены или же без достаточно чёткой фиксации вывезены в музей.

У улуса Орак были произведены раскопки одного из курганов. Под невысокой насыпью (около 70 см) оказалась могила, стенки которой были укреплены каменными плитами и деревянным срубом. Покрытие могилы состояло из трёх массивных плит. В западной части покрытия, прямо на плитах, обнаружена кучка человеческих костей. В самой же могиле лежал костяк вытянуто на спине, головой на запад. Справа от головы лежали обломки орнаментированного сосуда, рядом с левым бедром — кости животных. На лбу и на груди находились четыре вогнутые бронзовые бляшки. [51] Здесь же путешественники впервые отметили на курганных плитах чашевидные лунки, бывшие, по их мнению, жертвенными ямками.

Особый интерес вызывала у И.Р. Аспелина Сулекская писаница, сулившая интересный научный материал. От оз. Большого экспедиция направилась к слиянию Белого и Чёрного Июсов,

Рис. 19. Сулек. «Соляная гора». Рисунки I группы (по И.Р. Аспелину).

а оттуда к улусу Сулек, в окрестностях которого па Писаной горе располагалась известная по описаниям скала с рисунками и надписями. Основная масса рисунков и надпись были тщательно скопированы за 4 дня работы. В стилистическом отношении и по манере нанесения рисунков исследователи выделили две основные группы. Первую группу составляли грубо выбитые рисунки со сплошной выбивкой всей фигуры (рис. 18-20). В художественном отношении они более примитивны по сравнению с выгравированными (вторая группа), которые обнаруживали у их создателей незаурядные способности к рисованию (рис. 21, 22). Смысловой связи между рисунками первого типа не чувствовалось, в то время как вторые, более реалистичные, отражали сцены борьбы животных и людей. Подразделялись рисунки также на динамичные и статичные, изображавшие животных в спокойных, застывших позах, напоминавших искусство сасанидских художников. То, что оба типа рисунков и надписи относились к бронзовой эпохе, у исследователей не вызвало сомнений. Более того, не все рисунки они

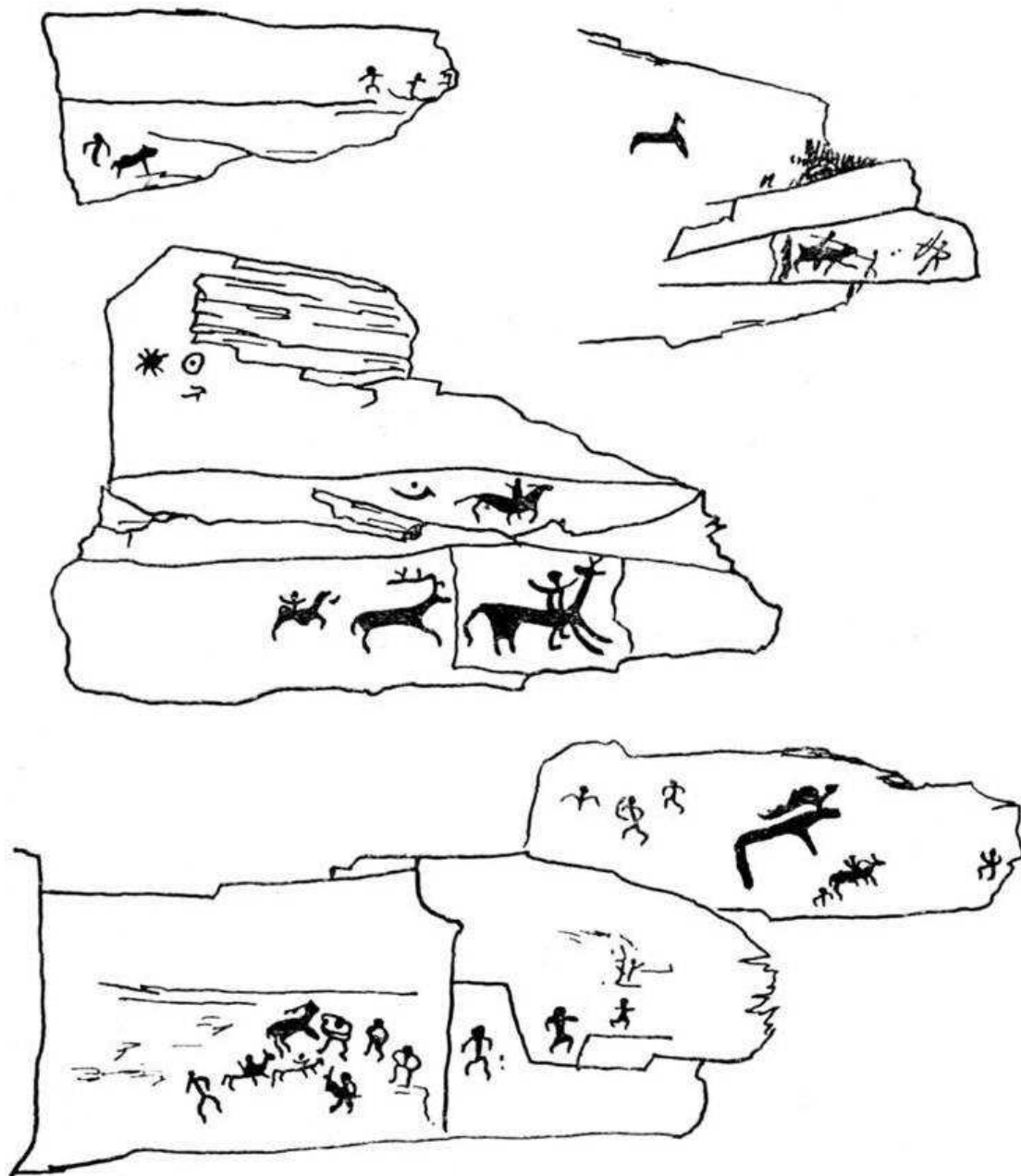

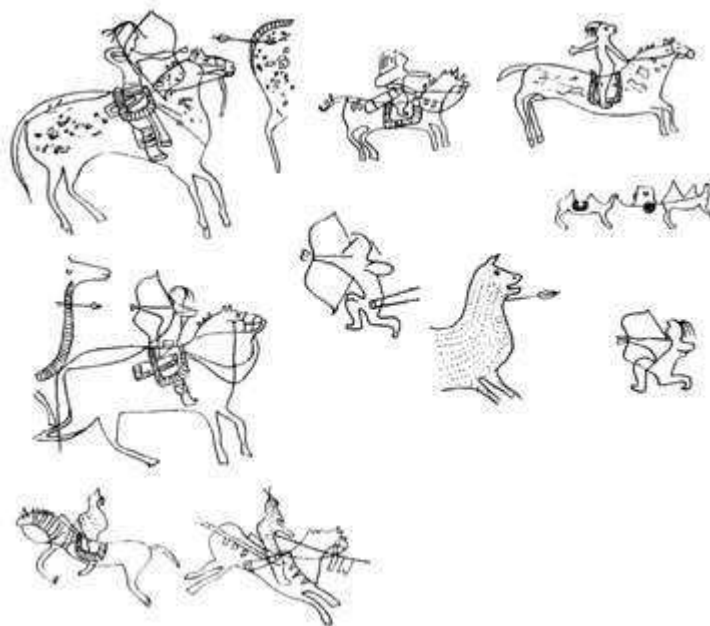
Рис. 20. Сулек. «Писаная гора». Рисунки I группы (по И.Р. Аспелину).

считали одинаково древними. Выбитые, по их мнению, были наиболее ранними, выгравированные же надписи принадлежали концу бронзовой эпохи. [52]

От Сулека И.Р. Аспелин и Я. Апельгрэн поднялись по Черному Июсу, обследовали район улуса Ошколь, где на горе Арга обнаружили рисунки и скопировали их (рис. 23), а также осмотрели остатки укреплений, занесли их на план, отметив, что они представляли собой вал и крепостную стену, сложенную без раствора из песчаниковых плит. Аналогичные крепости отмечены ими у д. Парной, на реках Ниня, Камышта. [53]

Впервые с курганных камней и с писаницы на Арге скопированы были изображения манихейских жрецов (рис. 24). «Священни ки» выгравированы в длинной одежде без рукавов, имели высокие головные уборы, вертикально стоящие надо лбом и закруглённые сзади. Перед собой держали предмет, похожий на жезл.

Рис. 21. Сулек. «Писаная гора». Рисунки II группы (по И.Р. Аспелину).

Детальному изучению подвергся район улусов Подкамень (Чёрный Июс), Батанаково и Костищево (Белый Июс). У улуса Подкамень на одном из курганов обнаружили камень с рельефным изображением человеческой личины. Сохранилась только её левая часть. На лбу просматривались две параллельные линии. У улуса Батанакова обнаружили две женские скульптуры (рис. 25). Одна оказалась разрушенной, вторая стояла на кургане. На узкой восточной грани камня высечено было лицо с большими круглыми глазами и фантастическим рисунком на высоком головном уборе. Под глазами по две дугообразные линии. Голова снабжена рогами и ушами животного. И только по рельефно выточенным грудям можно было признать в скульптуре женщину (см. рис. 25, 2).

От улуса Костищева путешественники направились к д. Соленоозёрной, где нашли несколько интересных изваяний. Одно из них представляло невысокую стелу с рельефно моделированным человеческим лицом с тремя лункообразными глазами и с едва намеченными рогами и ушами животного. В 8 км южнее Соленоозерного исследователи обнаружили длинный ряд каменных стел. На широкой грани одной из них глубокой врезанной линией изображена была верхняя часть человеческого лица с тремя глазами лунками и рогами, на другой — животноподобное человеческое лицо (рис. 26). От Соленоозерного И.Р. Аспелин и Я.

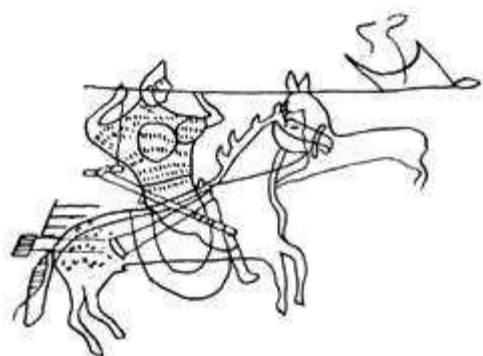

Рис. 22. Сулек. «Соляная гора». Рисунки II группы (по И.Р. Аспелину). (Открыть Рис. 22 в новом окне)

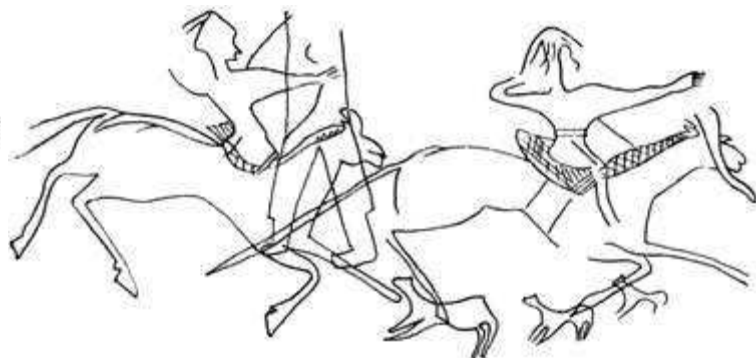

Рис. 23. Г. Арга. Рисунки воинов. (Открыть Рис. 23 в новом окне)

Апельгрэн направились к улусам Таргасуль, Верхнедолгий Маяк и к д. Сухая Ерба, где осмотрели многочисленные курганы. С углового камня одного из них был скопирован рисунок рептилии (дракона) с открытой пастью, глазами, ушами и половиной туловища. Рядом с рисунком чудовища помещались изображения перевёрнутых вниз головой человеческих фигур. Дальше экспедиция отправилась к с. Знаменскому, чтобы заново скопировать надпись с изваяния, опубликованного ещё Ф.И. Страленбергом. Помимо этого, исследователи осмотрели многочисленные памятники в этом районе, среди которых их заинтересовали высокий (10 м) курган, окружённый прямоугольной (30х40 м) канавой, со входом на восточной стороне, а также оросительные каналы, вырытые парами параллельно друг другу между тремя параллельными им валами. [54]

От д. Усть-Ерба путешественники направились к д. Абакано Перевозное, где детально обследовали наскальные рисунки. От Абакано-Перевозной путь их лежал к д. Бородино. Здесь в поисках камней с надписями путешественники внимательнейшим образом обследовали могильник на горе Красный камень, где оказались множество рисунков и две стелы с рельефными личинами (рис. 27). Одна представляла собой мужчину с растянутым в улыбке ртом; другая, плохо сохранившаяся, имела едва заметный рот, три глаза, ноздри и традиционные рога. Немного выше лица просматривались три полукруга и на самом верху — два быка, тянувшие плуг.

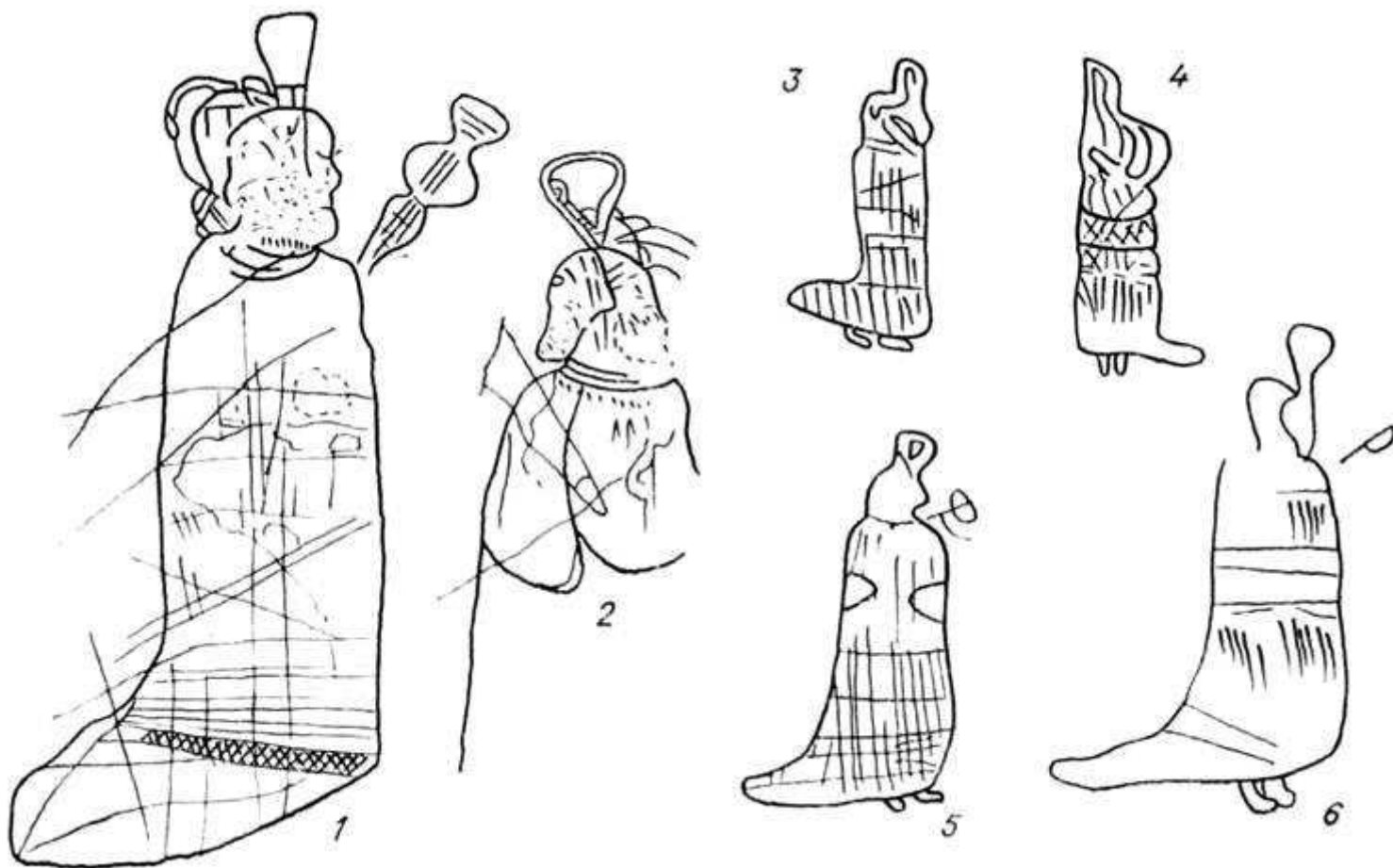

Рис. 24. Рисунки машехейских [видимо, д.б.: манихейских] жрецов. 1, 2 — с курганных камней у улуса Подкамень; 3-6 — с г. Арга.

По пути от д. Бородино к г. Минусинску И.Р. Аспелин осмотрел и копировал писаницы на горе Оглахты и у д. Потрошилово (рис. 28). В Минусинске были скопированы все имевшиеся в музее надписи. Здесь же было принято решение направиться в Уйбатскую степь, где, по сообщениям М.А. Кастрена, были камни с надписями. Два из них, в том числе и камень Ф.И. Страленберга, находились уже в Минусинске, оста-

(85/86) ^

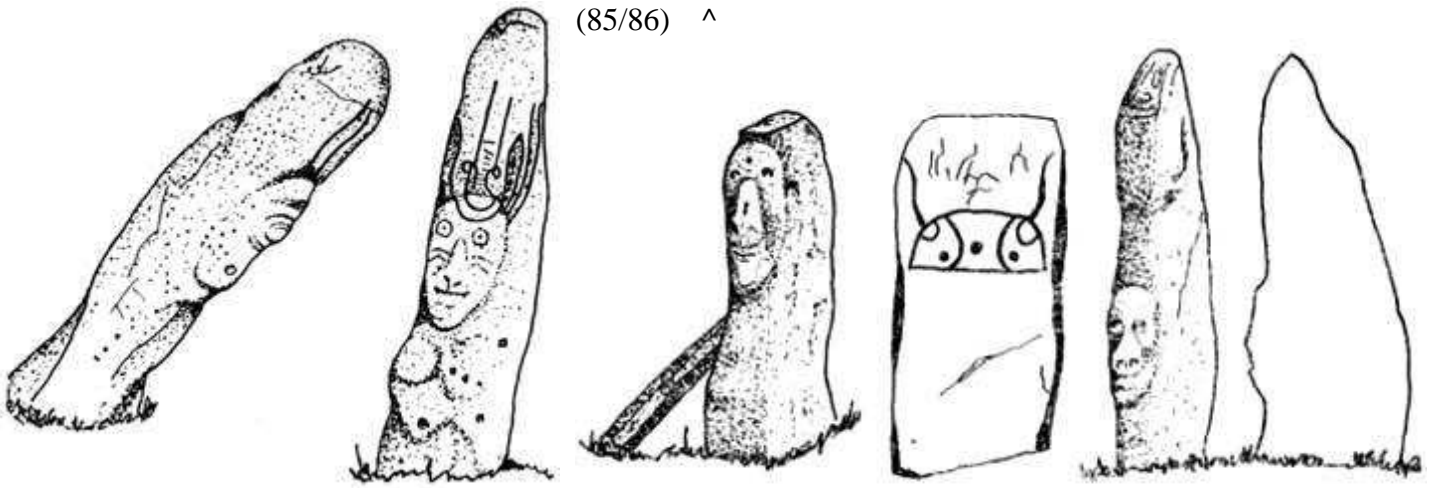

Рис. 25. Изваяния у улусов Подкамень (1), и Батанаково (2). (Открыть Рис. 25 в новом окне)

Рис. 26. Каменные изваяния в районе с. Солёноозерное (Фарнус по И.Р. Аспелину). (Открыть Рис. 26 в новом окне)

валось найти остальные и новые. Основным районом поисков был определён район улусов Чиркове (р. Бирь), Тазмин и Чамак (р. Бея). Экспедиции не удалось найти не только новые надписи, но и те, что упоминались М.А. Кастреном. Вместо этого были обнаружены девять новых изваяний. Одна стела с грубо моделированным лицом полуживотного-получеловека находилась у улуса Чиркова, шесть — в окрестностях улуса Тазмина; на широкой грани одной из них изображено было глубоко врезанной линией трёхглазое чудовище, овал лица которого окружен многочисленными змееподобными лучами (рис. 29). Второе изваяние имело на узкой грани прекрасно моделированное человеческое лицо, выше которого помещалась змеевидная линия. Голова человека традиционно снабжена была рогами и ушами животного.

У улуса Чамак Я. Апельгрэн нашёл два изваяния с человеческими личинами, одно из них венчала голова барана. Многие личины и их орнаментальные элементы напоминали, по мнению И.Р. Аспелина, распространённые гипсовые маски из курганов, датировка которых бронзовой эпохой тогда ни у кого не вызывала сомнений, и поэтому он и изваяния датирует этой же эпохой. [55]

(86/87) ^

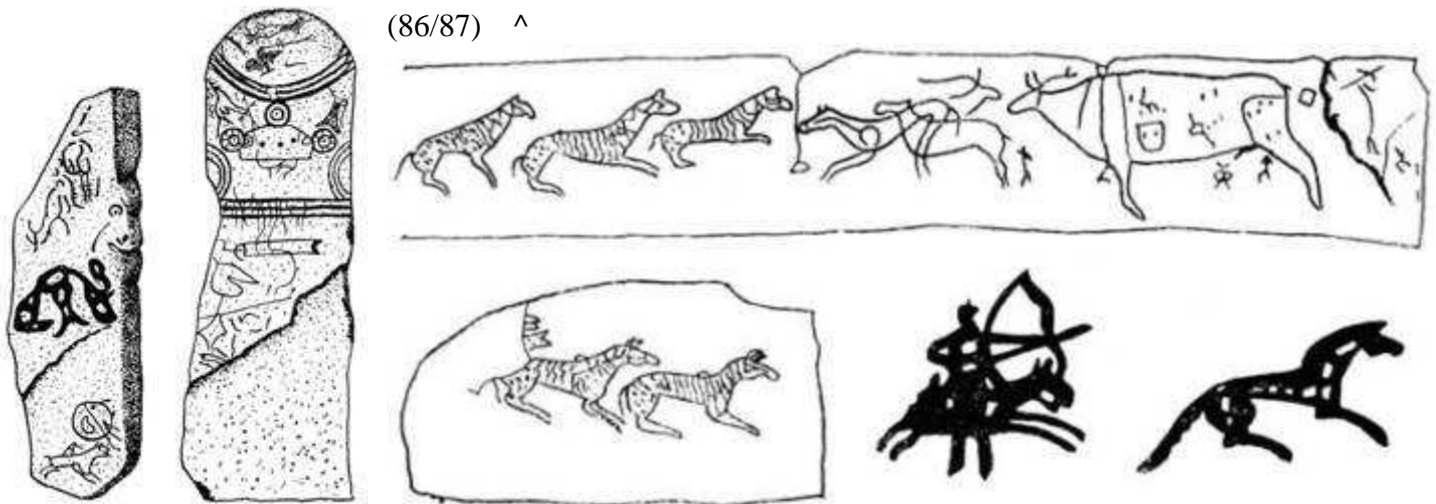

Рис. 27. Стелы на г. Красный камень.

Рис. 28. Рисунки с г. Оглахты. (Открыть Рис. 28 в новом окне)

На Аскызе исследователи осмотрели оросительные каналы и пришли к выводу, что для понимания принципа их действия необходима детальная топографическая съёмка. После Аскыза обследовались долины рек Камышта, Есь, Тёя. У д. Монок Я. Апельгрэн произвёл раскопки кургана, давшего обычный бронзовый инвентарь. В д. Бея решено было завершить экспедицию 1887 г. с тем, чтобы в сентябре до наступления холодов попытаться проникнуть за Саяны. Вернувшись в Минусинск, Я. Апельгрэн стал

готовиться к путешествию в Туву, куда он отбыл 10 сентября, а И.Р. Аспелин приступил к изучению археологических коллекций Минусинского музея.

Экспедиция 1888 г. была посвящена изучению памятников Алтая, Тувы и частично Минусинской котловины. 30 сентября И.Р. Аспелин и К. Вуорти вернулись из Тувы в Минусинск. 2 октября выехали из Минусинска в Томск через Уйбат и Белый Июс. У улуса Кобылково, на горе Кая, осмотрели писаницу с изображением мифологических сцен, а на Белом Июсе посетили Тохзасский грот с рунической надписью.

В 1889 г. состоялось третье и последнее путешествие И.Р. Аспелина в Сибирь. Спутниками его на этот раз были А.О. Гейкель и А.Х. Снельман-Виркунен. Они повторили маршрут 1887 г., проверяя полученные ранее данные, вновь копируя и фотографируя памятники. И.Р. Аспелин окончательно утверждает во мнении о тесной связи изваяний с погребальными комплексами.

Скопированные во время первых двух путешествий надписи были изданы И.Р. Аспелиным в 1889 г. («Inscriptions de l'Jenissei»). Через пять лет А.О. Гейкель опубликовал копии надписей с Орхонского

памятника, привезенные им из Монголии в 1890 г. Датскому лингвисту В. Томсену удалось расшифровать орхонское письмо и установить время его создания и языковую принадлежность. Оно оказалось древнетюркской письменностью VI в. н.э. Результаты этих открытий были совершенно неожиданными для

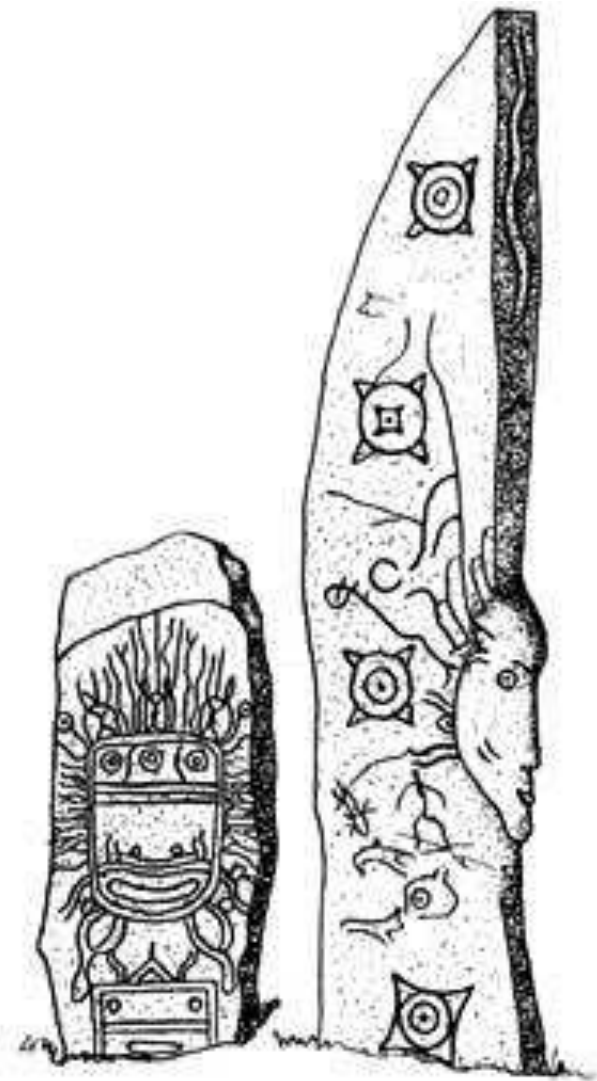
Рис. 29. Изваяния у улуса Тазмина.

И.Р. Аспелина, так как именно надписи он считал абсолютно достоверным источником по древней истории финнов в Сибири. Он отказывается от дальнейшей работы с привезёнными материалами, и доступными для исследователей они становятся только после публикации их Я. Апельгреном-Кивало в 1931 г. Так закончились в XIX в. поиски прародины угро-финнов в Сибири. Значение экспедиции определяется не только совершенством выработанной методики полевых работ, но и тем, что, благодаря именно этому, материалы экспедиции не потеряли своего научного значения и в наши дни.

Вторая половина XIX в. не лишена опыта широких обобщений археологического материала. В этом плане интересна работа томского историка В.М. Флоринского. В отличие от Э.И. Эйхвальда В.М. Флоринский обладал более широким кругом археологических источников, позволявших вести анализ на более высоком уровне. Тем не менее последнему присущи та же поверхностность в

суждениях, подгон археологического материала под ранее сложившуюся концепцию. Сравнительный анализ материала проводится формально, хотя некоторые наблюдения не лишены оригинальности и прозорливости.

В.М. Флоринский — типичный представитель ортодоксального направления в официальной русской исторической науке. Его общетеоретическая концепция идеалистична. Исторические судьбы народов, по его мнению, predeterminedены свыше. «Всматриваясь в исторические факты, мы действительно видим, что каждый народ имеет свой жребий, занимая данное ему место в продолжение многих тысячелетий», — писал он. [56]

Изменения в материальной культуре и быте возможны, по его мнению, в исключительных случаях, когда наблюдаются смена религиозных представлений или же влияние более развитой цивилизации. Но предопределённость самобытности каждого народа противостоит этому и не позволяет измениться всему «складу народной жизни». [57]

На задачи археологии как науки В.М. Флоринский смотрел шире многих своих современников: «Без сравнительной археологии не может быть настоящего исторического знания... Задача археологии состоит в том, чтобы проследить связь древнейшей культуры с ныне существующей и по возможности раскрыть отношения находимых древностей к ныне живущим племенам». [58] Исходя из этих взглядов, историк пытается проследить преемственность в развитии народов, населявших Россию, опираясь на сибирские древности. Если бы задачи исследования В.М. Флоринского ограничивались только этим, то он, по-видимому, остановил бы свой выбор на каком-либо из современных сибирских народов. Но проблема заключалась не только в установлении преемственности. Вся работа В.М. Флоринского, от первой до последней страницы, была направлена в первую очередь против исканий финских историков в Восточной Европе и Сибири. Его не устраивала ситуация, сложившаяся в исторической науке, когда историки «всю среднюю и северную полосу России отдают финнам, южные степи — скифам и сарматам, не позволяя видеть ни в тех, ни в других наших родоначальников, — всю Сибирь приурочили к туранским племенам, Балканский полуостров — фракийцам, Западную Европу — кельтам и германцам, Малую Азию — эллинам и семитам, а колоссальному славянскому организму не оставили и одного клочка земли, который он мог бы назвать своей колыбелью». [59] Поэтому он ставит перед собой задачу исправить вопиющую несправедливость: найти славянам прародину и установить причастность праславянских племён к формированию современной европейской цивилизации.

Письменные источники не содержали ответа на поставленные вопросы, и В.М. Флоринский вынужден был обратиться к археологическим данным, способным помочь «правильно истолковать» события далекой старины. Увлечение археологией и древней историей началось с путешествия В.М. Флоринского по Северному Причерноморью, Дону, Южному Уралу и Приуралью, а также Южной и Западной Сибири. Сибирские памятники поразили его своей многочисленностью и грандиозностью и сходством с памятниками Европейской России. Он приходит к обычному в таких случаях решению: памятники оставлены одним древним народом, который неизбежно должен принадлежать к создателям европейской цивилизации. Далее делается следующий логический шаг — этим древним народом были праславянские племена. Мысль эта подкрепляется следующими любопытными рассуждениями: «Чувствуется мне, что народная русская волна недаром стремится на юг и восток. Не одни материальные выгоды и политические соображения влекут нас сюда, а народный инстинкт, бессознательно сохранившийся в коллективной памяти народных масс, подобно инстинкту перелетных птиц». [60]

В.М. Флоринский имел сравнительно широкий круг археологических источников. Для исторического анализа он использовал курганы, городища и поселения, изваяния, рунические надписи, кельты, ножи, кинжалы, клевцы, наконечники стрел и копий, образы звериного стиля, древние рудники. Курганы он разделил на два типа: с каменной насыпью и земляной с оградками и угловыми камнями. Последние отнёс к бронзовой эпохе и проследил аналогичные захоронения как на Енисее и Алтае, так и в Семиречье и Дунае. [61] Родиной каменных изваяний он считал Семиречье, откуда они распространились в Сибирь и южные степи Европейской России. [62] Все древние медные рудники Южной Сибири автор сочинения приписывает бронзовой эпохе и указывает на их сходство с уральскими и прикамскими. [63] Кельтам, клевцам и кинжалам он находит многочисленные аналогии по всей Восточной Европе. [64] Звериный стиль, по его мнению, — самобытнейшее сибирское явление, распространившееся во многие районы Евразии. Лишь сарматское искусство обладает некоторым своеобразием, но истоки его также следует искать в Сибири. Многочисленные городища и рудники свидетельствуют об осёдлости древнего населения Сибири и о высоком уровне развития его культуры.

Вопросам хронологии В.М. Флоринский уделил мало внимания. В общих чертах, без достаточной аргументации, он датирует начало бронзовой эпохи II-I тыс. до н.э., основную же массу памятников относит к I тыс. до н.э.

Культура бронзовой эпохи постепенно сменяется культурой железа, генетически связанной с первой. [65]

Анализ археологического материала, проделанный В.М. Флоринским, позволил ему сделать вывод о существовании одного носителя культуры эпохи бронзы и железа в Южной и Западной Сибири. Бесспорным свидетельством данного явления для В.М. Флоринского было существование стратиграфически однородных городищ и поселений. [66] (К сожалению, очень поверхностно были обследованы городища и поселения, что привело к неверным выводам.) Минусинская котловина, по его представлениям, — центр формирования бронзовой культуры Сибири, которая по некоторым образцам бронзовых изделий имеет значительное сходство со скандинавской культурой. [67] В V в. н.э. происходит смена населения южных областей Сибири: появляются монголоиды, которые приносят сюда кочевой образ жизни, иную культуру. [68]

Проработка археологического материала Сибири, в частности южных её районов, потребовалась автору пространного сочинения для выявления аналогий и параллелей историческим памятникам на обширной территории Евразии: Восточный Казахстан, Средняя Азия, Восточная и Средняя Европа. Поверхностный формально-типологический анализ приводит его к выводам о поразительном сходстве большинства категорий рассмотренных им вещей. Всё это — лишь основа для его исторических построений.

Центральная и Средняя Азия, Иранское нагорье — родина арийских племён, здесь формировалось будущее европейской цивилизации. В эпоху бронзы Сибирь, Южный Урал и Приуралье, Северное Причерноморье, т.е. северные районы евразийских степей от Енисея до Дуная, были заняты скифскими и сарматскими племенами, являвшимися частью арийских племён и, естественно, заселявшими эту территорию из Средней Азии и Иранского нагорья. Скифы, сарматы, киммерийцы — родственные племена и составляют древний костяк славянской культуры, сформировавшийся в районах Средней Азии. Далее В.М. Флоринский предлагает два пути заселения Европы славянскими племенами: 1) часть арийских племён с Иранского нагорья через Кавказ и Малую Азию проникла на Балканский п-ов и в Северное Причерноморье; 2) из Средней Азии в Южную Сибирь, Урал и Приуралье, в Донские степи. В силу этого, рассуждает В.М. Флоринский, древности в северной части евразийских степей и лесостепей оставлены не древними финнами или монголами, а славянами. На всём протяжении бронзового и железного веков скифо-сарматский мир, т.е. древние славяне, испытывали постоянное влияние культур Иранского нагорья и Средней Азии. Сибирские древности в силу своей отдалённости не несут печати постоянного влияния своей прародины, поэтому они несколько самобытнее причерноморских и сарматских.

Таким образом, если следовать логике рассуждений В.М. Флоринского, то племена поздней бронзы, раннего железа, т.е. предскифской и скифской эпох, населявшие огромную территорию от Енисея до Дуная с востока на запад и от Прикамья до Иранского нагорья с севера на юг, были праславянскими племенами, ставшими впоследствии восточными, западными и южными славянами. Южносибирские племена в начале нашей эры (V в.) были вытеснены монголоидами в Восточную Европу и таким образом приняли участие в формировании современных славян.

Единственное, пожалуй, что можно отметить в качестве заслуги В.М. Флоринского, так это интуитивное определение культурной общности племён предскифской и скифской эпох евразийских степей.

В последние годы XIX в. и первые XX в. открытые А.В. Адриановым при раскопках курганов на Тагарском острове и Солёном озере гипсовые и глиняные маски заинтересовали антропологов и археологов. Первые в России подобного рода находки не могли не вызвать естественного стремления объяснить их. В печати появляются статьи К. Горощенко и С.К. Кузнецова с попытками интерпретации этого интересного памятника. У обоих авторов не вызывала сомнения принадлежность масок погребальному культу. К. Горощенко, тщательно изучив маски и черепа, пришел к выводу, что гипсовые маски Тагарского острова снимались непосредственно с лица умершего в два приёма — сначала делалась глиняная маска — форма, по которой затем отливали из гипса требуемую маску. Особенности культа мёртвых в данном случае требовали портретного сходства с умершим.

В кургане Солёного озера К. Горощенко отметил иной способ изготовления масок, который имел несколько вариантов. Первый заключался в том, что у черепа плотно заделывались глиной глазницы, носовые и ушные отверстия, у некоторых внутренняя полость черепа полностью заливалась раствором глины. Второй способ, в свою очередь, имел некоторые разновидности. Лицевой скелет черепа покрывался раствором глины так, что получалась своеобразная маска на черепе. В другом случае приготовленная таким образом маска покрывалась слоем гипса, а поверх его накладывался ещё один слой глины. Своеобразие масок Солёного озера заключалось в том, что изготавливались они по черепу, освободившемуся от мышечных тканей, причём признаков насильственного их удаления не обнаружено.

Наличие гипсовых и разнообразных глиняных масок связано было, по мнению К. Горощенко, с существованием различных форм погребальных обрядов. Гипсовые маски в кургане Тагарского острова сопровождали кучки пепла и жжёных костей, что свидетельствовало о трупосожжении. Использование портретных масок в данном случае объяснимо, так как огонь уничтожал человеческие остатки, их индивидуальные особенности. Маски такого типа сохраняли эти индивидуальные особенности. Глиняные же маски Солёного озера сопровождали скелеты. Обряд погребения здесь коренным образом отличался от предыдущего. Кости людей были положены в могилы без сохранения анатомического порядка, что свидетельствовало о том, что умершие до очищения их от мышечных тканей находились вне погребального склепа. После очищения костей от тканей на черепе изготавливалась маска, и их помещали в склеп. К. Горощенко непонятным было применение масок при трупоположении, так как культ масок естествен при сожжении трупов, когда необходимым было сохранение индивидуальных особенностей умершего, что достигалось с помощью портретных масок. В первом же случае изготовление их он считал пережиточным формальным явлением, объяснимым заимствованием обряда масок, который был неправильно понят и извращён. [69] Ничего необычного, по мнению К. Горощенко, в существовании культа погребальных масок нет, так как идея сохранения индивидуальных черт умерших универсальна и аналогична по своей сути бальзамированию трупов и захоронению вместе с покойником его скульптуры. Это всего лишь разные формы выражения этой идеи. [70]

Не менее интересным явлением считал К. Горощенко наличие в курганах А.В. Адрианова трепанированных черепов. Внимательное их изучение показало, что операция производилась непосредственно после смерти. Связано это было, по мнению К. Горощенко, по-видимому, с рядом причин. Во-первых, дать возможность душе быстрее покинуть тело; во-вторых, для удаления мозга, который мог использоваться в качестве жертвенной пищи, или же для каких-то иных целей; в-третьих, для изготовления из черепа амулета. Наиболее вероятным объяснением трепанации он считал предварительную подготовку черепа к покрытию его глиняной маской. [71]

С.К. Кузнецова мало интересовала технология изготовления масок, связь их с тем или иным обрядом погребения, для него важным было выявить универсальные свойства масок. Для этого он подверг анализу все известные в то время факты использования масок в погребениях, в результате чего выделил две основные разновидности — маски и маскоиды. Маскоиды представляли собой своеобразно оформленный и соответствующим образом раскрашенный человеческий череп. Единственными для конца XIX в. находками маскоидов были находки в Перу и вот теперь в Сибири, в кургане Солёного озера. Маски же, по мнению С.К. Кузнецова, широко использовались древними народами, в частности алеутами, при захоронении шаманов и вождей. Свои маски алеуты также раскрашивали, придавая им устрашающий вид. По мнению С.К. Кузнецова, маски и маскоиды служили средством соединения с высшим божеством, что давало возможность их владельцу обрести сверхчеловеческие способности. Маска должна была помочь умершему благополучно прибыть в потусторонний мир, охранять его покой в могиле и облегчить душе возвращение в покинутое тело. [72]

Оба автора единодушны были в том, что решение проблемы появления масок в Сибири является делом сложным и потребует в будущем значительных усилий. Оба отметили оригинальность и своеобразие бронзовой культуры Минусинской котловины, носители которой в антропологическом отношении выражали однородный с незначительными примесями тип. Бронзовый инвентарь свидетельствовал о поступательном развитии общества, о единстве материальной культуры, об отсутствии внешних влияний. Культ масок использовался маленькой группой населения и существовал непродолжительное

время. [73] С.К. Кузнецов определил два возможных пути решения проблемы: в Минусинской котловине существовала высокоразвитая культура, в недрах которой совершенно самостоятельно, без каких-либо внешних импульсов возник культ масок, или же эта высокоразвитая культура появилась на Среднем Енисее с готовой религиозной системой из Юго-Западной Азии (Средний и Ближний Восток, Египет).

Раскопки второй половины XIX в., проводившиеся В.В. Радловым, Д.А. Клеменцем и А.В. Адриановым, заинтересовали и А.А. Спицына, в особенности материалы, связанные с коллективными могилами. Коллективные могилы среднего Енисея, по его мнению, имели характер родовых склепов, рассчитанных на несколько поколений. Сооружались они, по-видимому, в следующем порядке: сначала вырывалась яма, затем в ней строили сооружение, напоминавшее зимнее жилище некоторых сибирских кочевников, которое сверху перекрывалось накатом из брёвен. После заполнения склепа умершими поверх бревенчатого наката несколькими слоями укладывалась берёста, после чего всё это засыпалось землёй. Со временем берёста заменяется камнями, а насыпь становится незначительной. На основании того, что в склепах очень редки сохранившиеся анатомический порядок скелеты, А.А. Спицын делает вывод о существовании двукратного обряда захоронения. Трупы до помещения их в склеп хранились в спе-

(93/94) ^

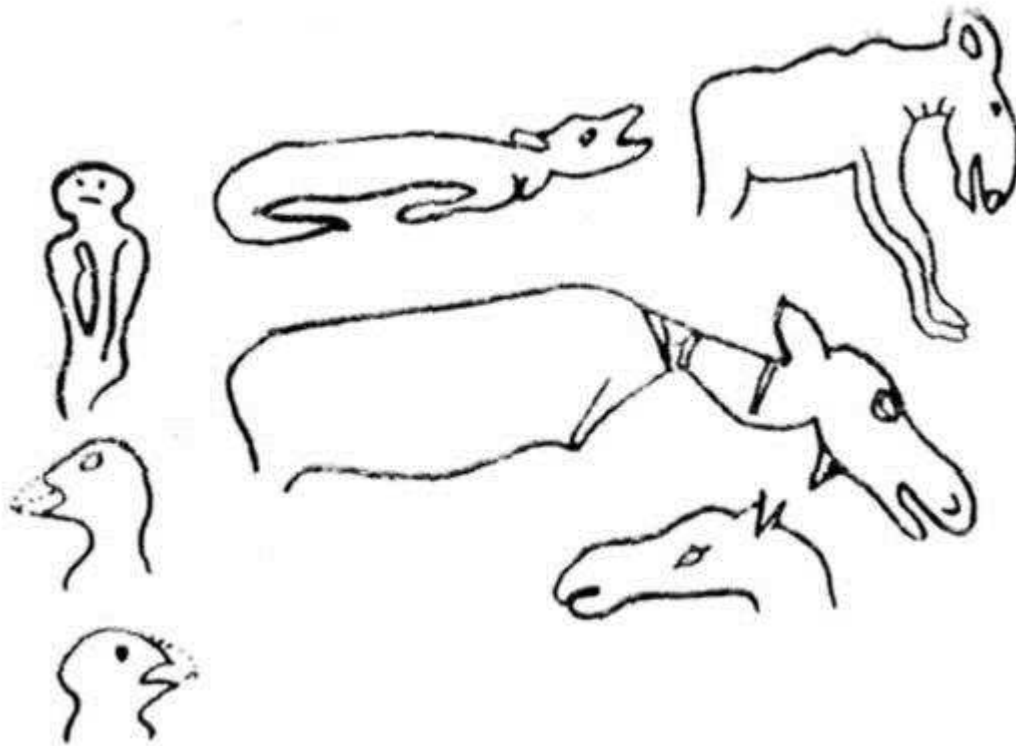

Рис. 30. Скульптурки из кости с поселения у с. Базаиха.
(Открыть Рис. 30 в новом окне)

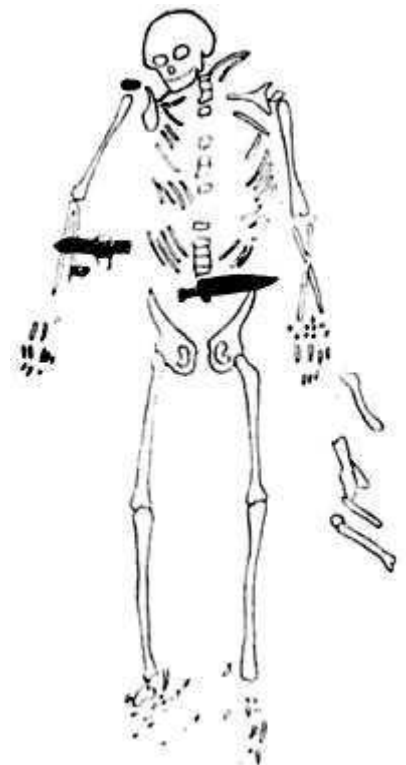

Рис. 31. Погребение на р. Узунжул.
Раскопки И.Т. Савенкова.
(Открыть Рис. 31 в новом окне)

циально отведённых для этого местах, чтобы они могли очиститься от мышечных тканей. По истечении определенного срока склеп подвергался сожжению. Восстановить и деталях процесс сожжения склепа А.А. Спицын считал делом сложным. Он допускал мысль, что следы огня на стенах склепа, человеческих костях не являлись результатом сгорания, так как встречаются склепы, где следов огня нет. Вполне возможно, что в склепе разводили простой жертвенный костер, пламя которого могло распространиться на деревянное сооружение. [74]

Вещи из курганов с коллективными могилами А.А. Спицын датировал I-II вв. н.э. Оставлены эти памятники были, как он считал, хакасами. Этот погребальный обряд существовал ещё несколько веков, претерпев значительные изменения, уменьшились размеры склепов, появились вокруг насыпей ограды из камней, а на самых поздних стали выбивать надписи.

И.Т. Савенков принадлежал к той замечательной плеяде любителей-археологов второй половины XIX в., которые оставили заметный след, работая на уровне профессионалов, не только в разработке

практической археологии, но и в теоретическом осмыслении богатого археологического материала. И.Т. Савенкову принадлежит открытие палеолита на Енисее (Афонтова гора, 1883 г.), он раскопал неолитическое поселение у с. Базаиха под Красноярском, давшее ставшие теперь классическими скульптурки животных из кости (рис. 30). Полевые археологические исследования И.Т. Савенкова не ограничивались районом Красноярска. В 1884 г. он совершает ряд поездок по среднему Енисею, которые свидетельствуют о его широких научных интересах. На р. Мане он скопировал несколько групп наскальных рисунков, выполненных охрой. Во время путешествия по Минусинской котловине, помимо разведочных работ, он совместно с И.П. Кузнецовым-Красноярским раскопал курган на руч. Узунжуд (рис. 31). Разведочные работы проводились не только с целью выявления самых разнообразных памятников, но и для составления археологической карты, которая в основном была закончена в 1886 г. В ходе этих исследований И.Т. Савенков сделал выводы о сосуществовании каменного и бронзового инвентаря в бронзовой культуре Минусинской котловины и о существовании на дюнах стоянок с культурными остатками разных эпох, начиная с каменного века и кончая железным. С 1885 г. начинается детальное обследование наскальных рисунков — работа, ставшая смыслом его жизни, которой он посвятил 25 лет неустанного труда.

Первое, самое беглое знакомство с некоторыми писаницами и сравнение их с копиями, которыми пользовались Г.И. Спасский и Н.И. Попов, показали, что сделаны они были совершенно неудовлетворительно и в силу этого не могут быть использованы в качестве научно достоверного источника в исторических исследованиях. И.Т. Савенков вырабатывает наиболее приемлемый для себя метод работы с наскальными рисунками — сначала он делает общий детальный осмотр писаницы, затем рисунки копируются и наиболее интересные из них фотографируются для того, чтобы при сравнении копии и фотографии выявить точность первой, и только после этого, если результат положительный, наступает период теоретического осмысления полученного материала. К сожалению, метод эстампирования на первом этапе работы с наскальными рисунками И.Т. Савенкову был не известен, но даже тогда, когда И.Р. Аспелин, а затем и А.В. Адрианов применили его в полевой работе, он продолжал копирование от руки, на глазок, что, несмотря на тщательность работы художника, неизбежно приводило к неточностям. И.Т. Савенков скопировал рисунки с писаниц на р. Мане, у с. Караульного, с Сисимской, Бирюсинской, Шалаболинской, Майдашинской, Атамановской, Тесинской, Потрошиловской, Оглахтинской, Абакано-Перевозинской, Трифоновской и Копёнской писаниц. Собрал сведения о рисунках с утёса «Синий камень» (р. Туба), с гор Унюк и Туран, у деревень Галактионовой и Кавказской, а также у Кармаковской заимки.

В 1894 г. И.Т. Савенков уезжает в Варшаву, откуда возвращается только в 1904 г., теперь уже в Минусинск, где занимает пост директора музея (Н.М. Мартыанов умер в 1904 г.). Здесь И.Т. Савенков продолжает свои работы по исследованию писаниц, изваяний и составлению археологической карты. [75]

Раскопки курганов на рч. Узунжуд, а также наблюдения, полученные в результате разведок, позволили И.Т. Савенкову критически отнестись к существовавшим классификациям курганов и признать наиболее рациональной типологию В.В. Радлова. Взяв ее за основу, И.Т. Савенков выделил пять типов курганов, каждый из которых должен был соответствовать определённому этапу в развитии бронзовой культуры Минусинской котловины или же принадлежать пяти разным народам, жившим здесь в то отдалённое время. [76] В развитии бронзовой культуры И.Т. Савенков выделил два периода — медный и бронзовый. Носители чисто медной культуры, как он считал, появились на среднем Енисее, сменив неолитическое население, задолго до нашей эры и только за несколько веков до начала нашей эры освоили производство бронзы. Именно им, носителям медно-бронзовой культуры, принадлежали не только многочисленные и разнообразные курганы, но и основная масса наскальных рисунков.

В сибирской археологии XIX в. исследованию писаниц придавалось исключительное значение, ибо в них видели древнейшие формы письма, расшифровка которого позволила бы проникнуть в далекое прошлое края. Работы Г.И. Спасского и Н.И. Попова по расшифровке «письма» не дали пока, по мнению И.Т. Савенкова, никаких результатов. Связано это было не только с тем, что копии Л.Ф. Титова были крайне неудовлетворительны, но и потому, что рисунки и знаки на скалах и курганных камнях не являлись, как считал И.Т. Савенков на первом этапе своих исследований, отражением каких-то форм или этапов развития письменности у сибирских народов. Как и его предшественники, И.Т. Савенков

видел в наскальных рисунках достаточно серьёзный исторический источник, способный ответить на многие вопросы по истории религии и культуры, рассказать о хозяйственном укладе древних народов. Но самое главное заключалось в том, что рисунки являлись бесценным памятником изобразительного творчества первобытного человека. При всей их кажущейся грубости они несли на себе печать удивительного знания мира животных. Отсутствие же человека на этих первобытных «полотнах» объяснялось, по мнению И.Т. Савенкова, тем, что человек находился ещё пока во власти природы, которая его подавляла, мир диких животных владел всеми его помыслами, первобытный художник ещё не освободился от интеллектуального груза каменной эпохи. Являясь продуктом художественного творчества, рисунки не несли в себе никакого символического смысла. Поэтому нет никакой необходимости, говорил И.Т. Савенков, навязывать древнему человеку представления и действия, которые не были присущи ему. И только у самых поздних рисунков он допускал существование магического по содержанию смысла. К таким относились, по его мнению, нарисованные красной охрой рисунки, отражавшие влияние шаманизма. Понимание их возможно лишь при серьёзном изучении значения изображений на шаманских бубнах, онгонах и на затесах деревьев. [77]

Принципы относительной датировки рисунков И.Т. Савенков разработал ещё до своего отъезда в Варшаву. Их хронологическое деление он считал возможным, во-первых, по способу нанесения рисунков на скалу, во-вторых, по степени совершенства художественного мастерства и, в-третьих, по сюжетам сцен, изображённых на писаницах. Всю совокупность рисунков на скалах и курганных камнях он отнёс к медно-бронзовой эпохе. Первые из них появились в конце переходной эпохи от неолита к медно-бронзовому веку, а исчезли в начале раннего железного века. О генетической преемственности между неолитическим искусством и изобразительным творчеством медно-бронзовой эпохи среднего Ени сея свидетельствовало удивительное, по мнению И.Т. Савенкова, сходство рисунков оленей и лосей с р. Тубы и скульптурок этих животных с Базаихской неолитической стоянкой (рис. 32). Сходство это — в натуралистичности изображений, которое объяснялось тем, что создавались они (рисунки) в переходное от охоты к скотоводству время, когда сознание человека ещё полностью находилось во власти идей и представлений каменного века.

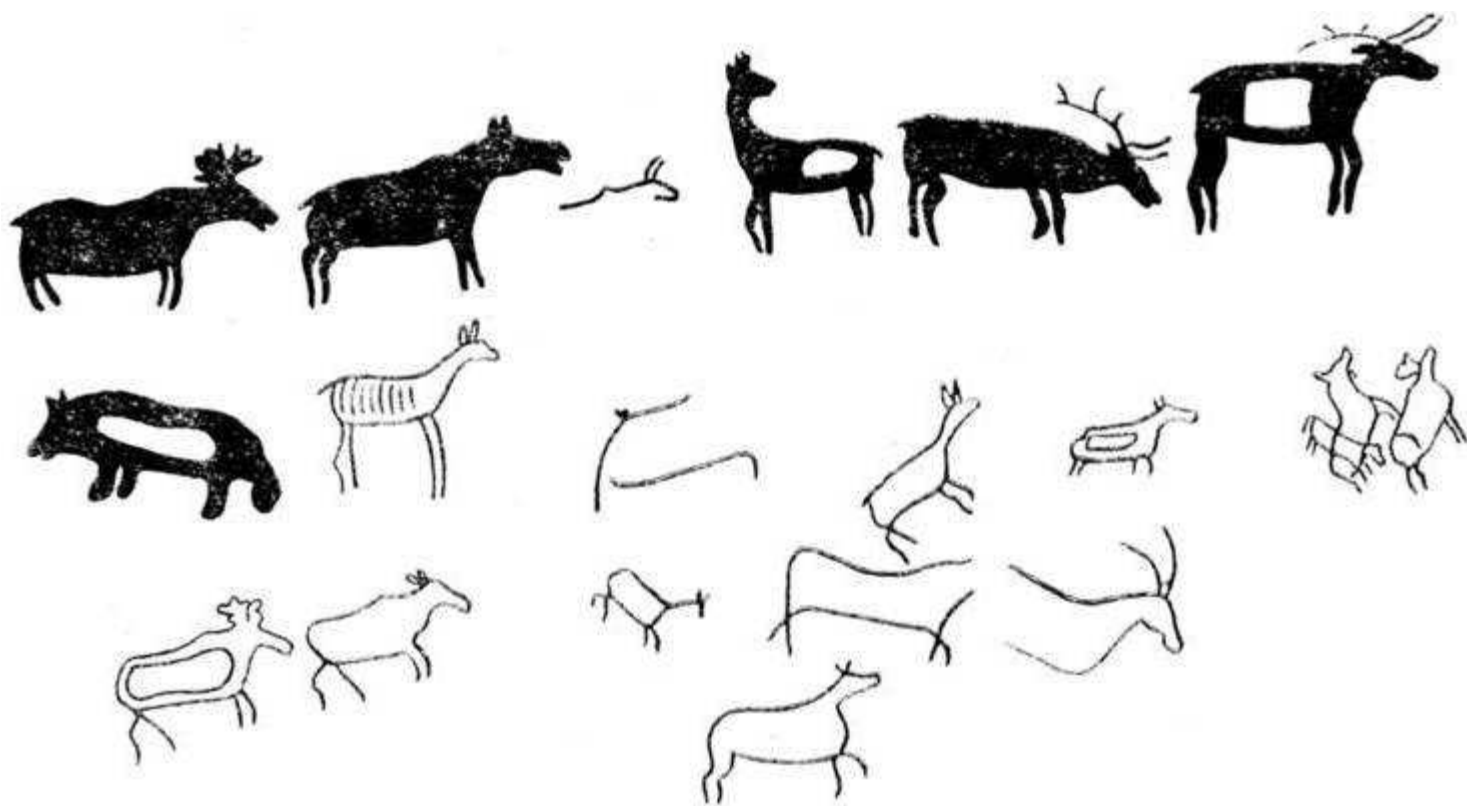

Рис. 32. Рисунки с р. Тубы (копия И.Т. Савенкова).

Поэтому чем натуралистичнее рисунки, чем они ближе к реальной действительности, тем древнее (рис. 38). Для развитой медно-бронзовой культуры, для последних её этапов, характерны стилизованные и схематичные рисунки предметов, животных и людей. Появление на писаницах изображений человека свидетельствовало, как считал И.Т. Савенков, об определённых изменениях в сознании древнего человека и о более позднем их характере, например рисунки Копёнской писаницы, где основным

персонажем является человек (см. рис. 33). Древность рисунка зависела также и от его художественного совершенства — чем более мастерски он выполнен, тем древнее. Грубость и неправильность линий свидетельствовали об утрате художественного мастерства, о более позднем времени их создания. Наиболее надёжным способом определения древности рисунка И.Т. Савенков считал анализ техники нанесения рисунка на камень. Наиболее ранние рисунки выполнялись глубокой резной линией, немного позже появляются фигуры, выполненные сплошной мелкой точечной выбивкой, и самые поздние делались крупной запятовидной выбивкой или же едва заметной прерывающейся резной линией. Внимательное изучение И.Т. Савенковым Шалаболинской писаницы привело его к выводу, что рисунки на ней разновременны, а значит, и на других писаницах они вряд ли созданы в одно время. Он отказывается от композиционного рассмотрения писаниц, признавая за каждым в отдельности рисунком

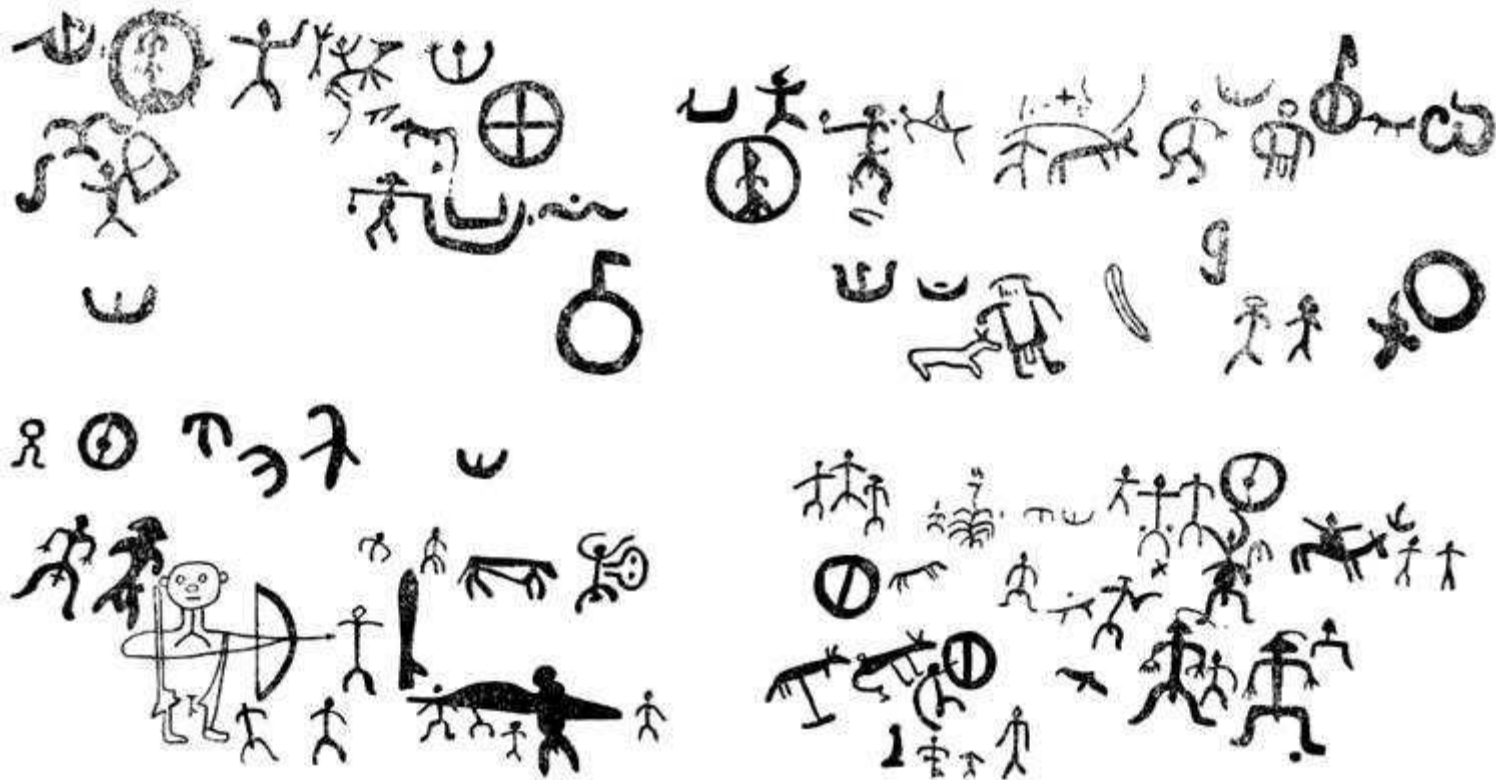

Рис. 33. Рисунки с Копёнской писаницы (копия И.Т. Савенкова).
(Открыть Рис. 33 в новом окне)

право на самостоятельное смысловое значение. [78] Выводы И.Т. Савенкова о разновременности рисунков для многих из них верны, но отказ от рассмотрения памятника как единого целого там, где это было возможно, свидетельствовал о шаге назад в изучении писаниц по сравнению с Г.И. Спасским и Н.И. Поповым.

В последние годы жизни в Красноярске И.Т. Савенков пересматривает свои взгляды относительно петроглифов Минусинской котловины. Как и его предшественники, в наскальных рисунках он видит теперь знаки письменности, отражающие различные ступени её эволюции. Поворот к прямо противоположным выводам на первый взгляд кажется совершенно неожиданным. Расшифровка орхонской письменности, а затем и енисейской должна была утвердить его во мнении, что никакой связи между рисунками и фонетическими знаками не существовало. Но произошло обратное. Это научное открытие заставило И.Т. Савенкова во всех видах енисейских петроглифов увидеть определённые формы письменности, не фонетической, а более примитивной, давшей впоследствии енисейское алфавитное письмо. [79]

Анализ рисунков, знаков, тамг со скал и курганных камней, сравнение их с буквами енисейского алфавита натолкнули его на мысль, что все они генетически связаны между собой и отражают ступени развития письма на Енисее. Сравнение енисейского алфавита с орхонским и тукюзеским позволило И.Т. Савенкову высказать мысль о том, что енисейское письмо является более древним по сравнению с

последним, а в силу этого оно может стать ключом к выяснению генезиса наскальных рисунков Енисея. [80]

В свою очередь тщательное изучение звериной пластики и орнаментики бронзового инвентаря выявило их религиозное назначение. Сравнение пластики и изобразительного материала писаниц обнаружило много общих элементов, что позволило И.Т. Савенкову увидеть в петроглифах стилизованные отображения определённых религиозных представлений. Чтобы проверить истинность своих выводов, он обратился к изучению литературы по археологии, этнографии, лингвистике, истории религии, культуры, психологии, истории языка и шрифтов, танцев.

То, что орхонский алфавит уходил своими корнями на Ближний Восток, заставило И.Т. Савенкова сделать упор на изучении древней Индии, Египта, Среднего и Ближнего Востока и прилегающих районов Средиземноморья. Переезд в Варшаву, где он имел возможность познакомиться с последними достижениями европейской науки, облегчил ему этот титанический труд. Первое знакомство с литературой подтвердило выводы И.Т. Савенкова о религиозном характере петроглифов Енисея. Он выяснил, что в религиозной практике древних народов Востока и Средиземноморья исключительное значение придавалось мимике, жестам («телодвижениям») как универсальному религиозному языку, который нашел отражение в различных доалфавитных системах письма.

Для И.Т. Савенкова было аксиомой то, что человечество едино и развивается по одним законам, в каком бы уголке земного шара люди ни находились. Поэтому отмеченные выше особенности в религиозной практике должны были быть присущи древним народам Енисея. И у них религиозным языком был язык жестов, а петроглифы являлись знаками этого языка, с их помощью велась запись культовых обрядов. [81] Доказательству и обоснованию этой идеи посвятил И.Т. Савенков последних два десятилетия своей жизни. Многие культурные достижения человечества, считал И.Т. Савенков, такие, как язык и письмо, непосредственно связаны с развитием мышления. Его начальной ступенью было предметное мышление, затем наступила переходная фаза, характеризовавшаяся постепенной заменой чувственного восприятия «отвлечёнными символами». На третьей стадии человек мыслит только «отвлечёнными символами». На четвертой наступает «активная форма мышления» с развитым самосознанием и способностью выявлять причинно-следственные связи. Высшей же ступенью развития мышления является «внечувственное мышление». [82]

Первые три типа мышления были присущи «доисторическому» человеку, а два последних «историческому». Исключительно важное значение в развитии языка и письма, считал И.Т. Савенков, принадлежало потребности человека в общении с себе подобными, в стремлении выразить своё душевное состояние. На стадии предметного мышления звуковая речь отсутствовала и средством выражения мыслительных процессов был мимический язык, язык жестов, когда мысль выражалась соответствующими движениями всего тела. [83]

Эта примитивная форма общения должна была выражаться соответствующей формой письма, которую И.Т. Савенков определил как конкретно-графическую. Так появляются первые рисунки и знаки конкретных предметов (животных). Конкретно-графическая форма письма прошла в своем развитии две стадии — пиктографическую и сигнографическую. Пиктография — картинное письмо, состоящее из рисунков людей, животных и различных предметов. Эта форма письма тяжела для «написания» и восприятия, поэтому рисунок постепенно упрощается, схематизируется и превращается в знак, становится графической моделью предмета — сигнограммой (рисунки на Тубе — пиктограммы, на Копёнской писанице — сигнограммы). Пиктография и сигнография есть лишь первый шаг на пути к основной форме доалфавитной системы письма — мимикографической, «записывающей» рисунками и знаками «телодвижения» и жесты. Запись мимической речи со временем усложняется и превращается в схему знаков «телодвижений» и жестов, что приводит к возникновению символов, графическому выражению процессов абстрагирования в сознании человека (вторая ступень развития мышления). [84]

Загадочные же знаки и символы — последняя ступень в развитии доалфавитной системы письма. И.Т. Савенков считал, что петроглифы Енисея не только идеально отражали приведённую выше схему развития письма, но и подчеркивали исключительно важное значение, которое в прошлом придавалось мимическому языку и его графическому выражению. В этом он видел научное значение наскальных

рисунков и их исследования. В соответствии со схемой развития письма И.Т. Савенков классифицирует петроглифы Минусинской котловины. Все они подразделяются им на три большие группы — рисунки, знаки, символы. Рисунки, по его мнению, являются художественным отображением людей, животных, предметов и могут восприниматься, с одной стороны, как художественное произведение, а с другой — как отражение предметной стадии развития мышления и в силу этого как пиктографическая форма письма, как инстинктивная, неосознанная форма передачи мыслей, чувств и представлений и в конечном итоге как графические модели идолов, фетишей и прочих атрибутов культовой практики.

По технике исполнения и по натуралистичности изображения рисунки разбиты И.Т. Савенковым на четыре категории. К первой категории он относит законченные рисунки, правдиво и жизненно передающие характерные особенности животных. Вся поверхность рисунка выбита мелкой точечной выбивкой, или же контур сделан глубокой резной линией. Ко второй категории — удовлетворительно выполненные рисунки точечным, запятовидным или линейным контуром. У животных не все части тела прорисовывались, что связано было, как считал И.Т. Савенков, с требованиями культа. Третья категория рисунков делалась той же техникой, что и предыдущая, по контур рисунка между передними и задними ногами не прорисовывался. Рисунки четвертой категории несовершенны, выполнены выбивкой или же нарисованы красной краской. Все четыре категории отражают постепенную эволюцию рисунка к знаку и символу (рис. 31). И если первые рисунки представляли собой схематичное изображение человека или животного, то вторые выражали крайнюю степень обобщения и схематизации знаний о предмете (рис. 35).

И.Т. Савенков постоянно отмечал связь петроглифов с первобытной религией, которая выражалась не только в том, что рисунки являлись своего рода графическим выражением религиозного языка, но и в том, что основной движущей силой в происхождении и развитии письма являлась религия. Потребность в общении с богами заставила человека выработать понятный всем язык, которым оказался язык мимики и жестов. С его помощью люди обращались с молитвами к богам, выражали почтение и покорность перед ними. Но боги, по-видимому, не всегда «замечали и принимали» человеческие обращения. Поэтому человек приходит к необходимости найти такое средство общения с высшими существами, которое бы действовало продолжительный отрезок времени, а может быть, и вечно. Таким средством могли быть рисунки, с помощью которых можно было запечатлеть просьбу к богам, показать то, что необходимо человеку. Но человека не устраивала односторонняя связь «человек к богу», ему необходимо было знать и ответную реакцию богов, поэтому разрабатывается система знаков и символов, отражавшая эту обратную связь. В рисунке человек выражал не только своё обращение к богам, но и указывал, что ему нужно их благословение и обязательное получение того,

Рис. 34. Рисунки Майдашинской писаницы (копия И.Т. Савенкова).

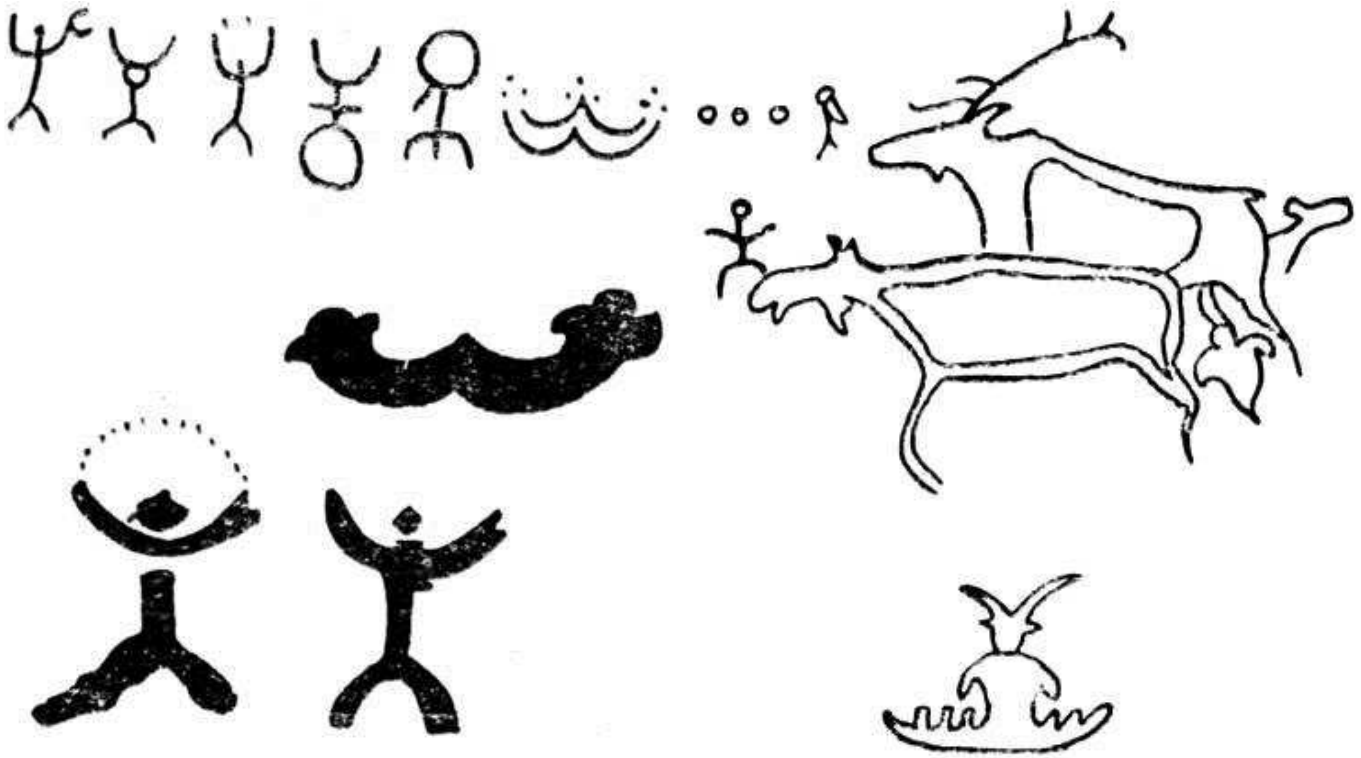

Рис. 35. Символы с Сулекской писаницы (копия И.Т. Савенкова). Рис. 36. Оглахты. Рисунки и знаки (копия И.Т. Савенкова).

что от них требуется. В силу этого на графическое изображение молитвенных движений обращалось самое пристальное внимание, тщательно подчёркивалось положение рук, ног, головы и других частей тела. Графически выраженная молитва имела большую силу, чем обычная, так как она постоянно напоминала о себе, требуя ответа. [85] Чтобы рисунок был вечным, его наносили на скалу. Это делалось ещё и потому, что некоторые скалы, по представлениям древних людей, служили обиталищем духов и низших божеств, являвшихся слугами верховного бога.

Религия древних аборигенов Минусинской котловины находилась на той стадии развития, когда её основным отличительным признаком, стержнем, как считал И.Т. Савенков, был обычай жертвоприношения, без которого связь с божествами была немыслима. Поэтому енисейские петроглифы, будучи средством общения людей с богами, отражали в основном эту обрядность, выражая одновременно и просьбу и ответ. Так, на Абакано-Перевозинской писанице один из рисунков представляет молящегося человека, стоящего на широко расставленных ногах и с поднятыми вверх руками, выбитыми дугообразно. Голова моделирована в виде треугольника, обращённого вершиной вверх. Обращение человека с молитвой к верхним божествам выражают поднятые вверх руки. По ним же, сверху вниз, придёт к человеку благословение. Дугообразность рук, по мнению И.Т. Савенкова, выражает обязательность получения человеком благословения бога в каких-то делах, а в конической выбитой голове выражена идея полученного благословения (см. рис. 34, 35). Вообще у И.Т. Савенкова незамкнутые дугообразные фигуры — символы — обозначали идею обращения и получения в будущем благословения. Таковыми являлись но только соответствующим образом оформленные руки, но и рога животных. Замкнутые же фигуры — треугольники, ромбы, окружности, дуги, концы которых соединены линией, — выражали идею полученного благословения (см. рис. 35).

На Абакано-Перевозинской писанице есть символ молитвы небожителям, представленный рисунком головы с шеей. Туловище и ноги не прорисованы, так как в молитве никакого участия не принимают. [86] Идея жертвоприношения выражалась обычно многофигурной композицией. На этой же писанице есть рисунок человека и лося. Человек стоял со сдвинутыми ногами и поднятыми вверх дугообразными руками. Левая короче, она, по мнению И.Т. Савенкова, сжата в кулак, правая дана с вытянутой дланью, обращённой к солнечному божеству, так как правая рука является выразителем солнечного культа. Лось стоял с опущенной головой, почти касаясь правого бока человека. Вся его фигура выражала покорность и свидетельствовала о готовности стать жертвой.

В группе человеческих фигур на Оглахтинской писанице И.Т. Савенков увидел сцену камлания. Главная фигура представлена шаманом с бубном и колотушкой в руках. Рядом с ним — неясная фигура духа-покровителя. Вправо от них изображён был человек с широко расставленными ногами и дугообразными руками, опущенными вниз, что свидетельствовало об обращении к подземным божествам. [87]

Одновременное обращение к небесным и подземным божествам, по мнению И.Т. Савенкова, выражалось двумя способами. Первый способ представлен рисунком группы людей, сидящих в лодке, один из которых изображён в двурогой шапке и с опущенными вниз дугообразными руками (рис. 36). С помощью рук человек обращается к хтоническим божествам, а рога шапки просят милости у небесных богов. [88] Второй способ выражен в рисунках людей, находящихся как бы в круговом вращении, которое означало обращение с молитвой вверх, вниз, вправо, влево, так как окружавший человека мир в пространственных измерениях населён был сверхъестественными существами, обращение к которым необходимо. Аналогичная идея заложена была в крестообразных символах, концы которых указывали на направление молитвы и получения благословения.

И.Т. Савенков, тщательно проанализировав все известные ему изображения шаманов, представил процесс подготовки шамана к камланию в следующем виде. Шаман без головного убора подходит к бубну, который всегда рисовался выгнутой частью вверх. Выгнутая часть бубна вместе с находившимися на ней рисунками олицетворяла небо и его обитателей и одновременно являлась знаком благословения земле и шаману. Широко расставив ноги, шаман обращался к земле и, получив её благословение, брал бубен, сохраняя прежнее его положение, поднимал над головой. После всего этого над головой шамана появлялась шапка, части которой имели различное символическое значение: нижняя часть шапки представляла землю, а верхняя — небо, «парящий над ней птицеобразный символ — благословение неба, в несимметричности и удлинённости одного крыла благословляющего знака птицы, показателя и возбудителя молитвы, который на петроглифе касается бубна, есть основание усматривать эсвидную колотушку», [89] соединяющая небо и землю линия есть сам шаман. Шаман касался шапкой бубна и получал таким образом из рук небесного божества колотушку. Затем надевал шапку так, чтобы длинное крыло птицеобразного символа находилось справа над колотушкой.

Определёнными жестами касался колотушкой бубна и птицеобразного символа на шапке, после чего начинал камлать. И.Т. Савенков отмечал далее, что змея являлась непременным участником шаманских мистерий. Спиралевидное её изображение было своеобразным инструментом молитвы, по которому она направлялась к нужному божеству. Спираль была, по мнению И.Т. Савенкова, более совершенным прибором, так как в кольце или круге молитва-обращение гасилась ниспосланным божеством благословением, они встречались в замкнутой фигуре, ослабляя друг друга. В спирали же молитва и ответ божества «не встречались между собой... и не препятствовали действующим непрерывно символам овладеть вниманием и милостью богов и духов и задерживать ниспосылаемую божественную силу между оборотами спирали». [90]

Наиболее совершенными религиозными символами И.Т. Савенков считал каменные изваяния, среди которых своей выразительностью выделялась стела из-под улуса Тазмина на р. Бирь. [91] Тазминская стела представляла собой вытянуто овальную плиту, на одной из плоских граней которой были изображены одна над другой две антропоморфные личины.

Первая попытка интерпретации верхней личины И.Т. Савенковым несколько отличается от той, что дана им в монографии. Она (личина) представляла солнечное божество, у которого левый глаз был восходящим солнцем, средний — полуденным, а правый — вечерним. Всё это изображение может олицетворять подземное небо с солнцами. В процессе последующей работы над изваянием И.Т. Савенков изменил своё мнение относительно верхней личины, признав в ней изображение божества — посредника между людьми и верховными богами. Нижняя же личина олицетворяла, по мнению исследователя, душу умершего. Контур лица верхней личины прямоугольный с закруглёнными углами. В самой верхней части личина снабжена тремя глазами, разделёнными двумя дугообразными линиями. Два крайних глаза земные, третий, средний, — небесный глаз, он изображён чуть выше земных. Ниже глаз проведены две глубокие параллельные линии, отделяющие верхний сектор личины от остальной части. Получившаяся замкнутая дуга, по мнению И.Т. Савенкова, означала поклонение

небесному глазу. Носа нет, его заменяют два кружка, символизирующие ноздри. По бокам кружков даны по две короткие вертикальные волнистые линии, соединяющиеся с волнистыми же горизонтальными линиями, проходящими через всю личину и отделяющими нижнюю часть от средней. Рот большой, овальный, с загнутыми вверх углами, что выражает молитву небу. В нижней части личины, как раз напротив уголков рта, даны опущенными вниз изображения не то рук, не то ног, которыми изображенное существо охватывает верхнюю часть нижней личины. [92]

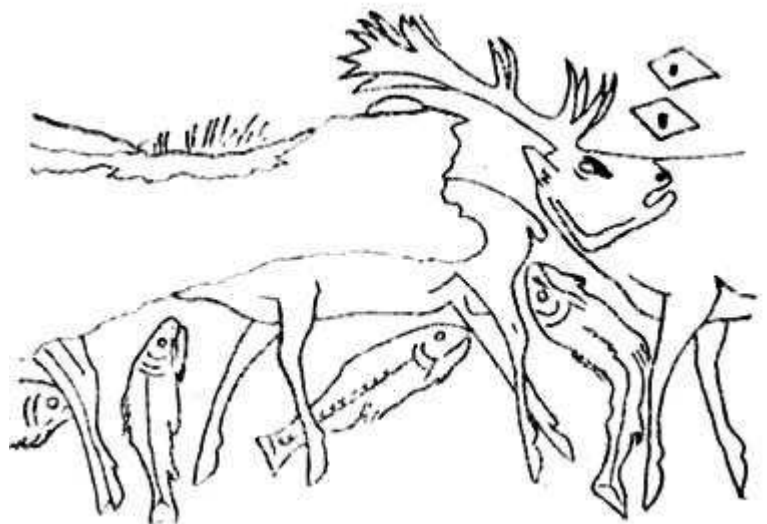
Над каждым из глаз видны стилизованные, заключенные в овал фигурки молящихся человечков с широко расставленными ногами и поднятыми вверх руками. У средней фигуры окончания рук и ног соединены ещё линиями. (Просто овал у И.Т. Савенкова означал благословение, а овал с этими линиями — двойное благословение.) Линии рук вне овалов продолжают идти вверх. У боковых фигур одна рука изображена с небольшим отростком, что показывает, по И.Т. Савенкову, молитвенное отделение большого пальца от ладони. У средней фигуры ладони обеих рук сжаты в кулак. Эти три человеческие фигурки олицетворяют духов глаз, которые обращаются через них с молитвами к солнцу или небу, как к верховному божеству. Остальные лучи — линии, идущие непосредственно от личины, — являются, по мнению И.Г. Савенкова, руками-символами, обращенными к верховному божеству с молитвой. Две из них, расположенные рядом с двумя крайними фигурами «духов», оканчиваются кружками с точками в центре, что символизирует жертву небу или солнцу, в данном случае глаза умершего.

Нижняя личина представлена на стеле вытянутым сверху вниз прямоугольником, разделенным горизонтальной чертой на две неравные части. Этот необычайно стилизованный рисунок лица человека являлся, как уже указывалось, изображением души умершего. От верхней линии личины вверх идут две извилистые черты, обозначающие рога, что свидетельствует о праве души на непосредственное общение с богами и о возможном получении душой благословения. Но овал рук или ног верхней личины ограничивает эти права и не позволяет душе, минуя изображённое выше божество, снестись с верховным божеством. Заключив в свои «объятия» душу, божество само обращается с просьбой сопроводить душу в потусторонний мир. Таким образом, верхняя личина тазминской стелы представляла хтоническое божество, которое у большинства восточных народов изображалось в виде антропоморфированной личины. И.Т. Савенков полагал, что в обязанности этого божества входило накладывать на душу умершего знак благословения и, обращаясь с молитвой к верховному божеству, принести в качестве жертвы «глаза» умершего, затем, получив благословение высшего небожителя, препроводить душу в потусторонний мир. «Главное, значение этого религиозного символа — не устрашающее, а охраняющее: сила охранения заключается в каноническом однообразии начертаний», — писал И.Т. Савенков. [93] Божество тазминской стелы, по его мнению, ближе по своему значению Гермесу-Психону, хотя имеет аналогии с божествами древнеиндийской мифологии Пушаном, Агни, Джагернатхом. Аналогичным образом интерпретируются изваяния из-под улусов Батанакова и Чиркова, с р. Беи.

Выше уже отмечалось, что И.Т. Савенков основной движущей силой в происхождении и развитии письма считал религию. В главных очагах развития человеческой цивилизации письмо возникло относительно самостоятельно. Это же относится и к сред

Рис. 37. Плывущие олени. Ларте. Франция.

нему, Енисею где многочисленные памятники письменности (петроглифы, енисейский алфавит) свидетельствовали о самостоятельных путях развития енисейской письменности, которая несла на себе печать некоторого своеобразия и обособленности, несмотря на ярко прослеживаемое влияние древних цивилизаций Китая, Индии, Среднего и Ближнего Востока и Средиземноморья. [94] И.Т. Савенков справедливо полагал, что истоки этого своеобразия следует искать в енисейском неолите и палеолите, существование которых

он доказал раскопками у Базаихи и находками на Афонтовой горе.

Искусство бронзовой эпохи Енисея стилизовано, схематично. Это свидетельствовало, по мнению И.Т. Савенкова, о тысячелетиях его развития, о том, что ему предшествовало натуралистическое искусство неолита и палеолита. Связующие звенья между эпохами существуют. На р. Тубе есть рисунки животных настолько натуралистически выполненные, настолько схожие со статуэтками Базаихской стоянки, что сомнений в генетической преемственности между неолитическим искусством и искусством бронзовой эпохи не должно быть.

В свою очередь, неолитическое искусство Енисея, представленное статуэтками Базаихи, настолько развито, что должно иметь глубокие корни в палеолитическом искусстве, которое на Енисее еще не было найдено, но И.Т. Савенков не сомневался в том, что это произойдет и что оно будет аналогичным европейскому, так как он не видел большого различия в палеолитических культурах Северной Азии и Европы. Поэтому он считал вполне допустимым привлечение в качестве сравнительного материала образцов европейского палеолитического мобильного искусства, в котором видел бесспорное доказательство появления пиктографической и сигнографической систем письма в палеолите.

В качестве примера, иллюстрирующего, во-первых, натуралистичность палеолитического искусства, во-вторых, его символичность, указывающую на пиктографическую стадию письма, И.Т. Савенков приводит гравюру на кости (пещера Лортэ во Франции), где изображены переплывающие реку олени. Несмотря на полнейшую натуралистичность рисунка и всей сцены, он увидел элементы символизации и схематизации (рис. 37). Это проявляется, по его мнению, в движениях животных, в положении ног и копыт. Ноги и копыта нарисованы вытянутыми в одну линию, что неестественно для движущегося животного. Рыбы плывут среди ног и над спиной оленей, что также, по мнению И.Т. Савенкова, невозможно в действительности. К тому же имеются «линейные сигнографы» — ромбы с поперечной чертой над животными, что является бесспорным доказательством символического значения рисунка, который «изображает согласованное с жертвенным предназначением движение трёх северных оленей, сопровождаемых и, видимо, руководимых в своих движениях, как языке культа, рыбами-жертвоприемателями». [95]

И.Т. Савенков представляет нам пиктографическую запись, где изображены жертвенные животные, плывущие к божествам, которым они предназначены. В рисунке последнего оленя символичен также поворот головы, указывающий на благословение следующих перед ним животных и «оставшихся» позади «жертвоприносителей». Это значение усилено двумя «сигнограммами-ромбами», помещенными один над другим так, что нижний знак относится к правому глазу, а верхний — к левому. Графические знаки свидетельствовали, по мнению И.Т. Савенкова, о существовании солнечного культа. Две другие фигуры животных также даны в условной манере. Оленей сопровождали рыбы, являвшиеся «представителями» подводного мира божеств. В изображениях рыб видна еще большая условность. Так, у рыбы, следующей за вторым оленем, два нижних плавника несколько приподняты, как бы указывают на движение вниз. Остальные нижние и верхние плавники нарисованы в развороте так, что своими уголками указывают также на движение вниз. Верхняя половина рыбы в своем движении символизирует благословение, что выражено раскрытым ртом, прикосновением лобной частью головы к оленю.

В палеолитическую эпоху язык жестов был известен не только людям, но и приписывался богам и животным, что умело выражалось в рисунках. И.Т. Савенков делает вывод, что в палеолитическую эпоху, так же как и в поздние периоды, люди изображали исключительно жертвенных животных, которым придавались «животные-спутники», являвшиеся «представителями» богов и руководившие «обрядовыми движениями жертв». [96] Люди палеолита выработали основные приёмы графического изображения языка жестов, в последующие эпохи он совершенствовался и дошёл до нас в законченном виде таким, каким он представлен петроглифами Енисея. Одно из бесспорных доказательств преемственности в изобразительном искусстве бронзовой эпохи Енисея и палеолита И.Т. Савенков видел в скульптурном оформлении рукояток бронзовых ножей и кинжалов Минусинской котловины. В мадленскую эпоху рукоятки кремневых ножей вырезались из кости в виде фигурок оленей, быков и других животных. Обращала на себя внимание, по мнению И.Т. Савенкова, совершенно определенная моделировка положения головы с полуоткрытым ртом, запрокинутыми рогами и сильно изогнутой

шей. Всё это показатели того, что изображённое животное есть жертвенное и дано в канонической позе. Аналогичными по смыслу являются скульптуры животных на бронзовых вещах среднего Енисея.

Заслуги И.Т. Савенкова перед сибирской и русской археологией значительны и не ограничиваются открытием палеолита и неолита на Енисее, сбором археологического материала в Минусинской котловине. И.Т. Савенков первым в дореволюционной сибирской археологии написал монументальную монографию, посвященную определённому типу памятников — наскальным рисункам и каменным изваяниям. Исследование петроглифов у него основано на широкой исторической, археологической и этнографической базе. Он впервые детально разработал и применил во всем его многообразии сравнительный метод. И хотя со многими выводами в работе И.Т. Савенкова трудно согласиться (например, с интерпретацией наскальных рисунков как памятников письменности), основная его идея заслуживает серьёзного внимания: ни один штрих, ни один рисунок, тем более поза изображённого человека или животного, не являются случайными — всё имеет определенный смысл, разгадка которого находится в религиозно-мифологической системе взглядов на мир первобытных народов. И.Т. Савенков первым на высоком научном уровне выдвинул и сформулировал эту гипотезу.

В самом конце XIX — начале XX в. после выхода в свет «Сибирских древностей» В.В. Радлова, экспедиций И.Р. Аспелина и раскопок А.В. Адрианова минусинские древности оказались в центре внимания ведущих русских археологов и специалистов по бронзовому веку в Европе. Старые идеи постепенно теряют своих сторонников. Так, все меньшее число приверженцев поддерживает идею распространения культурных традиций с востока на запад. Среди сибирских исследователей её продолжают отстаивать А.В. Адрианов, И.П. Кузнецов-Красноярский, а из зарубежных — У. Минз, который, продолжая идейные традиции Н.М. Ядринцева и П. Райнеке, высказывает мысль о сибирском происхождении скифской культуры. Его основным аргументом в пользу этой гипотезы являются вывод о сходстве некоторых категорий вещей из Сибири и Причерноморья, а также мнение о более древнем бытовании минусинской бронзы и в силу этого о непосредственном её воздействии на формирование скифской культуры. [97]

Но Э. Минз был последним, кто последовательно отстаивал взгляды исследователей XIX в. Постепенно все больше учёных начинают придерживаться противоположной точки зрения — идеи западного и юго-западного происхождения минусинской бронзовой культуры. Впервые в конце XIX в. мысль о возможном происхождении сибирского бронзолитейного производства с Ближнего Востока была высказана В.М. Флоринским. [98] Под влиянием же идей И.Р. Аспелина в науке утверждается мнение, что для Сибири была характерна своеобразная, во многом отличная от соответствующих по времени «урало-алтайская культура эпохи бронзы». Центр её связывался с Минусинской котловиной. Этих взглядов придерживались В.А. Городцов, С. Мюллер, О. Монтелиус, П. Рейнеке, А. Тальгрэн.

Своеобразие бронзовой культуры Сибири В.А. Городцов видел в формах ножей, кинжалов, кевцов и многих других вещей. Он очень поверхностно (опять же чисто по внешним признакам) разделил надмогильные комплексы на несколько групп, которые в общем можно свести к двум типам — «курганы и могильники». К первому типу он относил курганы с квадратной оградой, невысокой земляной насыпью и плитами по углам и курганы с высокой насыпью и четырёхугольной или круглой оградой из плит. Могильники, в его представлении, состояли из нескольких сомкнутых между собой оградок с одной могилой внутри её. В особый тип памятников, названный им менгирами, В.А. Городцов выделил отдельно стоящие вертикальные плиты, удаленные от курганов на 10-50 м. [99] Из бронзового инвентаря наиболее интересными для В.А. Городцова оказались кельты, среди которых он выделил ряд типов. Безушковые кельты довольно крупных размеров с ромбическим и простым линейным орнаментом, распространившиеся из Сибири через Урал в Восточную Европу в начало II тыс. до н.э. Этот тип кельтов явился исходной формой для формирования, как и в Сибири, нескольких типов кельтов с одним, двумя, тремя ушками и даже с «ушком на полотне». [100] Ярким элементом бронзовой культуры Сибири В.А. Городцов считал звериную пластику с характерным для неё синтезом реализма и схематизма. Схематизация изображений обусловлена была, по мнению В.А. Городцова, не какими-то внутренними творческими процессами, а тем, что древние сибиряки «оказались менее способными подражать образцам, проникавшим из Месопотамии через Иран и Среднюю Азию». Звериный стиль древних аборигенов Сибири был неудачной копией с оригинала. [101]

В.А. Городцов на проблему происхождения звериного стиля в Сибири смотрел иначе, чем некоторые исследователи начала XX в. Так, Б.В. Фармаковский высказал взгляды о прямом воздействии скифской культуры Северного Причерноморья на формирование искусства среднего Енисея. [102]

В.А. Городцов считал, что сибирская бронзовая культура возникла под влиянием среднеазиатского и ближневосточного культурных очагов, под некоторым воздействием древнекитайской цивилизации. Своим возникновением и расцветом она всецело обязана богатству медных руд и плодородных речных долин. Несмотря на слабую изученность Средней Азии и Сибири в археологическом отношении, В.А. Городцов считал, что в общих чертах можно проследить распространение среднеазиатской культуры в сторону Алтае-Саянской нагорья. Он допускал, что первыми носителями этой культуры могли быть выходцы с Иранского нагорья. Впоследствии сибирская бронзовая культура обособилась, «явившись оригинальным очагом», оказывавшим влияние на Забайкалье, Средний Урал, Поволжье, откуда оно доходило до Скандинавии, Южной России и Венгрии. [103] Возникновение сибирской бронзовой культуры относилось В.А. Городцовым к довольно позднему периоду «мировой бронзовой культуры», а именно к началу II тыс. до н.э. Доказывалось это, по его мнению, тем, что на среднем Енисее отсутствовали каменные орудия труда и клиновидные формы медных и бронзовых кельтов. Сравнительно позднее появление металлургии в Минусинской котловине он объяснял удалённостью и изолированностью её от мировых культурных очагов. Расцвет сибирской бронзовой культуры осуществился в то время, когда основная масса народов перешла к следующему этапу своей истории — эпохе железа, и оставался «пышным» пережитком, последним очагом бронзовой культуры в России. [104]

А.М. Тальгрэн только в самом начале своего творчества придерживался «урало-алтайской» теории И.Р. Аспелина. В 1911 г. вышла его работа, в которой на основе всестороннего анализа археологического материала (кельтов, кинжалов, серпов, ножей, клевцов, зеркал и других предметов) Алтае-Саянского нагорья, Урала и Приуралья он приходит к выводу о том что единой «урало-алтайской» бронзовой культуры на этой огромной территории не было. Он выдвинул идею о существовании нескольких относительно самостоятельных культурных центров, среди которых одним из самобытных и ярких считал именно «Минусинский ареал».

В отличие от И.Р. Аспелина А.М. Тальгрэн утверждал, что движение носителей бронзовых культур происходило не с востока на запад, а наоборот, с запада на восток, и постарался подкрепить свои рассуждения по возможности более точными хронологическими выкладками, которые как будто и подтверждали более раннее существование бронзовых культур на востоке европейской части России по сравнению с культурой металла Минусинской котловины. Так, на Урале и в Прикамье эпоху бронзы А.М. Тальгрэн разделил на три больших этапа: 1. Древнейшая эпоха металла (2500-1500 гг. до н.э.), характеризующаяся сосуществованием каменного и медного инвентаря. Формирование бронзовых культур происходило в результате синтеза местных неолитических элементов и пришлых из Венгрии, с Кавказа и Причерноморских степей. 2. Эпоха средней бронзы (1500-1600 гг. до н.э.) сохраняет влияние Венгрии и Северного Причерноморья. В то же время появляются элементы, указывающие на связь, с одной стороны, с сибирской культурой (конкретные формы этого влияния ещё непонятны), с другой — со Скандинавией. Всеми этими особенностями обладала сейминская культура. 3. На третьем этапе появляются изделия из железа, связи с северо-западом слабеют, чётко прослеживается скифское влияние. Ананьинская культура.

В Минусинской же котловине культура бронзы формируется во II тыс. до н.э. (до 1000 г. до н.э.). Местные культурные традиции прослеживаются лишь в мотивах геометрической орнаментации. Заметно преобладание заимствованных извне элементов. На втором этапе (1000-500 гг. до н.э.) среди изделий преобладают топоры с двумя ушками, «кривые ножи», кинжалы. В искусстве господствуют геометрическая орнаментация и натуралистически выполненные фигуры животных. На третьем этапе (с 500 г. до н.э.) бесспорно сильное скифское влияние, о чём свидетельствуют зооморфная орнаментация изделий и появление растительных мотивов.

Как видим, А.М. Тальгрэн, говоря о времени появления бронзовой культуры в Минусинской котловине, в общем повторил выводы В.А. Городцова о более позднем по сравнению с восточноевропейской бронзой появлении её на среднем Енисее. Не был А.М. Тальгрэн оригинальным и во взглядах на

неоднородность «урало-алтайской бронзовой культуры». В 1882 г. С. Мюллер, придерживаясь в основном теории И.Р. Аспелина, высказал предположение, что бронзовые памятники района между Волгой и Уралом ближе к европейским, чем сибирским, и значительно древнее последних. Более конкретно по этому поводу высказался в 1901 г. Штукенберг, утверждая, что бронзовая культура Приуралья и Урала не являлась западной ветвью алтайской, а была вполне самостоятельной. [105] Идеи А.М. Тальгрена и его предшественников нашли дальнейшее развитие в работе Г. Мергарта.

За XIX — начало XX в. сибирская археология прошла более плодотворный по научной значимости путь. Несмотря на то что сбор археологических источников носил малопродуманный, случайный характер, в музеях Москвы, Ленинграда и Сибири хранятся многочисленные коллекции, представляя настолько обширный материал, что всесторонний научный анализ его оказался возможным лишь в советское время. Как наука археология обрела свой предмет исследования — вещественные остатки материальной культуры древних народов Сибири.

Полевая археология выработала более совершенную методику работ с археологическим объектом. Раскопки шурфами и траншеями не могли дать полного представления о конструкциях курганов и могил, поэтому с 80-х гг. начинает применяться полная послойная съёмка курганной насыпи и заполнения могил с обязательным просеиванием земли (А.В. Адрианов и И.П. Кузнецов-Красноярский). Обязательными становятся графическая фиксация раскопок и их детальное описание. При разведывательного характера работах производилась топографическая съёмка отдельных курганов с указанием местоположения изваяний и стел с рисунками, которые отдельно зарисовывались и копировались. Местность и наиболее интересные памятники также детально описывались (И.Р. Аспелин, И.П. Кузнецов-Красноярский). В изучении наскальных рисунков и каменных изваяний был сделан значительный шаг вперёд. Методом эстампирования рисунков и тщательного художественного копирования изваяний были впервые получены достоверные копии, не потерявшие своего научного значения и в наши дни. В силу того, что многие из памятников изобразительного творчества безвозвратно исчезли, современные исследователи с успехом использовали в своих работах копии И.Р. Аспелина и А.В. Адрианова.

Теоретические обобщения археологического материала постепенно избавляются от произвольного конструирования, приближаются к конкретному источнику. Всё осязаемое обозначалась связь археологии с лингвистикой, этнографией, историей религии и культуры, получив своё законное выражение в работах И.Т. Савенкова. Он же окончательно сформулировал (для этого этапа развития археологии) основные принципы сравнительного метода, ставшего впоследствии основополагающим в исследованиях археологов. А.П. Степанов, а затем В.В. Радлов выделили основные культурно-исторические этапы для бронзового и железного периодов древней истории народов Сибири. Впервые были выделены конкретные группы памятников, действительно относящиеся к раннему железному веку. Типологические классификации курганов в основном правильно отражали существующие разновидности последних, но не выражали хронологической последовательности в развитии погребальных комплексов. В XIX в. в отличие от XVIII в. чётко прослеживается преемственность исследователей в развитии основных идей.

Следует отметить, что ряд гипотетических догадок и гипотез, высказанных учёными XVIII в., получил подтверждение в исследованиях XIX в. Мысль о том, что часть памятников могла быть оставлена предками современных аборигенов среднего Енисея, нашла своё отражение в работах А.П. Степанова, В.В. Радлова и Д.А. Клеменца. Последний отметил важность скифо-сибирской проблемы. Предположение о скифском характере памятников впервые было высказано Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом. Серьёзное же внимание этой проблеме было уделено в работе Г. Мергарта в 20-е гг. XX в. Самой популярной в XIX в. была алтае-саянская теория происхождения угро-финских народов. Э.И. Эйхвальд и И.Р. Аспелин пытались обосновать её археологическими материалами. Идея же переселения народов с востока на запад, от Енисея к Волге и Карпатам, серьёзно увлекла исследователей XIX в., и лишь А.М. Тальгрэн критически подошёл к решению этой проблемы, пытаясь обосновать миграции народов с запада на восток. Последователем взглядов А.М. Тальгрена стал Г. Мергарт. Наряду с этим в XIX в. был высказан ряд оригинальных идей, не потерявших своего значения для последующих поколений археологов. Г.И. Спасский и Н.И. Попов предложили отнести к писаницам и каменным изваяниям как памятникам комплексным, в которых не только рисунки, но и

сама скала, отдельные её части играют определённую смысловую роль. Эти взгляды И.Р. Аспелин распространил на могильные комплексы, где ни одна деталь, ни один элемент не являлись случайными, а подчинены были строгой логике погребального культа. Отождествление наскальных рисунков с памятниками письменности для XIX в. было не новым явлением, тем не менее попытка решить эту проблему дала ряд интересных результатов в исследованиях И.Т. Савенкова.

Но основная задача по созданию хронологической классификации памятников Южной Сибири не была решена. С ней успешно справился С.А. Теплоухов, с деятельностью которого связан следующий этап развития сибирской археологии.

- [1] Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 76-85.
- [2] Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982, с. 66-77, 88-89.
- [3] Радлов В.В. Древние аборигены Сибири. В кн.: Живописная Россия. Т. 11. Западная Сибирь. Спб., 1884, с. 30.
- [4] Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 133-134.
- [5] Боголюбовский И.С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г. ИВСОИРГО, Иркутск, 1882, т. XIII, вып. 1-2; Он же. Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов 1881, 1882 и 1883 годов. ИВСОИРГО, Иркутск, 1883, т. XIV, вып. 3; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 134-135.
- [6] Радлов В.В. Сибирские древности. (Из путевых записок по Сибири.). Спб., 1896, с. 8.
- [7] Там же, с. 2-20.
- [8] Там же, с. 17.
- [9] Там же, с. 23.
- [10] Там же, с. 16. Struve H. Analyse verschiedener antiker Bronzen und Eisen aus der Abakan-Enissei-Steppe in Sibirien. Bulletin de L'Académie Imperiale des Sciences, В. 9, St.-Petersburg, 1866, S. 283.
- [11] Радлов В.В. Сибирские древности..., с. 28-29; Он же. Древние аборигены Сибири..., с. 6-7.
- [12] Радлов В.В. Древние аборигены Сибири..., с. 8-9.
- [13] Радлов В.В. Сибирские древности..., с. 31-34.
- [14] Попов Н.И. О чудских могилах Минусинского края. ИСОИРГО, Иркутск, 1876, т. VII, вып. 2-3, с. 75-77.
- [15] Там же, вып. 4-5, с. 141-143.
- [16] Там же, с. 138.
- [17] Попов Н.И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. ИСОИРГО, Иркутск, 1876, т. VII, вып. 1, с. 25-30. (160/161)
- [18] Попов Н.И. О каменных бабах. ИСОИРГО, Иркутск, 1874, т. II, вып. 1-2, с. 61.
- [19] Попов Н.И. О писаницах Минусинского края. ИСОИРГО, Иркутск, 1873, т. III, вып. 5, с. 275-277, 281-284; Он же. Общий взгляд на писаницы Минусинского края. ИСОИРГО, Иркутск, 1875, т. VI, вып. 5-6, с. 203.
- [20] Попов Н.И. О писаницах Минусинского края. ИСОИРГО, Иркутск. 1872, т. III, вып. 2, с. 223-225.
- [21] Там же, с. 227-230.
- [22] Попов Н.И. Общий взгляд на писаницы..., с. 202-203.
- [23] Там же, с. 207.
- [24] Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Томск. 1886.
- [25] Итоги работ Д.А. Клеменца в 1883 и 1884 гг. ЗСОИРГО, т. VIII, вып. 1. Омск, 1886; Клеменц Д.А. Материалы, собранные Д.А. Клеменцем при экспедициях в Верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. ЗСОИРГО, Омск, 1890, кн. XI; Он же. Предварительные сведения об экскурсии в Ачинский и Канский округа. ИВСОИРГО, Иркутск, 1916, т. XV; Он же. Из прошлого. Л., 1925; Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог. СА, 1963, №4, с. 5-8; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 113.
- [26] Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея, с. 11-13.
- [27] Там же, с. 51, 62.
- [28] Там же, с. 59-62.
- [29] Там же, с. 49, 67-68.
- [30] Там же, с. 54-58.
- [31] Там же, с. 38-41.
- [32] Там же, с. 33-38.
- [33] Там же, с. 65-67.
- [34] Там же, с. 45, 67-69.
- [35] Ядринцев Н.М. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях. В кн.: Тр. VIII археологического съезда, т. VI. М., 1897, с. 176-177.
- [36] Reineke P. Über einige Beziehungen der Alterthümer Chinas zu denen des skythischsibirischen Volkerskreises. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1897, T. XXIX, H. 5, S. 151-172.
- [37] Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея..., с. 57, 62-63; Дэвлет М.А. Д.А. Клеменц как археолог..., с. 6-7.
- [38] Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. ЗИРГО, т. XI. Спб., 1888. Он же. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. ЗСОИРГО, кн. VIII, вып. 2. Омск, 1888.
- [39] Адрианов А.В. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. ИРГО, т. XIX, вып. 3. Спб., 1883; Он же. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1921-1924; Он же. Отчёт о раскопке пещеры на горе Тепсей летом 1908 г. ИРКИСВА, 1910. №10; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 115-119.
- [40] Адрианов А.В. Предварительные сведения о собрании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. ИРКИСВА, 1904, №4.
- [41] Адрианов А.В. Исследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. ИРКИСВА. 1908, №8.
- [42] Цит. по кн.: Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 116, 119.
- [43] Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. В кн.: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск, 1904.
- [44] Кузнецов-Красноярский И.П. Отчёт о раскопках, произведённых в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 126-129.
- [45] Кузнецов-Красноярский И.П. Отчёт о раскопках, произведённых в Минусинском уезде..., с. 2-3; Он же. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889, с. 11-18.

- [46] Кузнецов-Красноярский И.П. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный периоды, вып. 1. Томск, 1908, с. 1-2, 7, 9-10. 13-15, 19-20. (161/162)
- [47] Кузнецов-Красноярский И.П. Древние могилы..., с. 23-24.
- [48] Там же, с. 25-26, 36.
- [49] Там же, с. 9, 22.
- [50] Там же, с. 25-26, 36.
- [51] Appelgren-Kivalo J. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelin's Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Helsingfors. 1931, S. 3.
- [52] Ibid., S. 4, 5.
- [53] Ibid., S. 7-9.
- [54] Ibid., S. 10, 11.
- [55] Ibid., S. 13-15.
- [56] Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. В кн.: Опыт славянской археологии, ч. I. Томск, 1894, с. 5.
- [57] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., с. 18.
- [58] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. II, вып. 1, с. 111, 115.
- [59] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. I, с. 4.
- [60] Там же, с. 6.
- [61] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. II, вып. 1, с. 35, 50-51.
- [62] Там же, с. 37.
- [63] Там же, с. 211, 250.
- [64] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. II, вып. 2, с. 417-457.
- [65] Там же, с. 433.
- [66] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. I, с. 183.
- [67] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. II, с. 108-109.
- [68] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. I, с. 18.
- [69] Горощенко К. Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. В кн.: Тр. X археологического съезда в Риге. 1896 г., т. 1. М., 1899, с. 178-181.
- [70] Там же, с. 175-176.
- [71] Там же, с. 183-185.
- [72] Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. Изв. Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете, Казань, 1906, с. 81, 117.
- [73] Горощенко К. Гипсовые погребальные маски..., с. 187-188; Он же. Курганные черепа Минусинского округа. Минусинск, 1900, с. 5-7.
- [74] Спицын А.А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма. ЗИРАО, 1899, вып. 2-3, т. XI, с. 138-141.
- [75] Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. ИВСОИРГО, Иркутск, 1886, выи. 3-4, т. XVII, с. 99; ММ, архив И.Т. Савенкова, д. 65, 66, 68, 73, 74, 75, 86; Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. В кн.: Тр. XIV археологического съезда в Чернигове. 1908 г., т. 1. М., 1910, с. 88; Штернберг Л.Я. Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914). СМАЭ, Пг., 1916, т. 3, с. 5-6; Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения..., с. 121-124.
- [76] Савенков И.Т. К разведочным материалам..., с. 49; Он же. К материалам по археологии Минусинского края. О доисторических могилах. ММ, архив И.Т. Савенкова, д. 66, 68.
- [77] Савенков И.Т. К разведочным материалам..., с. 51-54, 57, 99-100; Он же. Рукопись о генезисе письменности. ММ, архив И.Т. Савенкова, д. 59; Он же. О древних памятниках..., с. 89-90, 230.
- [78] Савенков И.Т. К разведочным материалам..., с. 53-58, 60, 75.
- [79] Штернберг Л.Я. Иван Тимофеевич Савенков..., с. 11.
- [80] Савенков И.Т. О древних памятниках..., с. 4, 8.
- [81] Там же, с. 6, 57, 230-231, 234.
- [82] Там же, с. 8, 14.
- [83] Там же, с. 8, 13, 238.
- [84] Там же, с. 20-21, 107-108, 230-236.
- [85] Там же, с. 7, 10-11, 57, 60-61, 112-113, 141, 262-280.
- [86] Там же, с. 116-120. (162/163)
- [87] Там же, с. 120.
- [88] Там же, с. 126-158.
- [89] Там же, с. 150.
- [90] Там же, с. 157-158.
- [91] Савенков И.Т. Бирская стела или тазминский камень. ММ, архив И.Т. Савенкова, ф. 4, д. 86.
- [92] Там же, с. 214, 218.
- [93] Там же, с. 225.
- [94] Там же, с. 6, 33-34, 35, 37, 58-59, 233, 245-246.
- [95] Там же, с. 254.
- [96] Там же, с. 284.
- [97] Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 226, 261.
- [98] Флоринский В.М. Первобытные славяне..., ч. II, вып. 2, с. 445-450, 491, 514.
- [99] Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910, с. 199-200.
- [100] Городцов В.А. Культура бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, с. 68-72.
- [101] Там же, с. 87.
- [102] Фармаковский Б. В. Архаический период в России. МАР, Спб., 1914, т. 34, с. 34-37.
- [103] Городцов В.А. Бытовая археология..., с. 196, 198.
- [104] Там же, с. 187-198.
- [105] Tallgren A.M. Kupfer- und Bronzezeit..., S. 7, 9.

Глава IV. Двадцатые годы XX в. Формирование основополагающих идей по древней истории Южной Сибири.

[Введение.]

Значительные успехи, которых достигла сибирская советская археология в изучении древних культур, пришли не сразу. Советская археология проделала сложный и длительный путь по преодолению теоретического наследия русской буржуазной науки, по становлению марксистско-ленинской методологии в объяснении исторического процесса. Трудность подобного перехода состояла в том, что археология ещё довольно продолжительное время оставалась уделом специалистов русской дореволюционной школы. Археология не располагала кадрами историков-марксистов, которые и были подготовлены советскими вузами лишь в 20-х гг.

В этот период шла интенсивная организационная перестройка археологических научных учреждений. В апреле 1919 г. в Петрограде на базе Русского археологического общества и Археологической комиссии создается Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1926 г. ГАИМК), которую с августа 1919 г. возглавил Н.Я. Марр. В 1924 г. в Москве формируется научно-исследовательский Институт археологии и искусствознания. На местах почти во всех республиканских и областных центрах формируют учреждения, призванные заниматься археологическими исследованиями (в областных центрах в основном краеведческие музеи). Ведущая роль принадлежит центральным научным подразделениям. По всей стране восстанавливаются и расширяются полевые исследования, созываются различные конференции и совещания. Всё это призвано было изменить характер научного изучения археологических памятников. Простое выявление и фиксирование новых памятников сменилось систематическими раскопками с детальным обследованием строго территориально ограниченных районов, в которых сосредоточены были разновременные памятники. Шёл интенсивный процесс накопления большого количества новых материалов.

Большинство археологов вели полевые исследования, обрабатывали материал в старом вещеведческом стиле. Над ними довлел груз представлений об археологии как науке вещеведческой, призванной «собирать, реконструировать первоисточники» или «находить, хранить и изучать памятники материальной культуры».

Тем не менее предпринимались попытки в русле старых методологических и теоретических традиций комплексного подхода в изучении археологических источников с привлечением данных этнографии, антропологии, геологии, географии, лингвистики. [1] Говоря о старых теоретико-методологических концепциях археологов 20-х гг., следует указать на основные научные направления в отечественной археологии этого времени. Классическое направление по-прежнему сохраняло свои позиции. Его идейным вдохновителем был С.А. Жебелев, издавший в 1923 г. две книги, посвященные методологическим и теоретическим принципам классического направления в археологии. [2] Основной задачей археологии как науки автор исследования считал изучение вещественных памятников прошлого, основным содержанием которых являются функциональное назначение и форма предмета, призванная максимально осуществлять своё назначение.

Археология имеет два аспекта в своих исследованиях: практический и теоретический. Под практическим аспектом С.А. Жебелев понимал раскопки, реставрацию и сохранение вещественных источников, под теоретическим же — как можно более полное издание памятника для того, чтобы его могли использовать исследователи других научных направлений. Как видим, и в XX в. одной из типичнейших черт классического направления остаётся эмпиризм — явление, свойственное формирующейся науке, когда основное внимание уделяется лишь накоплению фактов.

Эволюционизм в 20-е гг. устойчиво сохраняет свои позиции. В.А. Городцов остаётся в это время наиболее выдающимся учёным советской археологии, стоящим на позициях, по выражению В.И. Ленина, «естественно-исторического материализма». Интуиция и эрудиция, большой научный опыт позволили В.А. Городцову осознать, что археологические источники отражают определённые закономерности развития человеческого общества, свидетельствующие о прогрессивном всё убыстряющемся темпе его развития. На основании этого он впервые представил археологию как науку «о событиях, сопровождавших жизнь вымерших поколений человечества, поскольку эти события выразились в общественных творениях, влияющих на его развитие и изменявшихся под влиянием развития разума, энергии и воли вымерших поколений человечества». [3]

В.А. Городцов совершенно определённо говорит о том, что археология есть историческая наука, на основании изучения вещественных памятников восстанавливающая человеческую историю, а также историю взаимоотношений общества и природы: «С формальной точки зрения археология реальная, преимущественно систематическая наука о творениях и отношениях к окружающей природе вымерших поколений человечества». [4] Разработанные В.А. Городцовым хронологические классификации на основе формально-типологического метода свидетельствуют также о том, что он был сторонником неравномерности темпов

развития культур в различных географических районах (зонах), генетической преемственности и взаимодействия культур между собой. Сами по себе все эти идеи ценны, но в отрыве от марксистско-ленинского анализа исторического процесса они не в состоянии его отразить адекватно.

Из немарксистских направлений в археологии 20-х гг. следует обратить внимание на палеоэтнологическое, наиболее последовательным представителем которого был Б.С. Жуков. Он постарался развить идею Д.Н. Анучина о комплексном изучении человеческой истории, в которой географический фактор действует в неразрывном единстве с деятельностью человека. Основными задачами комплексного изучения древних культур Б.С. Жуков считал исследование географической среды в совокупности всех её признаков: состав и характер фауны и флоры, почв. Природную среду он рассматривает в качестве основного фактора, изменяющего древние культуры. Социально-экономические факторы в силу этого становились в один ряд с другими, не являясь основополагающими в развитии человеческого общества. [5]

В эти годы группа молодых археологов — А.Я. Брюсов, С.В. Киселёв, А.В. Архицовский, А.П. Смирнов — делали первые попытки марксистского анализа археологических источников, пытаясь применить в исследованиях метод исторического материализма. Попытки эти делаются в конце 20-х гг., и сколько-нибудь заметного воздействия на формирование идей в этот период они не имеют. Ведущее положение в археологии занимали пока классическое, эволюционное и палеоэтнологическое направления. Два последних в наибольшей степени оказали влияние на творчество С.А. Теплоухова. Благодаря созданной В.А. Городцовым хронологической классификации древних культур европейской части России, С.А. Теплоухову удалось успешно решить проблему классификации древних культур Южной Сибири, которой он успешно завершает определённый этап в изучении памятников этого региона Сибири. К этому времени любителями-археологами, отечественными и зарубежными экспедициями был накоплен значительный научный материал, а основные вопросы древней истории Сибири оставались нерешёнными.

После Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Сибири, как и по всей стране, возобновляются археологические исследования, по-новому решаются организационные и научные задачи. В 1918 г. в Томске состоялся съезд, на котором решался вопрос организации института исследования Сибири, разрабатывался перспективный план комплексного изучения природных ресурсов края. Примечательно, что не последнее место в этом плане отводилось археологии. С докладом об организации археологических исследований выступил В.Ф. Смолин. Изучение памятников древности, подчеркнул он, стало отныне делом государственным и поэтому требует иного к нему отношения. Если на первом этапе становления археологии интерес у людей к древностям был чисто утилитарным, а второй этап характеризовался собиранием древностей для коллекций и музеев, когда пробуждалось «стремление привлечь древности в качестве свидетелей прошлого», то третий этап следует считать временем становления и развития археологии как особой отрасли исторической науки. Создав систему методов в исследовании памятников, она призвана «заставить древности подробно рассказать о прошлом». Наука археология, справедливо утверждал В.Ф. Смолин, в основных чертах будет готова решать серьёзные проблемы, лишь создав «свою этику», в основе которой должно лежать понимание того, что исследователь имеет дело с реальным материалом, который он в ходе раскопок уничтожает навсегда.

Чтобы памятник мог выдать ту информацию, которую он несёт в себе, необходимо основательно понимать его, что достигается лишь глубоким изучением источников о памятниках такого рода. Исследователь, конечно, должен уметь поставить перед памятником те вопросы, которые в настоящее время интересуют науку, и к тому же уметь «выслушать ответы памятника». Любые раскопки, призывал В.Ф. Смолин, должны сопровождаться подробной документацией самых мельчайших деталей изучаемого памятника. Но подобные требования под силу выполнить только археологу-профессионалу, деятельность которого соответствующим образом организована и направляется государством. [6]

В свете этих призывов вряд ли следует считать случайным, что именно Томский университет в 1920 г. создал специализированную Минусинскую экспедицию, которую возглавил С.И. Руденко. Задачи перед экспедицией стояли обширные — необходимо было начать комплексное археолого-этнографическое и антропологическое изучение Южной Сибири. Отрядом, работавшим на Енисее, руководил С.А. Теплоухов. Он провёл полевые исследования в 1920, 1921, 1923-1925 гг. В работах этого отряда принимали также участие М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер. В течение пяти лет отряд обследовал районы левого и правого берега р. Енисей, в пределах Минусинской котловины, а также частично р. Абакан и его притока р. Уйбат. Участники полевых работ раскапывали палеолитические стоянки у сёл Анаш, Улазы, Батени, могильники у Окунева улуса, с. Батени и у Абакана, зарисовывали каменные изваяния. В общей сложности было раскопано 114 могил. В 1924-1925 гг. в районе с. Батени отряд С.А. Теплоухова обследовал Андроновскую стоянку. Было раскопано 48 могил, собран большой подъёмный материал на р. Абакан, у улуса Белоярского раскопано два тагарских кургана. Сотрудники экспедиции вывезли в музеи две стелы — одну из окрестностей Тазминского улуса, вторую из района ст. Шира.

В последующем, с уходом из Томского университета В.Ф. Смолина, С.И. Руденко и С.А. Теплоухова, археологические исследования оживляются в Красноярске. Полевые исследования стал осуществлять также Русский музей, который вел работы совместно с РАИМК. В экспедициях г. Красноярска раскопки вели Н.К. Ауэрбах, Г. Мергарт, Г.П. Сосновский и В.И. Громов.

Обширные работы на территории Минусинской котловины проводились в 1920-1929 гг. под руководством Г.П. Сосновского. В первый год работы были обследованы правый берег Енисея от Минусинска до с. Означенного, междуречье рек Абакан и Енисей. В разведке принимали участие Г. Мергарт и В.П. Ермолаев. Одной из основных задач было обследование районов распространения дюн, где во многих случаях удавалось фиксировать культурные слои. Что касается могильников, то они вначале осматривались лишь попутно. Так, у с. Лугавского Г. Мергарт раскопал погребение неопределённого типа, а у с. Означенного участники экспедиции вскрыли две могилы XVII-XVIII вв. Позднее близ улуса Откина Г. Мергартом было раскопано ещё два кургана.

В 1925 г. Г.П. Сосновский проводил разведку северных районов Минусинской котловины. Маршрут проходил по следующим пунктам: д. Парная, с. Легостаево, д. Якушево, с. Новосёлово, с. Кокорево, с. Анаш, д. Улазы, «Ярки» у с. Батени. Детально обследовался район оз. Божьего и улуса Орак. Г.П. Сосновским были раскопаны андроновские могилы и исследован один каменный ящик в «Ярках». Собрав значительный материал с дюн, он сделал несколько зарисовок с писаницы «Красный камень». Были также исследованы один небольшой тагарский курган и отдельная могила у с. Новосёлово, а у с. Кокорево — могила эпохи железа.

В 1926-1927 гг. Г.П. Сосновский продолжал работу в составе Красноярской экспедиции совместно с Н.К. Ауэрбахом и В.И. Громовым. Близ улуса Орак были вскрыты карасукские и андроновские могилы. В 1928-1929 гг. Енисейская экспедиция Г.П. Сосновского вела работы у д. Чёрной (раскопано 3 кыргызские могилы, 1 групповая таштыкская могила, карасукские и тагарские курганы), у д. Кокорево (2 кыргызские могилы, 3 тагарских кургана, часть таштыкского склепа) и улуса Орак (7 андроновских, 6 карасукских и несколько тагарских курганов).

В эти же годы начинал работу в Хакасии выдающийся советский археолог С.В. Киселёв. Он проводил раскопки у сёл Усть-Тесь, Тесь, Кочергино, Усть-Ерба, Сыда, Усть-Сыда, Быстрая, Кривинское, на Тагарском острове, осуществил разведочные маршруты по рекам Туба и Амыл. [7]

С чем было связано такое пристальное внимание к памятникам Минусинского края, на долю которого, как и ранее, выпало наибольшее число исследований? По словам С.А. Теплоухова, это определялось тем, что сложные вопросы, связанные с изучением древних культур Северной и Центральной Азии, в целом с каждым годом всё более захватывали интерес палеоэтнологов. Он обращал внимание на то, что Европу можно считать лишь своего рода далёкой западной окраиной великого Евразийского континента, где в благоприятных условиях всего лишь детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникнув в Азии и отразив изменения физико-географических условий, охватывали затем громадные пространства всего этого региона. Вот почему такие коренные по значимости вопросы, как происхождение человека, процесс переселения народов, возникновение и распространения культур, не могли удовлетворительно решаться без изучения именно «палеоэтнологии» Азии. С.А. Теплоухов подчёркивал, что в районе Енисея проходит географическая граница между Западной и Восточной Сибирью и здесь Саяны с юга ограничивают Минусинскую котловину от Центральной Азии. Не менее важно и то обстоятельство, что с естественно-историческими районами тут совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов Северной и Центральной Азии, утверждал С.А. Теплоухов, они всегда в конце концов стабилизируются. Что касается контактов, то в Минусинский край проникали культурные влияния «южных цивилизаций», по памятникам его можно проследить отражение связей с восточными и западными культурами Сибири.

Итак, изучение минусинских древностей помимо чисто «местного интереса» давало ключ к пониманию комплекса древних культур Северной и Центральной Азии, что как раз и объясняло особое внимание палеоэтнологов к Минусинской котловине со всеми её древними культурами. [8] Если охватить в целом итоги приведённых работ, то вывод будет совершенно ясен: наиболее значительный вклад в изучение памятников эпохи бронзы Минусинской котловины в 20-е гг. сделали Г. Мергарт и С.А. Теплоухов, ставшие затем широко известными археологами и признанными специалистами.

[1] Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982, с. 11-35.

[2] Жебелев С.А. Введение в археологию. М.-Иг., 1923. Ч. I. История археологического знания. Ч. II. Теория и практика археологического знания.

[3] Городцов В.А. Археология, т. 1. М., 1921, с. 5.

[4] Там же, с. 5.

[5] Генинг В.Ф. Очерки истории..., с. 77-87.

[6] Смолин В.Ф. Организация археологического обследования Сибири. В кн.: Тр. съезда по организации Института исследования Сибири, т. 3. Томск, 1919, с. 97-98.

[7] Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин. В кн.: Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6, с. 138-140; Сосновский Г.П., Ауэрбах Н.К., Громов В.И. Остатки древнейшей культуры человека Сибири. Предварительное сообщение. Жизнь Сибири, 1924. № 5-6; Ауэрбах Н.К. Археологические исследования в Приенисейском крае в 1926 г. Северная Азия, 1927, № 1; Палеоэтнологические раскопки. Сибирские огни. 1928, № 2; Ауэрбах Н.К. Археологические исследования в Сибири в 1927 г. Сибирские огни, 1928, № 3; Сосновский Г.П. Палеоэтнологические раскопки в Северной Хакасии. Северная Азия, 1928, № 1.

[8] Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. В кн.: Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Л., 1929, с. 41-42.

§ 1. Археологические исследования Г. Мергарта и его взгляды на историко-культурные процессы эпохи металла в пределах Южной Сибири.

Г. Мергарт как сотрудник музея Приенисейского края в Красноярске проводил археологические исследования в Минусинской котловине в 1918-1920 гг. В 1920 г. он вместе с Г.П. Сосновским обследовал дюнные стоянки от с. Означенного до г. Енисейска и установил, что большинство из них имели один или два культурных горизонта. Стоянок с культурным слоем только эпохи бронзы он не обнаружил. Материал бронзового века перемежался с находками эпохи железа. Иногда культурные горизонты стоянок со слоями эпох бронзы и железа разделялись незначительными стерильными прослойками. В отличие от И.Т. Савенкова Г. Мергарт считал, что неолитические стоянки на дюнах Минусинской котловины отсутствуют, и это позволило ему сделать вывод, что первоначальное заселение её произошло лишь в эпоху бронзы. Именно эти первые обитатели юга Западной Сибири не позволили неолитическому населению енисейско-аигарской тайги проникнуть на юг. Г. Мергарт вместе с тем констатировал, что часть бронзовых находок лесостепи и тайги «явно южного происхождения». В то же время в южной зоне культур им выделялся ряд находок бронзовых вещей, украшенных геометрическим орнаментом (безушковые кельты, ножи), основной ареал распространения которых ограничивался севером. Всё это Г. Мергарт воспринял как свидетельство постоянных контактов населения приенисейских степей и их северных соседей. [9]

В 1921 г. Г. Мергарт вернулся в Австрию, где, став доцентом Инсбрукского университета, продолжил обобщение материалов по сибирской археологии. Он написал ряд интересных работ, в которых, используя опыт финских археологов, в частности И.Р. Аспелина, О.Г. Гейкеля, П. Райеке и А.М. Тальгрена, попытался свести воедино свои полевые исследования по культурам эпохи металла южной части Сибири. Основные теоретические положения высказываний Г. Мергарта отражают получившие распространение в начале XX в. в западноевропейской науке различные антиэволюционистские идеи, связанные с диффузионизмом, школой культурных кругов или культурно-исторической школой. [10]

Приступая к анализу имевшегося в его распоряжении материала, Г. Мергарт прежде всего подчеркнул, что основу любого археологического исследования должна составлять систематизация добытых при раскопках сведений, что отнюдь не исключало использования подъёмных находок, но непременно имеющих аналогии в определённых могильных комплексах. При этом Г. Мергарт призывал учитывать, что может встретиться нечто нехарактерное, выпадающее «из общей системы связей». Таковыми для Минусинской котловины, по его мнению, следует считать могилы у д. Андроновой, инвентарь которых представлен среди находок Западной Сибири. Исключив это «нетипичное», т.е. инвентарь андроновских могил, из анализируемого материала, Г. Мергарт пришёл к выводу, что в эпоху бронзы в Минусинской котловине существовала единая культура — «минусинская (культура) эпохи полной бронзы». Она, по его мнению, прошла в своём развитии ряд этапов, каждому из которых был присущ определённый тип памятников. Г. Мергарт ошибочно свёл воедино (иначе он не мог поступить, ибо проблема хронологической классификации памятников ещё не была решена, а сам он не ставил перед собой такой задачи) материалы карасукской, тагарской и таштыкской культур, т.е. дал характеристику «минусинской бронзовой культуры» по памятникам эпох поздней бронзы, раннего и развитого железа.

Первому, древнейшему этапу, который соответствовал расцвету культуры эпохи бронзы, принадлежали, как их называл Г. Мергарт, «курганы с угловыми камнями». Они встречались, как это он мог наблюдать, по всей степной части Хакасско-Минусинской котловины. Такие курганы представляли собой двухметровой высоты земляные насыпи, обрамленные четырёхугольной оградой из плит. По углам и боковым сторонам оградок устанавливались камни больших размеров. На северной стороне холма обычно сооружались «ворота» из двух вертикально стоящих плит. Как показали раскопки, под насыпью подобного рода курганов располагалось несколько могил, стенки которых укреплялись деревянным срубом, плитами или же тем и другим совместно. Покрытие состояло из деревянных балок, на которые насыпался мелкий плитняк, и всё это прикрывалось одной или двумя огромными и весьма тяжёлыми плитами. В каждой могиле помещалось от одного до пяти костяков. «Из вещей наиболее часто, — отмечал Г. Мергарт, — встречались бронзовые ножи, кинжалы, клевцы, шестигранные и двушковые кельты, втоки, иглы, наконечники стрел, серьги, бусы из стекла и пасты, глиняные

сосуды баночной формы. Звериный стиль в орнаментации предметов занимал немаловажное, но всё же весьма ограниченное место. Образцы геометрического орнамента встречались редко». [11]

К изделиям этапа «курганов с угловыми камнями» Г. Мергарт из случайных находок отнёс группу «кинжалов с выемкой на полотне». В неё он объединил широко распространённые в евразийских степях в конце II — начале I тыс. до н.э. кинжалы с «шипам» (по современной типологии) и безэфесовые со слабо выраженным перекрестием и выемчато-эфесовые. Ножи Г. Мергарт подразделил на две группы: кривые и «со звериным и кольцевым навершием». Он пришёл к выводу, что некоторые формы «кривых ножей» древнее, чем ножи со звериным и кольцевым навершием. Это объяснялось им более поздним появлением звериного стиля в орнаментации.

Второму этапу «минусинской бронзовой культуры» соответствовала, по Г. Мергарту, группа «курганов с коллективными могилами». Памятники этого этапа он считал переходными от эпохи бронзы к эпохе железа, так как при раскопках в могилах наряду с бронзовыми встречались также железные инструменты характерных «переходных форм». По сравнению с курганами предшествующего этапа надмогильные сооружения «коллективных могил» отличались большими размерами. Величественный земляной холм, окружённый каменной оградой, скрывал деревянный склеп с покрытием из брёвен и коры. Число погребённых иногда достигало ста человек. Скелеты время от времени сдвигались в сторону, в кучу, так что часть погребальной камеры постоянно была свободной. После заполнения склепа до возможного предела его поджигали, и только потом, по мнению Г. Мергарта, сооружался земляной холм. Этап «курганов с коллективными могилами», согласно его заключениям, пережил «в своём развитии два периода, которые отличались друг от друга некоторыми деталями погребального обряда и специфическими предметами материальной культуры. Для раннего периода было характерно сожжение склепа, когда трупы подвергались действию огня только в случае сгорания деревянной постройки. Железные вещи в таких захоронениях очень редки, а маски из гипса и глины отсутствуют, как отметил Г. Мергарт. [12] В поздний период второго этапа «минусинской бронзовой культуры» наряду с труположением ими появляются трупосожжения. Обряд сожжения умерших совершался часто, но всё же он так и не стал единственным. Глиняные и гипсовые маски сопровождали теперь оба типа захоронений.

Инвентарь «коллективных могил» в целом повторял формы изделий предшествующего этапа. Но характерным стало существенное уменьшение размеров предметов до миниатюрных, а также появление в захоронениях целого ряда новых форм, развитие которых обуславливалось, как считал Г. Мергарт, «воздействием внешних факторов». Форма ножей сохранилась прежняя. Они, однако, стали тоньше и легче. В них явно наметилась тенденция к выпрямлению, когда нож начал приобретать характерным образом вытянутую форму. «Колено» у ножей теперь было незначительным, отсутствовал орнамент на рукоятке. Украшения ограничивались только навершиями. Одновременно явно возрастало искусство оформления конца рукоятки, появились новые мотивы и способы их выражения. Фигурки стоящих животных по-прежнему были популярны в «объёмном искусстве». Головы птиц тоже приобрели «объёмный характер». Изображения горного барана и оленя, обрамлённых кольцом навершия рукоятки, стали особенно типичными. К совершенно новым мотивам Г. Мергарт причислил изображения голов оленя и хищника с открытой пастью, лежащего оленя и растительный орнамент, вьющийся в виде спиралей. [13]

Существенные изменения наметились также в типологии кинжалов. В частности, появились плоские бабочковидные (сердцевидные) перекрестья. Навершия рукояток украшались двумя головками грифов, повернутых друг к другу. Клевцы стали в основном миниатюрными, обушок оформлялся преимущественно в виде стоящих фигурок оленей, горных козлов и баранов. Втоки были полностью сходны с более древними, но вместо гранёного острия они характеризовались наличием выгнутой лопатки. Среди керамики преобладали изделия, близкие по формам «сибирским котлам» с полым коническим поддоном.

Звериный стиль в искусстве появился в Минусинской котловине на этапе «курганов с угловыми камнями» и в уже сформировавшемся виде. Однако, по мнению Г. Мергарта, он играл в орнаментации весьма скромную роль. Во времена господства «коллективных могил» произошли примечательные изменения: появилась серия образов и мотивов, характерная для классических вариаций искусства звериного стиля, в том числе стоящий олень и баран в кольцевом обрамлении, лежащий олень, головки оленя и грифа, а также всевозможные растительные элементы и мотивы.

Г. Мергарт выделил, кроме того, третий тип погребальных памятников — «курганы с одиночной могилой из плит». Такие небольшие каменные ящики с покрытием из плит перекрывала обычно незначительная по высоте насыпь, которую оконтуривала четырёхугольная оградка. В могильном ящике находился, как правило, один костяк. Он лежал в вытянутом положении на спине, слегка повернутым на левый бок. Трупосожжения в ящиках не встречались. Среди предметов, которые сопровождали умерших, наряду с небольшим количеством золота встречались только бронзовые вещи, в частности «кольца из проволоки», подвески, иглы с коротким шипом и широкой плоской выгнутой головкой, «кривые ножи», идентичные ранним ножам этапа «курганов с угловыми камнями». Керамику представляли шарообразные сосуды со слегка вогнутым венчиком.

Итак, всю совокупность рассмотренных памятников Г. Мергарт объединил в единую по характерным особенностям «минусинскую бронзовую культуру». Она, по его мнению, прошла в развитии два генетически связанных между собой этапа. Эта взаимосвязь прослеживалась им в первую очередь в развитии надмогильных сооружений. Они увеличивались в размерах, а обряд погребения эволюционировал от труположения к частичному или полному сожжению, но с неперменным сохранением первого способа захоронения умерших. [14]

Инвентарь «коллективных могил» в целом сохранил старые образцы изделий. Такое заключение в первую очередь относилось к зеркалам, втокам, пастовым бусам, наконечникам стрел, ножам, а в орнаментике — к некоторым элементам звериного стиля (стоящие животные). Необходимо отметить, что инвентарь, сохранив свои типологические черты, в традиционном смысле не изменился: «кривые ножи» развивались в направлении постепенного «выпрямления», у кинжалов на определённом этапе появилось бабочковидное перекрестие, а на обушке у клевцов — фигуры животных. К новым элементам культуры относились глиняные и гипсовые маски, а в искусстве звериного стиля стали преобладающими образы оленя и грифа. Культура «коллективных могил» не считалась Г. Мергартом новой. Она представлялась им как результат эволюционного развития культуры предшествующего этапа, обогащённого, однако, элементами культуры, генетически не связанными с ней.

Несколько обособленно от двух основных типов памятников Минусинской котловины Г. Мергарт рассматривал так называемые «курганы с одиночной могилой из плит». Наличие среди изделий из металла только бронзового инвентаря, а среди конкретных вещей — ножей, типологически связанных с «кривыми ножами» периода «курганов с угловыми камнями», как и зеркал, подобных зеркалам «коллективных могил», позволило ему зафиксировать связи этих памятников с так называемой «минусинской бронзовой культурой». Вместе с тем специфические особенности конструкций курганов и могил, открытие в некоторых из них сосудов, характерных для эпохи железа, позволили Г. Мергарту чётко обособить их и датировать временем существования второго периода «коллективных могил». [15]

Во взглядах на развитие культур эпохи металла в Северной Азии Г. Мергарт, по всей видимости, присоединился к выводам А.М. Тальгрена и, насколько можно судить, развил далее его идеи. По его мнению, «урало-алтайская культура» действительно подразделяется на ряд локальных, одновременно существующих культур — минусинскую, красноярскую, томскую, уральскую. Каждая из них была самостоятельной и характеризовалась своеобразными связями с соседними культурными ареалами. Но что касается памятников эпохи бронзы в районе Красноярска, то они тогда были ещё слабо изучены, и поэтому Г. Мергарт для характеристики «красноярской культуры металла» пользовался случайно найденными изделиями, в основном кельтами. Несмотря на скудость и типологическую ограниченность материалов, он тем не менее сумел выделить в самостоятельный очаг культуры бронзы красноярско-канскую лесостепь и тайгу. Действительно, красноярские кельты по форме оказались однообразными. Они представляли собой, согласно описанию Г. Мергарта, довольно симметричный полый клин с удлинённым полотном. Лезвие их, прямое или слегка выгнутое, всегда было на несколько миллиметров уже обушковой части. Отверстие для рукоятки, вставлявшейся сверху в клин, прямоугольное и очень редко овальное. Орнаментика красноярских кельтов рельефна. По краю обушковой части топора обычно прослеживался утолщённый валик, ниже которого располагались одна или две горизонтальные линии, между ними и валиком находился неорнаментированный пояс. Далее ниже линий размещался узор, составленный из различных комбинаций треугольников, разделённых одной или тремя вертикальными линиями. Г. Мергарт считал, что центр литейного производства находился в районе Красноярска, ибо именно здесь были найдены литейные формы и основная масса бронзовых кельтов. По его мнению, сырьё сюда доставлялось всё же из Минусинской котловины. «Минусинская» и «красноярская» культуры эпохи бронзы находились, согласно заключению Г. Мергарта, в тесном контакте. Формирование их происходило при взаимном влиянии. Так, он считал, что «южная культура» переняла у «северной» геометрическую орнаментацию. В отличие от красноярского района мастера по литью из металла минусинского ареала наносили орнамент не на литейную форму, а на модель, которая покрывалась резаными линиями. В итоге на изделии орнаментальный узор получался углублённым. О тесных контактах красноярского региона культур эпохи металла с минусинским свидетельствует также такой яркий факт, как обилие в первом находок характерных «кривых ножей».

Томский могильник, по мнению Г. Мергарта, представлял особый местный вариант культуры эпохи металла Сибири. В его инвентаре, как он считал, большая серия находок не имела аналогий ни в минусинской, ни в ананьинской культурах. В то же время изделия из металла — ножи, кинжалы и зеркала — почти полностью повторяли по типам минусинские формы, а керамика — ананьинские. «„Кривые“ томские ножи по форме и орнаментации минусинского происхождения», — утверждал Г. Мергарт. Кинжалы он подразделил на три подгруппы, объединяющиеся, однако, в нечто единое кинжалом из Монока (Минусинская котловина). Для томских кинжалов оказались характерными следующие общие признаки: едва намеченное перекрестие, отделённое от клинка и рукоятки выемками с обеих сторон, навершие в виде шляпки, кольца или полого шара, полая рукоятка, орнамент, близкий орнаменту «кривых ножей». [16] Г. Мергарт вместе с тем отметил, что конструкция могил и обряд томских погребений неаналогичны минусинским.

Наличие в трёх культурах однотипных вещей (зеркал, «кривых ножей», кинжалов, кельтов, геометрической орнаментации) позволило Г. Мергарту сделать важный хронологический вывод об одновременном существовании сибирских культур эпохи бронзы (VI в. до н.э. — VIII в. н.э.). По его мнению, многие элементы минусинской, красноярской и томской культур свидетельствуют о их связи с культурами востока Европейской России, в частности в первую очередь с сейминской и ананьинской. Ярким показателем истинности такого тесного взаимодействия он считал кельты. С этой точки зрения важно обратить внимание на то обстоятельство, что именно на востоке Европейской России Г. Мергарт выделил четыре основные группы кельтов, которые, по его убеждению, сыграли решающую роль в процессе формирования сибирских типологических вариаций топоров. Сейминские кельты, самые древние из всех, сосуществовали позже с другими типами и оказали, по мнению Г. Мергарта, влияние на развитие их орнаментации. Сейминский кельт лишён ушек, он вытянут, лезвие его шире обушка и слегка выгнуто, отверстие для рукоятки овальное или четырёхугольное. Орнамент, подчёркивал Г. Мергарт, как и у красноярских топоров, рельефный, состоящий из заштрихованных вертикальными линиями поперечных полос в верхней части. Ниже располагался ряд треугольников, заполненных внутри кривой штриховкой. Но сибирские кельты, обращал внимание Г. Мергарт, в отличие от сейминских имели ушки. Он далее (насколько возможно) тщательно проследил распространение кельтов с запада на восток и установил, что ушки сначала появились у них в Приуралье. Они оказались характерными также для бронзовых кельтов Урала и Зауралья (Тобольск). В этой части Евразии ушков у кельтов два. Г. Мергарт отметил, что в районе Томска найдена литейная форма кельта с одним ушком. Что касается среднего Енисея, то здесь встречено несколько кельтов с ушками, отверстия которых оказались заполненными металлом. Г. Мергарт предполагал, что на восток от Урала ушки у кельтов постепенно теряли своё функциональное назначение. Распространившись на восток до Енисея, сейминские кельты оказали решающее влияние на формирование «красноярских топоров», которые представлялись ему почти во всем идентичными именно сейминским. «Минусинская культура» восприняла, как считал Г. Мергарт, сейминскую геометрическую орнаментацию и форму кельтов, но изменила принцип нанесения орнамента. Он пришёл также к выводу о том, что, поскольку непосредственных контактов Минусинской котловины с Сеймой не было, в качестве посредника между ними выступала «красноярская культура». [17]

Ко второй группе восточнорусских топоров Г. Мергарт относил шестигранные в обушковой части кельты. Отверстие для рукоятки у них было овальное или шестиугольное. Верхнюю часть топора покрывала полоса рельефного орнамента, типичного для сейминской культуры. Кельты такого типа Г. Мергарт относил ко времени ананьинской культуры. В Сибири подобные кельты, согласно его наблюдениям, всегда имели два ушка, лезвие у них было более вогнутым, а неоориентируемая полоса соединяла ушки. Шестигранные кельты Минусинской котловины, по заключению Г. Мергарта, восточноевропейского происхождения. [18] К третьей группе Г. Мергарт отнёс кельты с ушком на прямоугольном по очертаниям полотне. Отверстие для рукоятки у них угловато-овальное. В Минусинской котловине Г. Мергарт зафиксировал два типа подобных кельтов — одни с прямоугольным отверстием для рукоятки и четырёхгранным поперечным сечением, второй — с овальным отверстием и таким же сечением. Оба типа этих кельтов он датировал эпохой поздней бронзы, а истоки их усматривал в культурах Венгрии или Южной России. На Енисей такие изделия проникли, по его мнению, из Восточной России. [19] Ананьинская группа кельтов в характеристике Г. Мергарта варьировала от небольших и лёгких до средних размеров рубящих орудий с остроовальным или плоскошестиугольным поперечным сечением. Ушки у них отсутствовали, а орнамент был рельефным, геометрическим по характеру. Лезвие кельтов выглядело слегка вогнутым и более узким в обушковой части. Сколько-нибудь заметного влияния эта группа изделий на сибирские кельты, по мнению Г. Мергарта, не оказала. Он не считал это удивительным, ибо относил ананьинские кельты к самым поздним из всех восточнорусских металлических орудий подобного типа. В это время, по предположению Г. Мергарта, западное влияние на Сибирь ослабело, уступив место обратному движению с востока, что как раз подтверждали такие находки. Следует вместе с тем отметить, что он допускал сосуществование всех типов восточнорусских кельтов. Сейминские кельты между тем оказывали постоянное воздействие на формирование других типов таких инструментов, что проявлялось в наличии сейминского орнамента на всех группах металлических топоров.

Сопоставление кельтов, проведённое Г. Мергарт, показало, что на среднем Енисее в эпоху бронзы сосуществовали две различные культуры, которые подвергались существенному влиянию европейского ареала культур эпохи раннего металла. Но этот вывод Г. Мергарта вовсе не означал, что восточнорусские культуры были тем фундаментом, на котором в конечном счёте сформировались томская, красноярская и, в первую очередь, минусинская культуры. Такой основой определённо стали иные культуры, которые, как считал Г. Мергарт, относились к ареалу культур евразийских степей. В этой связи он обратил внимание на проступающие в культуре Сибири скифские элементы (кинжалы, звериный стиль в искусстве), что указывало на юго-запад как район возможной прародины минусинской культуры. Но внимательное изучение материалов скифской и минусинской культур вместе с тем привело Г. Мергарта к выводу о том, что сходство их по большей части чисто внешнее. С другой стороны, принципы сооружения курганов на Енисее и в Северном Причерноморье различались, несопоставимыми оказались также и погребальные обряды. Г. Мергарт обратил внимание на то, что

минусинская культура бронзы не характеризовалась наличием специфически скифских золотых украшений, а в культуре скифов отсутствовали минусинские «кривые ножи», клевцы и кельты. Несопоставимы они и хронологически, ибо скифская культура относится к эпохе железа, а минусинская — к бронзе. Если ранее наиболее вескими аргументами в системе доказательств скифского влияния на формирование сибирской бронзы считались кинжалы и «звериный стиль» в искусстве, то теперь в описаниях Г. Мергарта такого рода доводы не выглядели убедительными. Минусинские кинжалы лишь отчасти по форме можно было сравнивать со скифскими акинаками. В частности, у тех и у других выделялось бабочковидное перекрестие. Но на этом их сходство закапчивалось. Действительно, минусинские кинжалы делались из бронзы, а акинаки скифов — из железа; навершия минусинских кинжалов украшались фигурками стоящих животных или двумя противопоставленными их головками, а у акинаков навершия рукояток оформлялись в виде овальной шляпки или реже противопоставленной парой птиц. [20] Круг образов искусства звериного стиля на Енисее оказался ограниченным стоящим или свернувшимся в кольцо животным (горный козел, баран, олень), головками птиц и отдельных животных, а также изображениями лошадиных копыт. Но и эти находки Г. Мергарт не считал местными по происхождению, поскольку не находил аналогий в енисейском неолите. Так, скульптурку лося из Базаихи, вырезанную из кости, он определял как настолько натуралистическую, что начисто отвергал преемственность этого стиля в схематически выполненных бронзовых фигурках животных Минусинской котловины. Подобные мотивы проникли сюда, согласно его взглядам, по-видимому, лишь «в середине бронзовой эпохи», т.е. после IV в. до н.э., поскольку именно в это время в скифских могилах встречаются подобные изображения.

Конечно, образ стоящего животного (олень, козёл или баран) широко распространён в «минусинской культуре», и у скифов встречаются похожие изделия. Но, с точки зрения Г. Мергарта, последние более стилизованы, чем минусинские. Так, ноги животного в скифском искусстве соединялись внизу так, что образовывали круг, а голова его разворачивалась назад. Головы птиц, в основном грифов, в виде скульптур и гравюр характерны для поздних кельтов и клевцов. При сравнении их со скифскими Г. Мергарт устанавливал лишь самые общие черты, что раскрывало, по его мнению, не более чем единый источник происхождения изделий. Непосредственные связи культур они не подтвердили.

Г. Мергарт считал примечательным, что в Минусинской котловине пластически оформленное глазное яблоко отмечалось лишь на головках птиц, связанных с навершием кинжалов, а во всех остальных случаях глаз животного оформлялся в виде круга с углублением в центре. Деталью, резко отличающей минусинские образы зверей от скифских, он считал уши, которые в первом случае изображались в виде полукруга, а во втором — круглыми.

Вообще «свернувшиеся» кольцом животные искусства эпохи бронзы Енисея отличались от причерноморских весьма специфическими особенностями оформления глаз и ушей. Всё это, утверждал Г. Мергарт, исполнялось в чисто местной традиции. Изображения «спаренных» животных Минусинской котловины отличались от скифских тем, что они изображались стоящими, а «не на коленях», как в Северном Причерноморье. Г. Мергарт заметил в связи с этим, что спаренные стоящие животные особо характерны для ассирийских печатей конца II тыс. до н.э. «Мотив лошадиного копыта» связан в Минусинской котловине с кинжалами. Эта примечательная и характерная деталь подчеркивала переход рукоятки в клинок. Г. Мергарт обращал внимание, что в самой Скифии подобных изображений нет, и только на Среднем Днепре (хутор Шумейко) в могиле была найдена единственная костяная псаля, один конец которой был оформлен в виде головы лошади, а второй оканчивался изображением копыта.

Весьма интересный и заслуживающий внимания анализ общих для Минусинской котловины и Северного Причерноморья образцов искусства звериного стиля позволил Г. Мергарту сделать вывод о том, что непосредственных контактов между культурами этих районов не существовало. Первоначально они, по его мнению, возникли на Ближнем Востоке задолго до появления скифской и минусинской культур, откуда и были заимствованы в готовом виде. Эти элементы в последующем претерпели лишь незначительные изменения, что как раз объясняет поразительное сходство изделий из металла столь удаленных друг от друга районов. Рассмотренные выше мотивы звериного стиля Г. Мергарт назвал «древнескифскими». Что касается происхождения культуры «минусинских курганов», то истоки её предлагалось искать на юге и юго-западе, но не в собственно Скифии.

Вторая группа сюжетов искусства звериного стиля Минусинской котловины — сцены борьбы животных. Аналогии им Г. Мергарт обнаружил в сибирской коллекции Эрмитажа. Золотые и бронзовые пластины с изображением сцен борьбы животных составляли, как он считал, один из ярчайших компонентов культуры эпохи железа Западной Сибири конца I тыс. до н.э. — VI в. н.э. Г. Мергарт постулировал существование здесь в это время мощного культурного очага, влияние которого распространялось от Урала на западе и до Байкала на востоке. Особой провинцией этой культуры он считал Горный Алтай (раскопки В.В. Радловым курганов пазырыкского типа). Техника изготовления и приёмы инкрустаций пластин, обнаруженных здесь, не имели себе аналогий во всей Сибири. Корни культуры этой провинции Г. Мергарт предлагал тоже искать на Ближнем

Востоке. Кроме отдельных образов, общих для скифской и западносибирской «культуры золотых пластин», идентично изображались также некоторые части тела животного.

Так, весьма характерным показателем общности происхождения Г. Мергарт считал свёрнутые спиралью губы животных — элемент, типичный для искусства Ассирии IX в. до н.э. Сами сцены борьбы животных, подчёркивал Г. Мергарт, это типичный переднеазиатский мотив. И Скифия, и Западная Сибирь, считал он, заимствовали на Ближнем Востоке основные образы искусства звериного стиля — пантеры, льва, грифа, охотившегося на оленя, барана и кабана. Однако для Сибири оказался характерным ряд своеобразных зверей-чудовищ, отдельные части тел которых комбинировались из различных животных. Так, рога или гривы представляли сплетения голов грифов. Вместе с тем встречались натуралистически выполненные изображения змей, яков и верблюдов. Образы фантастических крылатых зверей не находили аналогий у причерноморских скифов. Они считались Г. Мергартом чисто ближневосточными с отдельными элементами искусства Центральной или Южной Азии.

Самым ранним этапом проникновения в Минусинскую котловину сюжетов, отражающих борьбу животных, Г. Мергарт называл II-I вв. до н.э. В минусинской культуре эпохи бронзы таких сюжетов, по его мнению, не очень много. К тому же позы животных отличались значительно меньшей экспрессией. Г. Мергарт в связи с этим обратил внимание на найденную в Таштыпе золотую пластину с изображением хищного животного и лежащего барана, изображенного в позе, характерной обычно для оленей. Привлёк его внимание также кинжал из Батеней, навершие рукоятки которого оформлено в виде звериной головы с открытой зубастой пастью и свёрнутой спиралью верхней губой («ближневосточный мотив!»). Такие изображения животных с разинутой пастью, скрученной верхней губой, одним ухом и пластическим глазом Г. Мергарт считал типичными для культуры металла Минусинской котловины этапа «коллективных могил». Вместе с тем «конвульсивно свернувшееся животное» играло меньшую роль в Минусинском искусстве звериного стиля. Таким образом, сцены борьбы животных можно было в сюжетном плане считать общими для Скифии и Минусинской котловины. Они относились к позднему этапу развития искусства звериного стиля, которое проникло в тот и другой район с Ближнего Востока. Посредником между Минусинской культурой бронзы и Ближним Востоком выступали, согласно идеям Г. Мергарта, западносибирская «культура золотых пластин» и, возможно, Алтай.

Если подвести краткие итоги, то в общих чертах исторический процесс на территории Минусинской котловины представлялся Г. Мергарту следующим образом. Районы среднего Енисея и Томска были далекими окраинами евразийских степей эпохи бронзы. Сюда с определённым опозданием доходили отдельные важные достижения цивилизации. Так, переход к эпохе железа был осуществлён здесь во второй половине I тыс. н.э., в то время как на Алтае и вообще в Западной Сибири этот процесс завершился во второй половине I тыс. до н.э. «Минусинская культура бронзы» появилась на среднем Енисее в сформировавшемся виде, о чём свидетельствуют устойчивый обряд погребения умерших, развитое бронзолитейное производство, устоявшиеся и разнообразные формы орудий труда и оружия, а также украшений. Вероятным временем появления здесь этой культуры Г. Мергарт считал первую половину I тыс. до н.э. [21] Следовательно, Г. Мергарт в отличие от А.М. Тальгрена исключал возможность появления культуры металла до I тыс. до н.э. Что касается глубинных истоков, то носители «минусинской культуры бронзы» пришли, по-видимому, с Ближнего Востока или из районов, тесно связанных с ближневосточной культурной зоной. На первом этапе минусинская культура испытала влияние восточнорусских культур бронзы, что проявилось в наличии определённых типов кельтов и в появлении на них мотивов «геометрической орнаментации». Затем, в IV в. до н.э., а вполне возможно и раньше, началось проникновение элементов искусства звериного стиля из Передней Азии. Для раннего стиля Г. Мергарту установить точного посредника, связующего Енисей и Ближний Восток, не удалось, а для позднего таковыми стали Западная Сибирь и Алтай с их развитой «культурой золотых пластин».

Переход от «курганов с угловыми камнями» к этапу «коллективных» могил произошёл не в III в. до н.э., а во II-I вв. до н.э. В Минусинском крае стало ощущаться влияние «культуры золотых пластин», что как раз и привело к появлению в искусстве характерных сцен борьбы животных. В то же время в котловину начали проникать первые железные вещи и возник новый обряд погребения — сожжение склепов и размещённых в них умерших. Примерно в III в. н.э. наметилось постепенное проникновение в Минусинскую котловину носителей культур железа. Эта миграция осуществлялась, по-видимому, с Алтая и из Западной Сибири. Переселение носителей новой культуры закончилось полным вытеснением людей культуры бронзы на север (именно ими оставлена культура района Красноярска VIII в. н.э.).

Итак, книга Г. Мергарта представляла собой первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвящённое бронзе среднего Енисея. Значение её заключалось в том, что при написании этой работы автор использовал результаты изучения подлинных предметов из коллекций Красноярского, Минусинского, Томского музеев и Эрмитажа, а также сведения, опубликованные русскими и зарубежными археологами, материалы собственных экспедиций и раскопок. Кроме того, им были изучены коллекции В.В. Радлова, И.Н. [И.П.] Кузнецова-Красноярского и А.В. Адрианова. Анализ идей Г. Мергарта показывает, что он в общем шёл в фарватере представлений европейской и русской археологической науки первой трети XX в. Так,

изменения в культурах, согласно его учениям, происходили не в результате внутренних процессов развития, а под влиянием миграционного движения народов или эстафетной передачи отдельных элементов культур. Г. Мергарт не дал сколько-нибудь развёрнутой характеристики хозяйственной и социальной жизни носителей минусинской культуры бронзы, вследствие чего его научные построения оказались оторванными от кардинально важного конкретно-исторического фона. К тому же его понятие «культуры» лишь узко и ограниченно обобщало признаки, строго скомпонованные по формально-типологическому принципу. В то же время бесспорной заслугой Г. Мергарта следует считать широкое использование им сравнительного метода. Для доказательства своих идей он широко привлекал археологические материалы Скандинавии, европейской части России, Венгрии, Северного Причерноморья, Средней Азии и Передней Азии, Западной Сибири, Прибайкалья и Алтая. Одни идеи, высказанные им, носили явно гипотетический характер, доказанность других выглядела зачастую малоубедительной. Острый недостаток имеющегося в его распоряжении фактического материала накладывал определённый отпечаток на общие концепции, развитые им.

Г. Мергарта можно считать последователем А.М. Тальгрена, у которого он заимствовал идеи о самобытности минусинской культуры бронзы, о влиянии на её оформление восточнорусских культур эпохи бронзы, о южном её происхождении. Но он не просто заимствовал, а попытался развить дальше идеи А.М. Тальгрена. Минусинскую культуру эпохи бронзы Г. Мергарт выделил в самостоятельную, отличную от соседних культур бронзы Красноярска и Томска на основании признаков, типичных только для Минусинской котловины (конструкция курганов, погребальный обряд, «кривые ножи», звериный стиль в искусстве). Он дал по существу исчерпывающую в свете имеющихся фактов характеристику элементов этой культуры и проследил основные этапы её развития. Г. Мергарту удалось в общем правильно сгруппировать курганы в один культурный комплекс и расположить их по хронологическим этапам, соответствующим действительному ходу развития культуры Минусинской котловины 1 тыс. до н.э. Правда, он, как стало ясно позднее, ошибочно отнёс к этому культурному периоду многие ножи, кельты и кинжалы. По следует иметь в виду, что это были вещи из случайных находок, а при ничтожно малых по масштабам раскопках, когда точные сопоставления предельно ограничены, подобные ошибки для того времени можно считать просто неизбежными.

Заслуживает внимания постановка Г. Мергартом ряда проблем, получивших в последующем развитие в работах советских и европейских археологов и историков культуры: 1. Взаимоотношения минусинской культуры эпохи бронзы с соседними в пределах Сибири. 2. Связи минусинской и сибирской культур с восточнорусскими культурами бронзы и раннего железа. 3. Пути решения проблемы происхождения минусинской бронзы, учитывая то обстоятельство, что связи её с местным неолитом не фиксируются: а) носители культуры эпохи бронзы пришли в Минусинскую котловину извне; б) предполагаемая прародина культуры бронзы этого региона — Передняя Азия или соседние районы Центральной Азии. 4. Г. Мергарт впервые высказал мысль о местных истоках сибирского звериного стиля, сходство которого с причерноморским скифским искусством обуславливалось единым для обоих районов источником происхождения культур — цивилизациями Ближнего Востока.

Однако решающий вклад в классификацию культур Минусинской котловины, в разработку их хронологии и характеристику хозяйственно-бытового уклада каждой из них принадлежит С.А. Теплоухову, выдающемуся исследователю памятников эпохи металла Сибири.

(/163)

[9] Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. В кн.: Известия Красноярского отдела Русского Географического общества, т. 3, вып. 1. Красноярск, 1923, с. 32-35.

[10] Левин М.Г., Токарев С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе. СЭ, 1953, № 4.

[11] Mergart G. Die Bronzezeit am Enissei. Wien, 1926, S. 27-28.

[12] Ibid., S. 28-29.

[13] Ibid., S. 145.

[14] Ibid., S. 149-150.

(163/164)

[15] Ibid., S. 38.

[16] Ibid., S. 57-59.

[17] Ibid., S. 76.

[18] Ibid., S. 81-86.

[19] Ibid., S. 88. 91-93.

[20] Ibid., S. 122-179.

[21] Ibid., S. 178-182.

§ 2. Археологические исследования С.А. Теплоухова.

Разработка определяющих основ культурно-хронологической периодизации древней истории Южной Сибири.

Приступая к работе в минусинской экспедиции С.А. Теплоухов поставил перед собой вполне конкретную и исключительно важную по актуальности задачу: «...прежде всего отыскать наиболее древние погребения и установить их относительную классификацию». [1] Для выполнения этой программы он выбрал район с. Батени, расположенный в центральной части степной котловины Минусинского края. Вот какими весомыми словами он определил свой выбор для исследований именно этого региона: «Благодаря рельефу местности господствующие зимние ветры определённых направлений сдувают снег с расположенных здесь пастбищ. На обширных песчаных выдувах, около самого села, можно очень легко найти первое подтверждение наличия здесь охотников и кочевников в виде обломков предметов различных эпох: начиная, по-видимому, с древнекаменного века и кончая позднейшими железными и даже современными культурами. Изучение стоянки побудило искать в окрестностях погребения, соответствующие различным культурным обломкам, находимым в выдувах. Поиски обнаружили несколько могильников, отличных по своему внешнему виду друг от друга». [2]

Конкретно поставленная, исключительно трудная для выполнения задача по созданию типологической классификации памятников древности Хакасско-Минусинской котловины потребовала соответствующих решений. Прежде всего, следовало ясно определить своё отношение к подобному же рода классификациям, которые предлагали в своё время В.В. Радлов, Д.А. Клеменц и И.П. Кузнецов-Красноярский и Г. Мергарт. С.А. Теплоухова, однако, они при строгом анализе фактов не удовлетворили, ибо не отражали конкретно-исторического развития памятников культуры, «являясь иногда только вариациями, не всегда равноценными, не связаны были между собой в какую-либо систему и, что ещё хуже, с внутренним содержанием могил». [3]

Так, В.В. Радлов, выделив некоторые типы могил, не связывал их в хронологически последовательный ряд, различая только по эпохам — бронза, раннее и позднее железо. В классификациях Д.А. Клеменца и И.П. Кузнецова-Красноярского было, как отмечалось выше, ещё меньше определённости. Основную причину ошибок в предпринятых ранее, неудачных в конечном итоге, попытках классифицировать погребальные памятники Минусинской котловины С.А. Теплоухов видел в том, что они брали лишь внешние признаки сооружения без учёта всех остальных компонентов захоронений. «Схема памятников» составлялась почти всеми без исключения исследователями предшествующих лет по раскопкам могил различных эпох, произведённым к тому же в различных районах. Это в итоге приводило к тому, что «особенности местных вариаций затемняли наблюдаемую преемственность в устройстве могил и в некоторых бытовых предметах сменяющихся эпох». [4]

Поэтому-то, чтобы избежать ошибок, С.А. Теплоухов принял решение произвести раскопки именно в одном районе, но где были сосредоточены разновременные памятники, и проследить, таким образом, истинную преемственность в их развитии, «выстроить» захоронения в хронологически последовательный ряд. Таким благодатным местом как раз и оказались счастливо и точно выбранные для исследований окрестности с. Батени на Енисее.

После двух лет раскопок здесь в 1922 г. С.А. Теплоухов уже решительно высказал свою центральную по значимости идею о том, что в эпоху бронзы на территории Минусинской котловины существовала в общем единая культура, которая прошла, однако, в своём развитии ряд этапов. Объясняя существо своего заключения, С.А. Теплоухов писал: «Термин „культура“ употребляю для удобства изложения; выражение „культурный этап“ было бы, быть может, вернее, так как рассматриваемые могильники могут принадлежать, по-видимому, одной и той же народности, но по времени различным эпохам». [5] Даже через несколько лет, когда его хронологическая схема окончательно сложилась, С.А. Теплоухов так всё же и не пришел к однозначному для себя решению: «Классификационная единица называется мною культурой, её подразделение этапом. Правда, термин „культура“ имеет широкое значение и было бы, быть может, более справедливым считать всю минусинскую бронзу единой культурой, так как все выделенные, культурные этапы преемственно связаны между собой, тем более, что и физический тип населения был, по-видимому, однороден в своей массе. Однако некоторая осторожность заставляет меня пока воздержаться от такого обобщения. Ранние этапы бронзовой культуры, по-видимому, были распространены на более широкой территории и поэтому пока не будут установлены вне пределов Минусинского края — в Западной Сибири и на Востоке — существенные местные отличия, до тех пор, мне кажется, нельзя говорить с полной уверенностью об однородности или обособленности минусинской бронзовой культуры целиком». [6] Беспокоило автора схемы и то, что она может оказаться недостаточно полной в силу использования материалов, связанных только с могильниками. С.А. Теплоухов, конечно, ясно отдавал себе отчёт в том, что «погребальный инвентарь какой-либо эпохи не исчерпывает всей соответствующей материальной культуры». Вместе с тем характер и уровень исследований, которые возможно было вести в 20-е гг., определяли наиболее рациональный путь задуманных разработок с использованием прежде всего и главным образом фактов, связанных с особенностями погребальных сооружений и сопровождавшего умерших инвентаря, представляющего, как правило, единый комплекс вещей, которые характеризуются определённым единством признаков. Эти соображения С.А. Теплоухов считал определяющими при разработке классификации. [7]

Такого рода важные, общего плана замечания необходимо иметь в виду, уясняя существо культурно-хронологической периодизации древностей Минусинской котловины, разработанной С.А. Теплоуховым.

Если же проследить по годам этапы работы над классификацией, то выявится следующее. Можно сказать, что уже в ходе работ 1920-1921 гг. у С.А. Теплоухова в основном сложилась типологическая схема развития культур Минусинской котловины. На этом начальном этапе работ он выделил известные теперь каждому археологу-специалисту подразделения культур региона — афанасьевскую, андроновскую, гробничную (карасукскую) культуры и первый этап поздней бронзы — курганную минусинскую (тагарскую). [8] Обращаясь к каждой из культур в отдельности, следует подчеркнуть, что памятники древнейшей не известной ранее афанасьевской культуры были впервые зафиксированы в Минусинской котловине. Правда, в 1922 г. С.А. Теплоухов определил эту культуру как неолитическую, но в 1926 г. пересмотрел своё отношение к ней, определив её как энеолитическую. В сущности, за два года работ С.А. Теплоухов выполнил, кажется, невероятное — установил основные различия между раскопанными в районе с. Батени памятниками и определил их последовательность во времени. Причём сделал это настолько точно и основательно, что в главном его классификационная схема сохранила свою значимость до сих пор, — случай один из редких в истории археологии Сибири. В последующие годы С.А. Теплоухов проверял и уточнял эту схему. Так, в 1923 г. С.А. Теплоухов раскопал 72 могилы, в результате чего ему «удалось установить более прочную преемственную связь между первыми тремя культурами, наметить отдельные этапы для курганной культуры». [9] Раскопки 1924 и 1925 гг. в значительной мере подтвердили сделанные ранее выводы о возможном направлении периодизации культур.

Рассмотрим теперь, хотя бы кратко, некоторые обстоятельства раскопок отдельных могильников, материалы которых позволили выделить определённые культуры и охарактеризовать наиболее значительные особенности каждой из них, как они представлялись С.А. Теплоухову. Самый древний из открытых им могильников, принадлежавший афанасьевской культуре, насчитывал около 25 могил. Он располагался под Афанасьевской горой у с. Батени. С.А. Теплоухов раскопал 18 захоронений. Он отметил, что на поверхности могилы эти определялись по едва торчавшим из-под земли камням, которые образовывали более или менее сплошной круг диаметром от 2 до 7 метров. Могильные ямы имели подчетырёхугольную форму и отличались различными размерами в зависимости от количества похороненных в них людей. Стенки могильных ям ничем не укреплялись, и только в одной могиле были обнаружены следы перекрытия из обугленных жердей. В девяти раскопанных могилах находились одиночные захоронения, в четырех — парные, в двух — по три, в одной — пять и ещё в одной — семь костяков. В шести могилах умершие лежали на различных уровнях, что С.А. Теплоухов оценил как свидетельство существования обычая двуактных погребений. В шестой могиле лежал в беспорядке женский костяк, кости которого местами были окрашены в ярко-малиновый цвет. Наряду со взрослыми в могилах находились детские костяки: в двух случаях — одиночные, в двух — совместно с женскими и ещё в двух — по два взрослых и по одному детскому, в одной — четыре взрослых и один детский, в одной — четыре взрослых и три детских. Скелеты ориентировались головой на юго-запад, лежали скорченно на боку, мужские чаще на левом, женские на правом.

Сопровождающий инвентарь в афанасьевских могилах был немногочисленным. Заслуживали особого внимания кремнёвый наконечник стрелы миндалевидной формы, цилиндрический пест из зеленоватой породы, четыре конусообразные тёрки из речных окатанных галек, трубочка из кости, служившая игольником, костяная игла с правильным круглым ушком и две медные пластинки с округлыми краями, служившие, по-видимому, обкладками деревянных сосудов. Глиняные сосуды — основной погребальный инвентарь — были главным образом остродонной яйцевидной формы. Из 22 сосудов плоскодонных С.А. Теплоухов обнаружил только три: банкообразный горшок со слегка выпуклым туловом, чашку и вазочку на ножке, дно которой было слегка выгнуто. Яйцевидные сосуды имели хорошо выраженную шейку с прямым или отогнутым наружу венчиком. Сосуды орнаментировались по всей поверхности крупнозубым штампом, резными линиями (бороздками) и валиками. В орнаментальных мотивах преобладали ёлочка и зигзагообразные линии. [10]

До С.А. Теплоухова подобные могильники в Минусинской котловине не раскапывались и не описывались, хотя керамика афанасьевских погребений часто встречалась на среднем Енисее. В частности, фрагменты сосудов, аналогичные по форме и орнаменту, были обнаружены ранее на стоянках у сёл Батени, Сарагаш, Анаш, Тесь, Усть-Абаканское, Самодуровка, Означенное, Восточное, Лугавское. Теперь стало ясно, с какими погребальными памятниками следовало связывать керамику такого рода. Оценивая в целом находки, нельзя было не прийти к выводу о том, что афанасьевская культура характеризовалась строго определённым и своеобразным комплексом признаков, начиная от особенностей погребального обряда и кончая керамикой. Это обстоятельство и позволило С.А. Теплоухову выделить особую, весьма раннюю по времени культуру, которая, как выяснилось, была широко распространена в Минусинской котловине. Афанасьевская культура определялась им как энеолитическая, т.е. переходная от каменного века к бронзовому. Такой она была не только потому, что наряду с изделиями из металла в большом количестве встречались также каменные, но и потому, что большую роль в жизни населения играла при наличии скотоводства охота. Так определился, как считал С.А. Теплоухов, неустойчивый, переходный тип хозяйства, который в последующее время приобрел более определённые черты.

По мнению С.А. Теплоухова, в афанасьевское время закладывались основные компоненты культур бронзы Минусинского края. Недаром поэтому керамика афанасьевского могильника генетически оказалась связанной с керамикой всей эпохи бронзы. Действительно, в могильнике под Афанасьевой горой наряду с остродонными яйцевидными сосудами встречались баночные, чашевидные и кубкообразные, которые в различных соотношениях использовались также в более поздних культурах этого района Сибири. То же самое можно было сказать о способах и компонентах узоров афанасьевской орнаментации сосудов — гребенчатом, резном и лепном орнаментах. [11] Анализируя материалы афанасьевской культуры, С.А. Теплоухов пришёл к выводу, что к востоку от Енисея и к югу от Саянских гор эта культура не была распространена. Следы её, однако, возможно, прослеживались на Алтае и под Семипалатинском. [12] Так в общих чертах намечались вначале принципы распространения новой культуры эпохи раннего металла. Решая эту сложную задачу, С.А. Теплоухов обратил внимание на ожерелья из раковин двустворчатого моллюска (*Corbicula fluminalis*), встречающегося только в дельте Амударьи (теперь это далеко не бесспорный факт), на сходство афанасьевских сосудов с керамикой Закаспийской области, как и на основные черты физического типа погребённых: длинноголовость, узкое лицо, горбатый нос которых «отличали их от современного населения, как Минусинского края, так и прилегающих к нему районов Азии». [13] Отметив явственные, с его точки зрения, культурные связи с районом Аральского моря, С.А. Теплоухов высказал предположение, что «металлическая медно-бронзовая культура проникла сюда из иранского мира». [14] Вот почему он считал афанасьевцев представителями индоиранской группы народов, которые проникли на Енисей в энеолитическую эпоху. Замечательно, что дальнейшее развитие и подтверждение эта гипотеза получила в последующие годы в работах С.В. Киселёва и М.П. Грязнова ведущих археологов, которые занимались изучением древних культур Сибири. [15]

В основу следующей по времени (андроновской) культуры С.А. Теплоухов положил материалы, полученные при раскопках могильников у сёл Батени («Ярки»), Новосёлово и у д. Андроновой (раскопки А.Я. Тутаринова в 1914 г.). Согласно характеристике С.А. Теплоухова, внешними признаками могильных памятников этой культуры служили очень незначительные, окружённые иногда оградками из камней, округлые насыпи. Стенки могил укреплялись каменными плитами или деревянным срубом. Характерным признаком погребального обряда оказалось скорченное положение костяков на боку, обращённых головой на юго-запад. Погребальный инвентарь в захоронениях был очень беден и состоял в основном из плоскодонных сосудов. Окись меди на костях отмечалась С.А. Теплоуховым постоянно. Самое пристальное внимание он уделил скрупулёзному и точному типологическому анализу погребального инвентаря андроновцев, что делало его выводы оправданными и неотразимыми по логике с точки зрения действительной необходимости выделения очередного культурного этапа в истории эпохи металла Минусинской котловины.

Сосуды андроновской культуры он подразделил на два типа. Первый составили баночные сосуды с прямыми, постепенно расширяющимися кверху стенками. Орнамент на них наносился простым или гребенчатым штампом по всей поверхности, не исключая даже дна сосуда. Наиболее характерными элементами орнамента С.А. Теплоухов считал ёлочку, зигзагообразные линии, пояски ямок, а также короткие и глубокие бороздки. Дно сосудов покрывалось заштрихованными, перекрещивающимися друг с другом бороздками. Во вторую группу он включил хорошо профилированные горшки с узким дном и широким туловом. Они орнаментировались в верхней части гребенчатым штампом. С.А. Теплоухов отметил, что у этой группы сосудов преобладали геометрический и меандровый мотивы орнамента. Типологические подразделения сосудов не отражали хронологию андроновской культуры, недаром обе формы сосудов были найдены в одной могиле у с. Новосёлова, а разные элементы орнамента оказались характерными для той и другой группы керамики. Материалы со стоянок эпохи андрона у сёл Батени и Анаш подтвердили это заключение С.А. Теплоухова: здесь в ненарушенных культурных слоях встречались фрагменты керамики обоих типов. Подобная керамика была обнаружена также у сёл Тесь, Улазы, Знаменка, Самодуровка и на Тагарском острове. С.А. Теплоухов отметил также, что она фиксировалась всюду по Западной Сибири и Восточному Казахстану. Характеризуя андроновскую культуру в целом и отмечая её наиболее значительные черты и особенности, С.А. Теплоухов писал о развитом бронзолитейном производстве и скотоводстве с разведением крупного рогатого скота как основе экономической жизни. Анализ всей совокупности материалов позволил ему в итоге сделать следующий вывод: «Характер погребений, устройство могил и находимая в них керамика дают мне основание отнести описываемые могильники к особому культурному этапу, отличному от афанасьевского. Так как в могильнике близ д. Андроновой обнаружены погребения наиболее богатые в Минусинском крае, то я позволяю себе... назвать описываемый этап — андроновской культурой». [16]

Отмечая и подчёркивая четкие отличия между афанасьевской и последующей андроновской культурами, С.А. Теплоухов тем не менее ясно видел преемственность погребального обряда. В том и другом случае покойников хоронили на боку в скорченном положении и в большинстве случаев ориентировали головой на юго-запад. Черты сходства в керамике, при всём её, конечно, резком отличии, всё же при особо внимательном анализе и тщательных сопоставлениях прослеживались: так, два плоскодонных афанасьевских сосуда с орнаментированным дном и некоторые андроновские сосуды по принципу орнаментации оказались в общем сходными. Всё это позволило С.А. Теплоухову сделать вывод о том, что афанасьевская культура предшествовала

андроновской и была её основой. [17] Но позже, в 1929 г., он уже несколько иначе и гораздо более сложно представлял процесс взаимодействия афанасьевской и андроновской культур. Андроновские памятники на Енисее виделись ему крайне восточным районом распространения культуры, которая, по-видимому, существовала здесь недолго. Обособленность андроновцев подтверждалась особым их антропологическим типом. По этому, чрезвычайно важному, признаку они отличались как от своих предшественников, афанасьевцев, так и от преемников — носителей карасукской и минусинской курганной культур. Таким образом, допуская возможное отсутствие генетической преемственности, сосуществование культур на начальном этапе, что и определяло черты сходства, С.А. Теплоухов тем не менее настаивал на том, что «между двумя культурами наблюдается преемственность, что сказывается в некоторых особенностях погребального обряда, в керамике и других бытовых предметах». [18]

С.А. Теплоухов решал также вопросы, связанные с происхождением андроновской культуры. Как известно, андроновские памятники к востоку от Енисея не были обнаружены. Типичными они оказались для Западной Сибири и Казахстана. В этой связи замечательным представляется вывод С.А. Теплоухова о западных истоках и связях очередного культурного этапа Минусинской котловины: «Есть некоторые основания предполагать, что андроновская культура, явившись в Минусинский край на смену афанасьевской, существовала здесь недолго. Физический тип погребённых, судя по черепам, обнаруживает некоторые отличия от типа населения как предшествующей афанасьевской, так и последующих, более поздних эпох — карасукской и минусинской курганной». [19] Отсюда следовало, что Западная Сибирь и Казахстан были основной областью распространения андроновской культуры, Енисей же составлял её восточную окраину. Недаром андроновский инвентарь обнаруживал многочисленные аналогии в инвентаре соответствующих по времени культур Восточной Европы и Средней Азии. С.А. Теплоухов проследил элементы сейминской культуры в керамике, орнаментике кельтов и копий андроновцев. Если все же сейминская культура отличалась в целом от андроновской, то синхронность их между собой казалась ему бесспорной. В таких же отношениях андроновская культура находилась с хвалынской и срубной культурами Запада. Все они существовали в зоне евразийских степей и прилегающих к ней районов и сложились, как считал С.А. Теплоухов, под воздействием южных культур. [20]

Последующие исследования показали, что андроновские памятники действительно широко распространены в азиатской части нашей страны. Таким образом подтверждался факт неизолированности андроновской культуры, что доказывалось сходством андроновских памятников со срубными нижневолжских и донских степей. Многие оказались общим для культурного развития населения обширной территории, протянувшейся от Днепра до Енисея. Историческую важность наличия в центре Евразии такого культурного единства трудно переоценить.

Памятники следующей по времени (карасукской) культуры раскапывались ранее И.П. Кузнецовым-Красноярским у с. Аскыз, А.В. Адриановым на р. Тубе (лог Джесос), на острове Тагарском и у Тагарского озера, а также А.Я. Тугариновым у с. Луговского. Кроме того, находки карасукской по типу керамики отмечались в окрестностях деревень Кривой и Каменки, а также на территории поселения, открытого у с. Анаш. О широком распространении карасукского типа памятников вне Минусинской котловины в 20-е гг. можно было сказать лишь то, что ножи, близкие по форме коленчатым, встречались в Прибайкалье и Забайкалье, а разнообразная керамика, сходная с карасукской, — под г. Бийском на Алтае. Но место памятников такого рода в целостной системе древних культур Минусинской котловины стало ясно лишь после раскопок С.А. Теплоухова в районе Батеней.

С.А. Теплоухов точно определил характерные признаки памятников карасукской культуры. Погребальные сооружения представляли собой хорошо выраженные на поверхности четырёхугольные или кольцевые оградки с примыкающими к ним оградками меньших размеров. Внутри такого рода оградок размещалась одна могила, выложенная по сторонам и прикрытая сверху плитами. По сохранившимся первоначальному положению костякам С.А. Теплоухов сделал вывод, что умершего клали в могилу на спине и значительно реже на боку, ориентируя головой на северо-восток. Он отметил также наличие двуактных захоронений. В могиле размещались круглодонные сосуды, медные височные кольца, перстни с двумя полушариями, коленчатые ножи и лапчатые подвески. Сосуды орнаментировались резным геометрическим орнаментом, который размещался в верхней части тулова. Линии узора иногда инкрустировались белой пастой. [21] Карасукцы в совершенстве овладели металлургией бронзы, и скотоводство их было специализированным. Преобладало в нём овцеводство, но у них была также одомашненная лошадь.

Что касается проблемы происхождения, то, считая карасукскую культуру преемницей андроновской («преемственность в устройстве могил» — камера из плит, оградки в виде кольца, неглубокие могильные ямы, труположения, иногда скорченные; двуактные захоронения; заштрихованные треугольники и ромбы, ёлочки и желобчатые бороздки в орнаментации керамики; переходные формы сосудов с «намечающимся плоским и весьма зауженным дном», предметы искусства «звериного» стиля), С.А. Теплоухов тем не менее высказал мысль, что она также могла сформироваться около I тыс. до н.э. под влиянием культуры, зародившейся в пределах Центральной Азии. В качестве доказательства он привлек для аналогий ножи, близкие по форме к такого же рода изделиям древностей Забайкалья и Прибайкалья, по которым прослеживалась связь древних культур этого

района с Монголией и другими частями Центральной Азии. Они давали «некоторое основание искать культурные связи в рассматриваемую эпоху именно в этом направлении». [22]

В частности, С.А. Теплоухов обратил внимание на сообщения «персидских летописей», в которых сообщалось о распространении у отдельных народов Азии «двуактных погребений», обычных для древних культур Центральной Азии во времена, синхронные с карасуком и с более поздними этапами эпохи металла. Кроме южных и юго-восточных связей С.А. Теплоухов пытался определить западное направление контактов. По его мнению, прорезные рукоятки некоторых коленчатых ножей и головки животных на рукоятках близки рукояткам кинжалов и ножей сейминского типа. Карасукская керамика с нарезными треугольными фестонами напомнила ему кавказскую и южнорусскую, на которой те же ямки наносились при основании фестона, а внутренние штрихи сходились к вершине фестона. В связи с этим особый интерес приобрели связи карасукской культуры со скифскими древностями юга России. Важной проблемой, требующей основательной проверки, осталось отношение карасукской и афанасьевской культур. [23]

Именно эти идеи нашли дальнейшее отражение в исследованиях по археологии Южной Сибири. [24] Для последующей эпохи, когда в Минусинской котловине появилась так называемая курганная (по современной терминологии — тагарская) культура, были характерны, как установил С.А. Теплоухов, многочисленные курганы, которые нередко занимали обширные пространства. Это свидетельствовало о сравнительно высокой плотности населения в то время. Земляные курганы различной высоты обычно окружались прямоугольными оградками из вертикально поставленных плит. По углам оградок и часто по удлинённым её сторонам ставились высокие камни. Нередко в нескольких десятках метров от курганов располагались одиночные камни.

Значительный интерес вызывали наблюдения С.А. Теплоухова, касающиеся хронологии могильных сооружений: «Чем реже расположены курганы в могильном поле, чем они выше и больше и чем больше высоких камней в СЗ и ЮВ стенках ограды — тем они более позднего времени... В ранних курганах мы иногда встречаем индивидуальные могилы, но чаще в одной могиле находятся остатки скелетов нескольких погребённых: взрослых и детей». [25] Весьма интересными оказались невысокие удлинённые курганы, основные оградки которых подразделялись перегородками. По углам ограды и при стыке её с перегородками ставились высокие камни. Более поздние курганы с общей насыпью не имели внутренних перегородок. В связи с этим С.А. Теплоухов высказал предположение, что в ранних курганах находились семейные усыпальницы, а в поздних — родовые, содержащие до сотни и более погребённых.

Памятники курганной культуры С.А. Теплоухов подразделил на четыре хронологических этапа. Для первого этапа, по его мнению, характерны невысокие курганные насыпи с прямоугольной или реже квадратной оградой, со стоящими по углам и боковым сторонам высокими камнями. Прямоугольная грунтовая могильная яма укреплялась вертикально поставленными плитами или же деревянным срубом. Покрытие камеры состояло из брёвен или плит, засыпанных мелким плитняком, галькой и землёй. В могиле находились один или несколько костяков. Они лежали на спине, в вытянутом положении, обращённые головой на юго-запад. Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов, оружия и украшений. Среди сосудов преобладали изделия баночной формы с расширяющимися кверху стенками и отогнутым наружу венчиком. В могилы ставились также чаши, корчаги и кубковидные сосуды. В орнаментике преобладали желобки, резная штриховка и выдавленные изнутри бугорки. Мужские костяки сопровождалась бронзовыми ножами и кинжалами, наконечниками стрел, клевцами; женские — кожаными мешочками, расшитыми сухожильными нитками, ножами, шильями и иглами из бронзы. Украшения представлены полусферическими бляшками и биконическими бронзовыми, стеклянными и пастовыми бусами. Зеркала клали как в мужские, так и женские захоронения. Из орудий труда С.А. Теплоухов обнаружил при раскопках кельт, «секиру» и серп. [26]

Внешние признаки курганов второго этапа оставались, как установил С.А. Теплоухов, в основном те же, но они отличались большей величиной и располагались на могильном поле реже. Погребальные камеры тоже были внушительных размеров и содержали по несколько десятков погребённых. Могилы сооружались из дерева и покрывались двойным рядом бревен и бересты. С.А. Теплоухов отметил обилие вторичных погребений. Погребальный инвентарь в основном не изменился. В могилах были найдены полусферические бронзовые бляшки, пронизки, биконические каменные, пастовые и стеклянные бусы и наконечники стрел. Сосуды, однако, не имели орнамента, а венчик их скашивался внутрь. Отмечается также уменьшение размеров клевцов, зеркал и шильев. Новым элементом инвентаря стали бронзовые котлы с двумя ручками и полый ножкой. Они характерны для захоронений конца второго этапа. Самой характерной особенностью второго этапа С.А. Теплоухов считал расцвет в искусстве звериного стиля, зарождение которого восходило к первому этапу курганной культуры, а возможно, и к более раннему времени. Оружие, орудия труда и бытовые предметы стали теперь украшаться головками и фигурками хищных и травоядных животных. Они изображались в весьма характерной манере — с кольцевидными окончаниями ног и хвостов и выпуклой бедренной и плечевой частями. Что касается техники, то С.А. Теплоухов отметил преобладание скульптурного литья, но уже появились и плоские, односторонне

рельефные изделия, которые служили «накладными украшениями». Начало второго этапа курганной культуры С.А. Теплоухов датировал VI в. до н.э. [27]

Курганы третьего этапа выделены им на основании специфических особенностей погребального ритуала. В обширных погребальных камерах, сделанных из дерева и содержащих по несколько десятков костяков, С.А. Теплоухов отметил признаки и использование обряда вторичного захоронения и кремации мёртвых. Обугленные деревянные стены могил позволили ему сделать вывод о том, что сожжение происходило, очевидно, в погребальной камере. Особо выделялись курганы, в которых, как считал С.А. Теплоухов, были похоронены «властители». Такие могильные сооружения датировались финальной стадией этого периода. Типичный инвентарь третьего этапа составляли глиняные сосуды на полых ножках, имитирующие котлы, миниатюрные клевцы, кинжалы, ножи, которые С.А. Теплоухов считал «сакральными», зеркала, фигурки оленей, каменные подвески, ажурные конические навершия с фигурками козлов. В части могил третьего этапа был зафиксирован железный шлак. Изделия из железа — клевцы, наконечники стрел, кинжалы, копирующие бронзовые, — С.А. Теплоухов отнёс к концу этого этапа. Овладение металлургией железа населением Минусинской котловины произошло, по его мнению, в результате контактов с соседями. Такой вывод он сделал потому, что изделия из железа на среднем Енисее представлялись ему более поздними, чем в других районах Евразийских степей.

На третьем этапе получил дальнейшее развитие звериный стиль. Изображения животных по-прежнему выполнялись в виде скульптур, но они характеризовались деталями, которые позволяли выделить эти изделия в особую группу. К новому мотиву относилось противопоставление животных или их голов друг другу. Иначе теперь изображались глаза — они делались выпуклыми и тем отличались от «вогнутых» и «сквозных» глаз изображений животных предшествующих периодов. К этому же времени С.А. Теплоухов относил широкое распространение четырёхугольных ажурных односторонне рельефных блях с изображениями противопоставленных друг другу лошадей, быков и других животных.

Аналогии этим бляхам он видел среди золотых изделий сибирской коллекции Эрмитажа, изображающих борьбу животных, а также в мотивах аппликаций ковров ноинулинских курганов Монголии. [28]

К четвёртому этапу С.А. Теплоухов отнёс курганы больших размеров, деревянные погребальные камеры которых перекрывались толстым слоем коры и берёсты. Появление гипсовых масок и миниатюрных железных предметов «сакрального значения» также определяло выделение этих курганов в особую группу. Однако погребальный инвентарь из них в основных своих чертах представлялся С.А. Теплоухову сходным с инвентарём третьего этапа. [29]

Более сложным было металлургическое производство носителей минусинской курганной культуры. Наряду с бронзовым литьём на третьем этапе появилась металлургия железа. В хозяйстве по-прежнему преобладало скотоводство — разведение овец, лошадей и крупного рогатого скота. В то же время, по-видимому, появилось земледелие, а целый ряд вещей погребального инвентаря указывал на то, что охота и рыболовство играли тоже существенную роль в хозяйстве населения этого этапа.

Антропологический тип обитателей среднего Енисея в основных своих чертах остался прежним. Как предположил С.А. Теплоухов, «весьма вероятно, что они и есть то голубоглазое и светловолосое население (динлины, бома), которое жило на Енисее». [30] По многим признакам курганная культура имела аналогии в скифской и ананьинской культурах. Однако эти взаимодействия были изучены слабо и не позволили С.А. Теплоухову сделать более определённые выводы. Следует только напомнить, отмечал он, «что элементы звериного стиля, столь характерного и для скифской культуры, находят себе прототипы не только в первом этапе минусинской курганной культуры, но и в карасукской. Таким образом, эволюция звериного стиля в Минусинском крае, тесно связанная с другими бытовыми явлениями, даёт картину развития бронзовой культуры более полную, чем в остальных районах евразийских степей». [31]

«Таштыкским переходным этапом» С.А. Теплоухов закончил культурно-хронологическую периодизацию минусинской курганной культуры. Для этого периода характерны могилы, едва заметные на поверхности и сгруппированные в могильные поля. В северо-восточной части погребальных сооружений располагался ряд высоких камней, ориентированных с ССЗ на ЮЮВ. Погребальные камеры делались из брёвен или плах. Пол тоже иногда мостился из плах. В камерах погребались от 1 до 3 умерших. Они лежали в вытянутом положении на спине, ориентированные головой чаще всего на юго-запад. Если в камере отсутствовал пол, то покойники укладывались на берёсту. С.А. Теплоухов зафиксировал случаи двуактных погребений и сожжения. [32] В погребальном обряде получили широкое распространение мумифицирование трупов и покрытие черепов гипсовыми масками.

На таштыкском этапе, датированном началом н.э., с юга и Минусинскую котловину, по мнению С.А. Теплоухова, проникли представители иной культуры. Они уничтожили местную культуру и довершили разложение родового

строю, который процветал здесь на протяжении предшествующих тысячелетий. [33] Так в Минусинской котловине окончательно утвердилась культура железного века, носители которой создали затем первые государственные образования Южной Сибири.

О социальной структуре и общественных отношениях носителей минусинской курганной культуры, как, кстати, и предшествующих культур, С.А. Теплоухов высказался предельно кратко. Учитывая, что в памятниках ранних культур не отмечались признаки, указывающие на неравенство, думается, что для С.А. Теплоухова было бесспорным существование в тот период развитого родового строя. Он, однако, начал разлагаться в конце третьего этапа минусинской курганной культуры под влиянием расширяющихся связей с народами Центральной и Средней Азии. Впрочем основные выводы С.А. Теплоухова в этой части, вследствие их особой лапидарности, следует процитировать полностью: «Южные окраины Сибири постепенно вовлекались в сферу международных отношений. Зарождается ханская родовая власть, лёгшая впоследствии в основу управления многочисленных эфемерных государств Азии. Глубокие могилы сооружаются не над коллективными погребениями равноправных членов общества, а над могилами умерших властителей. Под влиянием оживлённых сношений на юге появляются новые предметы, проникшие широким потоком в Минусинский край». [34]

Подводя краткие итоги, можно решительно констатировать, что основную часть поставленной перед собой задачи С.А. Теплоухов решил успешно. Ему удалось выявить новые памятники, раскопать их и установить относительную классификацию древних культур региона.

Остаётся уточнить, как решалась им проблема взаимоотношений между выделенными культурами. Следует ли воспринимать их независимыми друг от друга, или же каждая служила основным компонентом в формировании последующей? Веским доказательством определён линейной преемственности между культурами С.А. Теплоухов считал антропологический тип населения эпохи бронзы Минусинской котловины, родственный, как ему представлялось иранской группе народов. Лишь в андроновское время отмечались им некоторые отличия древнего населения от афанасьевцев и карасукцев. Носители курганной культуры в основных своих чертах были сходны с населением среднего Енисея в афанасьевскую и карасукскую эпохи. Только в начале нашей эры, как считал С.А. Теплоухов, сюда проник «короткоголовый брюнетический тип населения», который поглотил население «светловолосое и голубоглазое». [35] Для С.А. Теплоухова «последовательная эволюция» от эпохи бронзы и вплоть до культур развитого железного века — факт непреложный. Необходимо отметить, что в основе исторического процесса, как он понимал его, лежало поступательное развитие хозяйства носителей культур бронзовой эпохи Южной Сибири. Наличие в могилах предметов бронзолитейного производства и костей животных позволило ему поэтапно проследить развитие хозяйства.

Вопросов, связанных с абсолютной датировкой культур, С.А. Теплоухов не разрабатывал, но отдельные соображения на этот счёт он высказал. Эпоха энеолита, по его мнению, заканчивалась между 2000-1500 годами до н.э. Отсюда следовало, что афанасьевская культура существовала, возможно, нею первую половину II тыс. до н.э., а андроновской отводилась вторая половина II тыс. до н.э. В таком случае карасукскую культуру необходимо было датировать I тыс. до н.э., точнее, концом II тыс. до н.э. и началом I тыс. до н.э. Эволюция завершалась минусинской курганной культурой, датированной С.А. Теплоуховым началом I тыс. до н.э. — первыми веками I тыс. н.э.

Следует в заключение констатировать, что двухсотлетний насыщенный интересными событиями период изучения южносибирских памятников завершился в 20-е годы нашего века блестяще выполненной классификацией культур эпохи бронзы и раннего железного века. Удачливость и талант исследователя, как и, бесспорно, продолжительная работа предшественников, думавших над теми же проблемами, предопределили то исключительное обстоятельство, что С.А. Теплоухову потребовалось всего три года (1920-1922 гг.), чтобы выделить основные этапы развития культуры бронзового века и разместить их в обоснованной хронологической последовательности. В течение последующих семи лет (1923-1929 гг.) он окончательно доработал классификационную схему, которая легла в основу южносибирской археологии эпохи бронзы и железа. Значение работы С.А. Теплоухова поистине трудно переоценить. С тех пор прошло 50 лет. За это время накоплен новый огромный материал по тому же региону. Но культурно-хронологическая схема С.А. Теплоухова осталась в основных чертах жизненной до сих пор. Трудно поэтому назвать обобщающую работу по Южной Сибири, в которой так или иначе не использовались бы типологические и хронологические построения С.А. Теплоухова. В этой связи достаточно вспомнить капитальные работы С.В. Киселёва и М.П. Грязнова, чтобы убедиться в том, что в последующие десятилетия археологические исследования в Сибири в самом деле опирались на периодизацию, созданную С.А. Теплоуховым. В сущности, С.А. Теплоухов первым разработал почти идеальную классификацию памятников среднего Енисея от энеолита до позднего средневековья. Его культурно-историческая схема эволюции культур металла оказалась к тому же применимой для анализа культур обширного региона, охватывающего территорию от Аральского моря до Енисея. Он, как уже отмечалось, выявил последовательную сменяемость культур, установил их взаимную преемственность и хронологические рамки.

Всё это разрабатывалось С.А. Теплоуховым на материалах своих раскопок и сведений, накопленных предшественниками, в частности, И.П. Кузнецовым-Красноярским, А.В. Адриановым и А.М.[А.Я.] Тугариновым. Точность схемы не в последнюю очередь определялась, помимо отмеченного выше, также тем немаловажным обстоятельством, что материалы сомнительные, полученные при небрежных раскопках, не принимались им во внимание, чтобы избежать ошибок в главных выводах, а анализ богатейшего подъёмного материала, в частности изделий из бронзы, не производился по чисто техническим причинам — ограниченности публикаций. Глубокая научная интуиция и компетентность С.А. Теплоухова позволили ему решить один из важнейших методологических вопросов сибирской археологии. Он не только произвёл «группировку» культур, которые, наконец, стали конкретными и осязаемыми реально. Само понятие «культура» впервые наполнилось, благодаря С.А. Теплоухову, содержанием во всём его многообразии.

Как уже отмечалось, культура, согласно его представлениям, это не просто произвольно скомпонованный набор вещей, а этап в истории, которому свойственны определённый хозяйственный уклад и тип общественных отношений. С.А. Теплоухов недаром постоянно подчёркивал поступательность в развитии культур, указывал на непрерывность исторического процесса, что выражалось в непосредственной преемственности между культурами, в постепенном усложнении всего жизненного уклада древнего населения. Он, насколько позволяли материалы раскопок, стремился анализировать признаки культур в комплексе, не ограничиваясь описанием «изменений в строении» надмогильных сооружений, особенностей форм инструментария из бронзы. С.А. Теплоухов обращал особо пристальное внимание на внутренние процессы «саморазвития культур» как на основные пружины, движущие исторический процесс. Во всём этом, т.е. в сущности во взглядах на исторический процесс и в понимании задач археологической науки как базового отдела истории, С.А. Теплоухов явно превзошёл своих предшественников и потому сейчас по праву занимает особо достойное место среди исследователей древней Сибири.

Следует, однако, указать и на противоречивость в его взглядах. Исторический процесс в общих чертах непрерывен, и С.А. Теплоухов справедливо пытался нащупать связующие элементы между отдельными культурами. Но исторический процесс одновременно прерывен в конкретных своих проявлениях. Связи в нём опосредованы определёнными компонентами, которые С.А. Теплоухов мог не видеть или они не просматривались из-за малочисленности археологических материалов. Аргументов у него при доказательстве справедливости построений всё же недостаточно, а иногда они отличались противоречивостью, и концепция в силу этого в отдельных, порой важных моментах выглядит теперь малоубедительной. Так, даже отдавая себе отчёт в наличии определённых несоответствий в материалах афанасьевской и андроновской, андроновской и карасукской культур, он упорно продолжал настаивать на непосредственной преемственности их. В этом С.А. Теплоухов выступал как последовательный эволюционист.

В целом значение работ С.А. Теплоухова трудно переоценить. Он не только создал хронологическую классификацию минусинских культур эпохи металла и выявил в определённой мере социально-экономическую базу их, но также стремился наметить пути дальнейших решений проблем, связанных с изучением памятников бронзовой эпохи Хакасско-Минусинской котловины. В последнем также проявилась его до сих пор вызывающая изумление интуиция — он в корне верно предсказал основные направления, по которым продолжалось позднее изучение древних культур юга Сибири, и очертил возможные пути решения отдельных проблем.

[1] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. В кн.: Материалы по этнографии, т. 1, вып. 2. Л., 1927, с. 58.

[2] Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае. В кн.: Географический вестник, т. 1, вып. 2-3. Пг., 1922, с. 27-28.

[3] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 58.

[4] Там же.

[5] Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни..., с. 28.

[6] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 62.

[7] Там же, с. 61.

[8] Теплоухов С.А. Следы доисторической жизни..., с. 28-29.

[9] Теплоухов С.А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае. В кн.: Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926, с. 88.

[10] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 62-71.

[11] Там же, с. 71.

[12] Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. В кн.: Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Л., 1929, с. 43.

[13] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 76-77.

[14] Теплоухов С.А. Опыт классификации..., с. 42-43.

[15] Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 59-60; История Сибири, т. 1. Л., 1968, с. 165.

[16] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 77-83.

[17] Там же, с. 83-84.

[18] Теплоухов С.А. Опыт классификации..., с. 43.

[19] Там же, с. 44.

- [20] Там же, с. 43.
- [21] Там же, с. 91-105.
- [22] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 106.
- [23] Там же, с. 101, 105, 108; Теплоухов С.А. Опыт классификации.... с. 45.
- [24] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 142-145; История Сибири, т. 1, с. 185; Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 133-135; Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 64, 124, 176.
- [25] Теплоухов С.А. Опыт классификации..., с. 45.
- [26] Там же, с. 46-47.
- [27] Там же, с. 47-48.
- [28] Там же, с. 48-49.
- [29] Там же, с. 45-50.
- [30] Там же, с. 46.
- [31] Там же, с. 46, 48.
- [32] Там же, с. 50.
- [33] Теплоухов С.А. **Металлический период**. В кн.: Сибирская советская энциклопедия, т. III. Новосибирск, 1932, с. 408.
- [34] Теплоухов С.А. Опыт классификации.... с. 49.
- [35] Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае..., с. 57; Он же. Опыт классификации.... с. 44, 46.

Заключение.

Обзор исследований по археологии Южной Сибири за двухсотлетний период завершён. Он свидетельствует о долгом и трудном становлении и развитии исторического знания, о прошлом населения этой части Северной Азии. Исследования XVIII в., несмотря на всю их естественную ограниченность, поддерживали сибирскую археологию на сравнительно высоком уровне, а в плане изучения памятников коренного населения они в известном смысле опередили даже общерусскую науку. В XIX в., особенно во второй его половине, стало остро ощущаться отставание сибирской археологии в области полевых исследований, обусловленное отсутствием должного внимания со стороны государства и ведущих научных учреждений страны. Тем не менее благодаря энергии и упорству энтузиастов накапливался фактический материал по археологии Сибири, позволивший в конце XIX — начале XX в. в самых общих чертах увязать исторические явления данного региона с процессами, происходившими в эпоху бронзы и раннего железного века на Евразийском континенте, а также выделить основополагающие проблемы южносибирской археологии. К ним относятся следующие: 1) типологической классификации памятников и содержания культурно-хронологической периодизации древней истории Южной Сибири; 2) датировка памятников и выделенных культур; 3) происхождения и взаимодействия культур, их исторические судьбы; 4) определение характера и структуры хозяйства древнего населения и его социального уклада. В процессе изучения этих вопросов наблюдается очевидная преемственность исследований с работами советских археологов.

Теперь остаётся установить путём сопоставления с современными данными науки, насколько плодотворны были усилия исследователей прошлого в решении указанных проблем.

Первая проблема. Учёные-путешественники первой половины XIX в. фиксировали лишь поражавшие их воображение памятники, а детальной обработке (с точки зрения классификации) подвергали только надмогильные сооружения. Отсутствие или крайняя ограниченность масштабов раскопок, неразвитость археологической науки вообще не позволяли им уяснить действительное многообразие памятников и уловить наличие между ними связи. Поэтому выделенные типы курганов отражали только внешние разновидности и, разумеется, не могли претендовать на раскрытие главного — поступательного развития древней культуры. Для формирования представлений о совокупности материальных объектов как комплексе, представляющем определённый культурно-исторический этап, необходимы были и иной уровень развития науки, и целенаправленные широкомасштабные раскопки, и соответствующий сравнительно-исторический анализ известных фактов. Только В.В. Радлову после значительных по тем временам раскопок удалось дать относительно правильное представление о культурном комплексе и объединить разрозненные факты в минусинскую культуру эпохи бронзы. Его последователи, восприняв идею о единстве культуры, классифицируя памятники, подразумевали в их разнообразии отражение социальных моментов, а не этапов в развитии самой культуры. Для успешного решения упомянутой проблемы необходимо было отказаться от устаревших принципов работы с материалом. Поэтому в первую очередь при проведении полевых работ С.А. Теплоухов выбрал для раскопок небольшой район (с. Батени на Енисее), где были сосредоточены разнохарактерные памятники. В ходе раскопок и анализа полученных материалов он сумел выделить основные культурные комплексы, отражавшие характерные, генетически, по его мнению, связанные между собой этапы в развитии материальной культуры древнего населения Южной Сибири. При таком взгляде на исторический процесс С.А. Теплоухов сохранял идею В.В. Радлова о минусинской культуре эпохи бронзы. Выделенные же им культуры (афанасьевская, андроновская, карасукская, минусинская курганная и таштыкский этап) воспринимаются как этапы в её развитии. В этом проявляются и методические установки С.А. Теплоухова и его предшественников, стремящихся проследить признаки единого эволюционного процесса развития культуры, акцентируя внимание на общих сходных

элементах культур, а также, что присуще С.А. Теплоухову, на хронологически-эволюционной «лестнице» культурных стадий.

В 30-70-е гг. XX в., несмотря на широкие раскопки советских археологов в Южной Сибири, классификация культур С.А. Теплоухова осталась основополагающей. Уточнились только этапы развития карасукской и тагарской культур. [1] Столь же жизнеспособной оказалась идея С.А. Теплоухова о единой линии развития культур от афанасьевской до таштыкской, когда они объективно выступают как исторические этапы. [2]

Некоторые изменения по периодизации эпохи бронзы в Южной Сибири произошли в 60-70-е гг. Г.А. Максименков выделил окуневскую культуру, отнеся её к ранней бронзе. [3] М.П. Грязнов выделил поздний этап карасукской культуры — каменноложский, [4] который Н.Л. Членова и Э.А. Новгородова рассматривают в качестве самостоятельной луговской культуры [так в тексте; обычно пишут — «лугавская»]. [5]

Вместе с афанасьевской и сменившей её андроновской окуневская культура, по мнению Г.А. Максименкова, представляет энеолитический и раннебронзовый культурный пласт в древней истории Южной Сибири. Конец андроновской и первой стадии карасукской культур он связывает с началом второго важного этапа в развитии культур среднего Енисея — периода развитой бронзы и раннего железного века. [6]

Вторая проблема. Впервые относительно определённые даты эпохи бронзы в Южной Сибири были предложены в начале XX в. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн время появления культуры раннего металла связывали со II тыс. до н.э. С.А. Теплоухов в значительной мере уточнил этот вывод, указав на самое начало II тыс. до н.э. Для времени существования афанасьевской культуры он отвёл первую половину II тыс. до н.э. (2000-1500 гг. до н.э.), для андроновской — вторую половину II тыс. до н.э., карасукской — конец II — начало I тыс. до н.э., тагарской — начало I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э. Современная археология добилась значительного успеха в датировке культур: афанасьевская — III тыс. до н.э. — начало II тыс. до н.э., окуневская — конец III тыс. до н.э. — начало II тыс. до н.э., андроновская — XVII-XIV вв. до н.э., карасукская — XIV-XIII — VII-VI вв. до н.э., тагарская — VII-III вв. до н.э.

Третья проблема. На первых этапах изучения сибирских древностей проблема происхождения ранних культур в её современном смысле не ставилась. Внимание сосредоточивалось в основном на выявлении связей памятников истории и культуры с одним из существовавших народов Евразии. Особо ценны в этом отношении высказывания Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга о скифском характере части минусинских древностей (тагарских). Им же и Г.Ф. Миллеру принадлежит идея о том, что другая часть памятников юга Сибири оставлена предками современных народов — «татарами» и «киргизами».

В конце XVIII в. П.С. Паллас высказал три гипотезы, которые в XIX в. определили главные направления научных поисков. Согласно первой из них, в Южной Сибири существовало высокоразвитое бронзолитейное производство (последователи — Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов, И.П. Кузнецов-Красноярский, Н.М. Ядринцев). Вторая гипотеза предполагала наличие в эпоху бронзы значительных миграционных процессов. Переселение народов будто бы шло с востока на запад, от среднего Енисея до Карпат (Г.И. Спасский, А.П. Степанов, Э.И. Эйхвальд и названные выше археологи). И наконец, в последней П.С. Паллас отождествил носителей культуры бронзы с протоугрофинскими племенами, что привело затем к выводу об алтае-сааянской прародине, угро-финских народов (Э.И. Эйхвальд, И.Р. Аспелин). Г.И. Спасский в этом вопросе не последовал за П.С. Палласом, считая гуннов наиболее вероятными носителями культуры бронзы юга Сибири. Алтае-сааянской гипотезе противоречили, однако, выводы М.А. Кастрена, который провёл в Южной Сибири основательные по тем временам топонимические, фольклорные, этнографические и археологические исследования.

В.В. Радлов впервые в сибирской археологии достаточно серьёзно поставил проблему происхождения минусинской культуры. Он не отказался от попыток идентифицировать древности с определённым народом Южной Сибири («древние енисейцы»), в чём продолжил идеи Г.Ф. Миллера. В.В. Радлов считал, что культура бронзы сформировалась где-то на просторах Центральной Азии и в готовом виде появилась на среднем Енисее, где испытала значительное влияние древних культур Иранского нагорья и «финских народов Урала». В противовес этому Д.А. Клеменц, А.В. Адрианов и И.П. Кузнецов-Красноярский настаивали на автохтонном и независимом от каких-либо влияний генезисе минусинской культуры, которая в силу своей «динамичности» напротив оказывала значительное воздействие на формирование культур Западной Сибири, Урала и Северного Причерноморья.

Д.А. Клеменц первым достаточно широко, если не считать высказываний Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга, поставил скифо-сибирскую проблему. Анализируя звериный стиль и оружие, он отметил поразительное сходство минусинских и скифских (Северное Причерноморье) форм, предполагая их самостоятельное в основных своих чертах развитие. Н.М. Ядринцев настаивал на происхождении скифской триады из минусинского культурного очага. В связи с этим следует отметить взгляды П. Райнеке, считавшего

Южную Сибирь всего лишь передаточным звеном в цепи взаимодействия древних культур Китая и Северного Причерноморья. Особого внимания заслуживает точка зрения И.Т. Савенкова, который, открыв на Енисее палеолит и неолит, высказал предположение о генетической преемственности культур палеолита, неолита и бронзы. Они, по его мнению, испытали серьёзное влияние древних цивилизаций Индии, Среднего Востока и Средиземноморья. Первая часть гипотезы у дореволюционных археологов не нашла сторонников. Подавляющее большинство исследователей, и особенно В.А. Городцов, настаивали на пришлом характере минусинской культуры бронзы. Он утверждал, что появилась она в Южной Сибири с Иранского нагорья с элементами воздействия культурных очагов Средней Азии и Ближнего Востока. Звериный стиль, по его мнению, имеет явно месопотамское происхождение, хотя он и допускал последующее автохтонное его развитие как в Южной Сибири, так и в Северном Причерноморье. В начале XX в. только Э. Минз настаивал на южносибирском происхождении скифской культуры, а в 20-е гг. он же и Г. Боровка отстаивали идею местного южносибирского происхождения скифо-сибирского звериного стиля. Первый выводил его из карасукской, а второй — из неолитической культур.

Наиболее полно взгляды археологов первых двух десятилетий XX в. на проблему происхождения минусинской бронзы представлены в работе Г. Мергарта. Его собственные полевые работы не подтвердили открытия И.Т. Савенковым в степях среднего Енисея неолитических памятников. Уже поэтому, с его точки зрения, не может быть речи о преемственности между неолитом и культурой бронзы юга Сибири. Последняя появилась на Енисее в сформировавшемся виде. Своеобразной основой её был особый культурный субстрат евразийских степей, предполагаемой прародиной которого он считал районы Средней Азии, Иранского нагорья и Ближнего Востока. Г. Мергарт, кроме того, поставил проблему взаимоотношений минусинской культуры бронзы с современными ей неолитическими культурами южносибирской тайги.

Таков круг идей дореволюционной сибирской археологии. Все они носят умозрительный характер и отражают острый недостаток конкретных материалов и отсутствие острого сравнительно-исторического анализа.

После разработки С.А. Теплоуховым культурной периодизации акценты проблемы происхождения минусинской бронзы несколько смещаются: рассматриваются вопросы происхождения каждой в отдельности культуры. Автор классификации выступает последователем своих предшественников только во взглядах на происхождение вообще минусинской бронзы: афанасьевцы пришли в Южную Сибирь «из иранского мира». Затем следует уже самостоятельное оригинальное решение проблемы. Путём внутреннего процесса саморазвития и некоторых влияний извне каждая из культур формирует основные компоненты последующей. В андроновское время С.А. Теплоухов прослеживает связи с сейминской, хвалынской и срубной культурами, сложившимися под влиянием южных традиций. В карасукское время доминирующее воздействие оказывают культуры Центральной Азии, в тагарское время опять преобладают контакты с западом (скифы). Во взглядах на скифо-сибирское искусство С.А. Теплоухов — сторонник Э. Минза.

В 30-70-е гг. археология Южной Сибири достигла заметных успехов. Неизмеримо возросла источниковедческая база, усовершенствовались методы работы с материалом, что позволило при решении проблемы опираться на строгий научный анализ исторических фактов. В связи с этим прежние идеи, казалось бы, должны были пересмотрены. Однако именно в разработке проблем происхождения культур среднего Енисея наблюдается удивительная преемственность. Бесспорным доказательством этого может служить последующий краткий обзор взглядов советских археологов.

В 30-50-е гг. С.В. Киселёв и М.П. Грязнов безоговорочно восприняли идею С.А. Теплоухова о последовательной смене генетически связанных между собой культур. Дискутировались лишь вопросы о доле участия в их формировании тех или иных культурных очагов Евразии. Истоки афанасьевской культуры они предлагали искать на западе или юго-западе, на что, по их мнению, указывали элементы ямно-катакомбного и заманбабинского культурных регионов. Не отрицалась также связь с местным (средний Енисей) неолитом. [7]

Андроновская культура обнаружила связи с комплексами срубной, хвалынской и тазабагъябской культур. [8] Позднее С.В. Киселёв отказывается от идеи генетической преемственности между афанасьевской и андроновской культурами. [9] В карасукской культуре он видел преобладающее влияние центральноазиатских элементов, [10] а М.П. Грязнов — юго-западных (памиро-ферганский антропологический тип). [11] Тагарскую культуру оба безоговорочно выводили из карасукской. [12]

Исследуя скифо-сибирский звериный стиль, С.В. Киселёв стремился объединить существовавшие в то время идеи. Тагарская звериная пластика как часть скифо-сибирского искусства происходит от карасукской, которая, в свою очередь, «имеет формы производные от анынских XV-XIV вв. до н.э.». [13] Она развивалась параллельно со скифским (Северное Причерноморье), испытала его влияние. Истоки скифо-сибирского искусства следует искать в традициях Ближнего и Среднего Востока, а также в искусстве мастеров северных районов евразийских степей рубежа II-I тыс. до н.э. [14]

В 60-70-е гг. разработанная С.А. Теплоуховым и его последователями жёсткая схема обязательной сменяемости одной культуры другой, исключавшая возможность рассмотрения нелинейных связей между ними и затруднявшая объяснение сложностей их генезиса, уже не удовлетворяла исследователей. Поэтому предпринимаются попытки иного подхода к решению проблемы происхождения культур.

Г.А. Максименков, как уже указывалось, разделил эпоху бронзы и раннего железного века на два периода, отличающиеся характером взаимосвязей составляющих их культур. В первом периоде между ними не было генетической преемственности, так как появление их на среднем Енисее обусловлено приходом нового населения. Афанасьевская культура связывается им с энеолитом восточноевропейских степей, окуневская — с таёжными культурами Томского Приобья, Прибайкалья, района Красноярска, андроновская привносится выходцами из Восточного Казахстана. Возможно, в определённые моменты они сосуществовали, не оказывая друг на друга существенного влияния. [15] Культуры же второго периода (карасукская, луговская, тагарская) связаны между собой генетически. Г.А. Максименков допускает возможность участия андроновцев в формировании карасукской культуры, хотя и отмечает, что это не было определяющим. [16]

Другая тенденция в решении проблемы связана с работами Н.Л. Членовой, М.Д. Хлобыстиной и Э.А. Новгородовой, во взглядах которых выделяется ряд общих моментов: 1) отрицание линейности в развитии культур и признание существования некоторых из них; 2) стремление установить прямые связи между экономическими культурами и культурами развитой бронзы; 3) утверждение незначительной роли андроновской и карасукской культур в истории среднего Енисея; 4) разработка идеи локального характера определённых памятников некоторых культур. [17] В этой системе взглядов наиболее плодотворными представляются первая и последняя гипотезы, детальная разработка которых может привести к положительным результатам.

Идеи Н.Л. Членовой о предполагаемой прародине культур среднего Енисея укладываются в рамки традиционных представлений. Андроновская культура сформировалась в пределах Казахстана, и роль её в истории среднего Енисея незначительна. Карасукская своими корнями уходит в культуры Средней Азии и Хорезма. В Минусинскую котловину носители её проникли через Монголию и Туву, осели в южных районах, так как на севере в это время жили андроновцы, тесные контакты с которыми начались с VIII в. до н.э. Луговская культура (каменоложский этап карасукской, по М.П. Грязнову и Г.А. Максименкову) — результат генезиса носителей неолитической, афанасьевской и карасукской культур. Тагарская культура есть конечный результат процесса смешения пришельцев из Восточного Казахстана, сформировавших основу своей культуры в Средней Азии, местных андроновцев, луговцев и карасукцев. [18] О прямой связи луговской культуры с афанасьевской и окуневской неоднократно писали А.Н. Липский, М.Д. Хлобыстина и Э.А. Новгородова. [19] Карасукская культура, по мнению Э.А. Новгородовой, сложилась в пределах Центральной Азии и на средний Енисей проникла отсюда. [20]

Во взглядах на проблему происхождения скифо-сибирского звериного стиля у современных авторов много общего с их предшественниками. Н.Л. Членова утверждает, что тагарская звериная пластика генетически связана с карасукской, уходящей своими корнями к культурам Луристана и Керкука. Сходство скифского и южносибирского стилей объясняется общностью происхождения. С V в. до н.э. тагарское искусство начинает испытывать воздействие «алтайского стиля» (Г. Мергарт). [21] А.И. Мартынов полагает, что широкому распространению скифо-сибирского звериного стиля способствовали полукочевой и кочевой характер хозяйства, а также общность происхождения скифских этносов. Поэтому несостоятельна, с его точки зрения, попытка выведения искусства из одного культурного центра. Формирование звериного стиля в каждом из районов происходило самостоятельно. [22] Раскопки кургана Аржан в Туве позволили М.П. Грязнову утверждать, что культуры скифского типа слагаются в евразийских степях к VIII в. до н.э. и развиваются синхронно, при этом культуры ранних кочевников Азии не были далёкой периферией скифского мира, а скорее наоборот. Вклад алтае-саянских племён в сложении основных скифских элементов был более значительным, чем собственно скифов, занимавших далёкую окраину древнего кочевого мира. [23] В связи с материалами Аржан особого внимания заслуживают идеи Н.М. Ядринцева, К. Боровки [так в тексте] и Э. Минза.

Четвёртая проблема. В XVIII — первой половине XIX в. исследователи механически переносили структуру хозяйства и общества современных им сибирских народов в далёкое прошлое. И только В.В. Радлов (вторая половина XIX в.), опираясь на данные своих раскопок, определил для эпохи бронзы среднего Енисея многоотраслевую структуру хозяйства: металлургия, (154/155)

орошаемое земледелие, скотоводство, охота. Д.А. Клеменц, говоря о социальной организации носителей культуры бронзы, предположил наличие централизованной власти во главе союза племён и родов. Работы С.А. Теплоухова позволили более конкретно представить структуру хозяйства общества. Для афанасьевского времени он установил неустойчивый, переходный от присваивающих форм к производящим тип хозяйства. В андроновское время основой жизни общества становится скотоводство. В тагарскую эпоху завершается формирование сложного многоотраслевого (металлургия, скотоводство, земледелие, охота) хозяйства. На фоне

этого процесса родовой строй постепенно разлагается, уступая место классовой структуре общества во главе с ханской властью, определённые черты которой фиксируются в погребальном обряде тагарской эпохи. Полевые исследования 30-70-х гг. XX в. уточнили некоторые моменты хозяйственной деятельности племен Южной Сибири в различное время, сохранив в общем представления С.А. Теплоухова.

Итак, краткий обзор идей, связанных с решением основных проблем южносибирской археологии, свидетельствует об удивительной их судьбе. Поражает жизненность, историческая реальность и истинность первых интуитивных заключений исследователей XVIII — первой трети XX в., а также избранных ими путей в решении проблем (скифский характер культур, связь образов прикладного и изобразительного творчества с религиозно-мифологической системой взглядов первобытного человека). Высказанные в качестве догадок и предположений при анализе очень ограниченного материала, они получили и получают подтверждение при обработке огромного количества исторических фактов. Даже те, которым история, казалось бы, подписала свой приговор (алтае-саянская гипотеза происхождения угро-финнов), при накоплении фактического материала и соответствующей сравнительно-исторической его обработке получают качественно новое звучание в работе Л.Р. Кызласова. [24]

Археологические работы в Южной Сибири, и в частности на среднем Енисее, развивались не только вширь, но и вглубь, т.е. исследования велись не только с охватом всё новых и новых памятников, но и с постановкой проблем. Соответственно это позволило решить многие из них, но часть из тех, что поставлены были исследователями в прошлом, ждут своего решения. К ним относятся: 1. Проблема связи минусинской бронзы с сибирским неолитом. Поставлена она в двух плоскостях. И.Т. Савенков, С.А. Теплоухов и С.В. Киселёв предполагали генетическую преемственность культуры бронзы, в частности афанасьевской, с местным неолитом. Г. Мергарт, не найдя такового на среднем Енисее, предложил исследовать характер взаимоотношений носителей культуры бронзы с современным им неолитическим населением окружающей степи среднего Енисея тайги. Второй путь в решении проблемы представляется более перспективным, так как неолитические памятники здесь до сих пор не найдены, несмотря на высокую степень изученности района. 2. Проблема хозяйственного уклада населения Минусинской котловины каждой из культурных эпох и социальной структуры общества. В связи с этим необходим детальный анализ погребальных комплексов и данных раскопок поселений. 3. Проблема взаимоотношений человека и природы в эпохи бронзы, железного века и средневековья. 4. Проблема реконструкции религиозно-мифологической системы взглядов на мир посредством изучения погребальных сооружений и изобразительного творчества. 5. Проблема происхождения скифо-сибирского звериного стиля, оригинальности сибирского его варианта. 6. Существующее многообразие точек зрения на проблемы происхождения культур указывает на неясность механизма их формирования. Исследователь имеет дело с готовыми культурными формами, а также с инокультурными элементами, которые одними трактуются как свидетельствующие о генетической преемственности, другими же как результат сосуществования. Не ясны также моменты, связанные с продолжительностью существования культурных традиций, их жизнеспособностью, т.е. способностью противостоять внешним воздействиям. Поэтому заслуживают самого тщательного исследования сами культурные комплексы с целью выявления стержневых компонентов, прослеживающихся от начала до конца существования культуры, что даст возможность уловить их генезис, а также второстепенных, свидетельствующих о взаимодействии с другими культурами.

Чтобы выявить генезис культуры, необходимо знать внутренние движущие силы этого процесса. Часто под ними подразумевают изменения в хозяйственном укладе. Но не всё так просто, ибо часто изменения в культуре прямо не опосредованы изменениями в хозяйственной жизни (образы скифо-сибирского искусства отражают далеко не скотоводческий тип хозяйства, и, в свою очередь, переход к скотоводству не повлиял на немедленное изменение образного содержания искусства). Процесс познания древних культур данного региона Сибири продолжается, он, как это ни покажется парадоксальным, лишь на полпути. Каждое новое усилие археологов приносит неожиданные открытия, рождает новые методы и способы осмысления и интерпретации источников, что, естественно, заставляет иначе, порой нетрадиционно, решать стоящие перед наукой проблемы.

Примечания

[1] Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 184-285; История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968, с. 180-196.

[2] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 23-484.

[3] Максименков Г.А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. КСИА, вып. 101, 1964, с. 34; Максименков Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири... МИА, № 130, 1965, с. 15; Окуневская культура и её соседи на Оби. В кн.: История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968, с. 165-172.

[4] Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции. КСИА, 1965, № 100, с. 62.

[5] Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 88-131; Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 174.

[6] Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины. В кн.: *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975, с. 49, 58.

- [7] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 43-44; История Сибири, т. 1, с. 159-165.
- [8] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 91-105.
- [9] Киселёв С.В. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, с. 28-43.
- [10] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 142-145.
- [11] История Сибири, т. 1, с. 184-186.
- [12] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 110-112, 136-146; История Сибири, т. 1, с. 187-196.
- [13] Киселёв С.В. Древняя история..., с. 176.
- [14] Там же, с. 236-250.
- [15] История Сибири, т. 1, с. 165-172; Максименков Г.А. Возможно ли сосуществование культур эпохи бронзы в Минусинской котловине. В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1968; Он же. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы..., с. 57-58; Он же. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978, с. 75-86.
- [16] Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы..., с. 58.
- [17] Там же, с. 48.
- [18] Членова Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3, с. 50, 53; Она же. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М., 1967, с. 216; Она же. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 77.
- [19] Липский А.Н. Афанасьевское в карасукской культуре и карасукское у хакасов. МИАЭИКрК. Красноярск, 1963, с. 80-82; Хлобыстина М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. канд. дис. М., 1963. с. 14; Новгородова Э.А. Локальные варианты карасукской керамики. МИА, 1965, № 130, с. 181; Она же. Локальные группы карасукской культуры (анализ украшений). Учён. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской, 1965, т. СХХХIII, с. 647-648.
- [20] Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970. с. 80.
- [21] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён..., с. 110-144.
- [22] Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. с. 118.
- [23] Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980, с. 56-61.
- [24] Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, с. 161-177.

Список сокращений.

АН СССР — Академия наук СССР
 ВИРГО — Вестник Императорского Русского Географического общества
 ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей. Отдел письменных источников
 ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЗВСОИРГО — Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества
 ЗВСОИРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества
 ЗИРАО — Записки Императорского Русского Археологического общества
 ЗИРГО — Записки Императорского Русского Географического общества
 ЗОСРАИРАО — Записки отдела славяно-русской археологии Императорского Русского Археологического общества
 ИВСОИРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества
 ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества
 ИИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИИРАО — Известия Императорского Русского Археологического общества
 ИКрОРГО — Известия Красноярского отдела Русского Географического общества
 ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
 ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в доисторическом, археологическом и этнографическом отношениях
 ИСОИРГО — Известия Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (166/167)
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАР — Материалы по археологии России
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы исследования по археологии СССР
 МИАЭИКрК — Материалы и исследования по археологии, этнографии, истории Красноярского края
 ММ — Минусинский музей
 МЭ — Материалы по этнографии
 СА — Советская археология
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук
 СО — Сибирское отделение
 ТВОИРАО — Труды Восточного отдела Императорского Русского Археологического общества
 ТГУ — Томский государственный университет